

Ирина Шейбак

«ЧЕМОДАН, ВОКЗАЛ, РОССИЯ!»

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

*Посвящается светлой памяти
моей бабушки Веры и папы Владимира*

Ирина Шейбак

«ЧЕМОДАН, ВОКЗАЛ, РОССИЯ!»
И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

«ЗОЛОТАЯ АЛЛЕЯ»
2020

УДК 821.161.1–3
ББК 84 (2Рос–Рус)44
ШЗ9

Дизайн и компьютерная верстка
А.В. Трефилов

Редактор
К.А. Большакова

Корректор
Е.В. Гурчева

Шейбак И.В.

ШЗ9 «Чемодан, вокзал, Россия!» и другие рассказы. — Калуга:
Золотая аллея, 2020. — 160 с.

ISBN 978—5—7111—0526—8

ББК 84 (2Рос–Рус)44

Сборник рассказов открывает трилогия о братьях наших меньших. Также в книге приведен авторский взгляд на ряд событий современной истории. Эмоционально и ярко автор рассказывает о переломном периоде времени распада СССР. Часть рассказов посвящена далекой окраине нашей страны – Курилам.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-7111-0526-8

9 785711 105268

ISBN 978—5—7111—0526—8

© Шейбак И.В., текст, 2020

© «Золотая аллея», макет, оформление, 2020

ЧИТАТЕЛЮ

Существование книг есть одно из доказательств человеческого бессмертия, а возможность найти себя или свою жизненную ситуацию на страницах чужого труда и вовсе сродни волшебству.

Протоиерей Андрей Ткачёв

Копределённому возрасту возникает потребность переосмыслить события, имеющие отношение к новейшей истории. Мы, родившиеся в СССР, стали свидетелями развала огромной страны, сопровождавшегося ломкой судеб простых людей. Мне довелось жить и в местах, где бурлил политический поток, и там, куда не ступала нога рядового гражданина. Со временем накопились яркие впечатления, изложенные на бумаге. В этой книге мне больше всего хочется донести до читателей тот эмоциональный урон, что был нанесён людям во время развала страны. Последствия душевных катаклизмов не проходят десятилетиями. И пока никто не изучил, как именно это влияет на дальнейшую жизнь всего общества. А то, что влияет, – это бесспорно. Хотя бы потому, что раны, нанесённые националистическими всплесками на моей малой родине, всё ещё кровоточат. Никак не налаживается жизнь в маленькой стране. Поэтому когда я хожу в храм, обязательно ставлю свечку и молюсь о мире в Молдове. Несмотря на то, что по национальности я русская и всем сердцем люблю

Россию, услышав молдавские мелодии, не могу сдержать слёз. В них есть и радость от встречи с музыкой малой родины, и боль от невозможности жить там, где родилась. Наверное, так грустил Сергей Васильевич Рахманинов, в жилах которого текла и молдавская кровь, когда покинул Россию навсегда. Недаром ностальгию называют болезнью души. Молдавия и Россия – это моя большая любовь и жизнь. Прошлая. И настоящая. Я делюсь ею с Вами, мой читатель. И прошу постараться понять сердцем: всё, что здесь написано, – правда, преломлённая через призму моего восприятия. Читайте с чистой душой. Пусть в ваших сердцах зажётся огонёк сочувствия к людям, познавшим утрату большого и долгое время единого организма – Советского Союза, страны моего детства и юности. Если у Вас возникнут вопросы к автору или желание приобрести книгу, пишите по адресу 15111972@mail.ru или звоните +79225374847.

ТРИ КОТА

РАССКАЗ В ТРЁХ ЧАСТЯХ

---

* * *

Никогда не знаешь, чего ждать от кошки! А уж от кота – и тем более. Вот он важно проходит мимо тебя, словно министр без портфеля. И ведь идёт прямо, никуда не сворачивая, словно ты – это не препятствие, а так – мелкое недо-разумение. От такой самоуверенности сначала удивляешься и шарахаешься в сторону, чтобы не мешать кошачьему торжественному выходу. И уже потом, понимая, что к тебе отнеслись примерно как к предмету мебели, начинаешь злиться: я хозяйка в квартире, а ты – всего лишь кот! Не тут-то было! Этот «всего лишь кот», словно угадывая твои мысли, резко меняет траекторию и совершенно неожиданно, но очень грациозно, прыгает на трюмо, а с него на шкаф, откуда через секунду свисают хвост и лапы. А где-то между ними на тебя презрительно смотрит полузакрытый кошачий глаз (второй демонстративно закрыт, показывая, мол, мы уже изволим почивать). И что самое интересное, весь этот маневр занимает не больше времени, чем ты успеешь прикрикнуть: «Брысь, я сказала!» «Да мало ли что ты сказала? И кто ты вообще такая, раскомандовалась тут на моей территории», – наверное, именно эти мысли проносятся в голове кота, пока я возмущаюсь и понимаю, что до него мне не добрат-ся. Приходится смириться в очередной раз с этой кошачьей наглостью. В такие моменты я всегда вспоминаю всех своих трёх любимых питомцев – Дымка, Барсика и Персика. Дымок жил в доме моих родителей, когда я была ещё ребёнком. Барсик поселился у нас в канун очередного дня рождения моего сына. А с Персика, нынешнего любимца, я и начала этот

рассказ. Вот он, мой рыжик, лежит на шкафу себе и незаметно подглядывает, а что это я задумала. Хотя делает вид, что его это совершенно не волнует. О каждом котике у меня есть свои истории. Не только весёлые, но и очень грустные. Если вы готовы посмеяться и горько поплакать вместе со мной, приглашаю их послушать.

ЧАСТЬ I. ДЫМОК

Вспоминая о своем детстве, не могу не рассказать про настоящего члена семьи, грозу гостей дома, умнейшего и хитрейшего – в жизни потом никогда такого не встречала! – кота Дымка. О, этот кот испортил немало колготок моим одноклассницам и обуви гостям. Помесь камышового и сибирского, наш кот обладал умом и свирепостью первого и красотой второго. Он имел прекрасный музыкальный слух, предпочитая классические произведения, которые любил слушать вместе с моей мамой по радио. Дымок ложился на форточку, открываемую специально для него. Он свешивал лапы вниз и урчал в такт мелодии. Но почему-то страшно не любил, когда мой брат играл на гитаре. Стоило только ему взять инструмент, как Дымок, завывая не хуже волка в полнолуние, нервно дергая лапами, словно по ним проходил электрический разряд, убегал подальше, забиваясь в самый укромный уголок квартиры. К моей игре на аккордеоне кот относился снисходительно – не убегал, не выказывал неудовольствия, но и не сидел рядом. Дымок, помимо увлечения музыкой, имел ярко выраженные артистические способности. Так, он мог притвориться практически невидимкой, но если надо, разыгрывал целый спектакль. Например, вы думаете, что кот уснул глубоким сном, лежа на кухонной форточке. Но стоило вам выйти, как он в один прыжок оказывался на столе, стоящем возле плиты, приподнимал одной лапкой крышку на сковородке и очень аккуратно, не снимая крышки с лапы, съедал все мясо. После этого крышка водружалась на место, а кот снова отправлялся на форточку – переваривать съеденную вкуснятину. Когда же мама приходила на кухню, чтобы разогреть мясо, трудно было бы заподозрить в чем-то глубоко спящее животное. Ведь пустая сковородка – это еще не повод подозревать не уличенного в краже кота! И такие

проделки случались регулярно до тех пор, пока папа не застукал проказника на месте преступления. Вот с тех пор кот стал опасаться отцовского тапочка. Вы догадались, почему? Стоило папе вполголоса сказать: «Дымок, где тапочек?» – кот сразу же исчезал из нашего поля зрения. Ненадолго. Ровно на такое время, чтобы придумать что-нибудь интересное. Я вот до сих пор не знаю точно – понимал ли Дымок слова или улавливал угрозу в папиной интонации? А как вы, мои читатели, сами думаете?

После проделки с мясом Дымок периодически удивлял нас своей смекалкой в процессе добывания любимой еды. А ведь кормили его, как на убой. Видимо, ему просто очень нравилась эта игра. Коту ничего не стоило научиться открывать холодильник. Он и двери-то все умудрялся отворять: в прыжке зависал над дверной ручкой, наваливаясь на нее всей массой. И – готово – вход свободен! Двери, которые можно было открыть с разбега, также не представляли большого препятствия. Кот разбежался и головой ударялся в дверь, та с треском распахивалась, а довольное животное вставало посередине комнаты и победно оглядывало тех, кто был внутри. Чаще всего там оказывалась бабушка, которая никак не могла привыкнуть к проделкам Дымка. Она вскрикивала и со словами: «Ах, ты, бес!» осеняла себя крестным знаменем. Кажется, кот оставался доволен собой.

Дымок любил во всем порядок. Иными словами, он был страшным педантом. И приучал всех к порядку только ему доступным средством. Оно действовало безотказно. У порога не должно быть обуви – так считал кот. Для обуви есть специальный шкаф – вот и складывайте ее туда. Если кто-то не придерживался этого правила, Дымок его учил: на первый раз рядом с обувью появлялась лужа с характерным запахом. На второй раз, – а кот определял провинившегося безошибочно! – лужа «поселялась» внутри одной из туфель. В третий раз вся обувь была мокрой. И сколько жидкости в одном коте – удивлялись гости! Правда, весил кот тринадцать килограммов. И на улицу он не выходил. Пару раз за всю его кошачью жизнь мой брат сделал несколько попыток вынести его в сетке во двор. Но Дымок прижимал уши к телу, а тело – к земле и замирал. Потом, почти по-пластунски, полз в подъезд. И мы решили больше не проводить экспериментов над котом. Пусть себе живет в доме, раз уж он такой насквозь домашний.

Еще Дымок не терпел ласковых поглажива-

ний, он вообще фамильярностей не выносил. И только маме позволялось погладить его разок-другой. Особенно любил наш кот встречать маму с работы и заглядывать в ее сумку в поисках чего-нибудь вкусненького. Мама никогда его не разочаровывала: Дымку доставался кусочек колбаски или сосиски. Вспоминаю еще такой случай: однажды в наш дом переехали новые соседи. Соседка, женщина самоуверенная, придя к нам в гости, решила погладить кота, лежавшего на спинке дивана. Ее предупредили, что трогать его нельзя, это может плохо для нее закончиться. Но она не поверила и продолжила попытку погладить уже изрядно отодвинувшегося от нее кота. Тот, видя, что попытка посягнуть на него продолжается, недовольно зашипел. Но и это не образумило женщину. И тут раздался звук, похожий на хлопок, характерный для удара чего-то твердого о ковер. Это Дымок, убрав когти, со всей кошачьей силой стукнул соседку лапой прямо по лбу. И – бежать! Но никто и не думал его наказывать. А соседка больше никогда не делала попыток завести с ним дружбу. Вскоре она вообще перестала к нам приходить. Животные очень хорошо разбираются в людях. Дымку вздорная соседка сразу не понравилась. И он оказался прав на ее счет. А вообще Дымок был злопамятным котом. С точки зрения человека. Но так ли уж он был не прав? Вот пример. Слегка подвыпивший сосед пнул кота ногой. Просто из грубости, чего мы никогда себе не позволяли. Кот затаил обиду и на другой день отомстил протрезвевшему обидчику. Он подкараулил его в коридоре и кинулся именно на ту ногу, которой его ударили. Нога пострадала весьма сильно, ведь в течение нескольких минут никто не мог разжать мертвую хватку кошачьих лап. Но родители не позволили соседу в отместку ударить кота. Даже в ущерб дружеским отношениям – да и прав был кот, как ни крути!

В 1974 году в Молдавии произошло землетрясение. Оно было сильным, трясло несколько раз. Это происходило в вечернее время. Я отчетливо помню, что мы всей семьей сидели у телевизора и смотрели фигурное катание. Мама обратила внимание, что Дымок начал вести себя странно где-то за двадцать минут до первого толчка: кот отчаянно мяукал и кидался на входную дверь, а вот болонка Мальвинка почему-то не выказывала признаков беспокойства. Но по телевизору показывали выступление советских фигуристов, никто и не стал разбираться в причинах аномального

поведения кота. И тут затрясло! Сначала не очень сильно. Люстра качнулась, кот заорал еще сильнее, мы вскочили с дивана и подбежали к дверному проёму. Родители знали, что с седьмого этажа на лифте нельзя спускаться во время землетрясения, а по лестничным пролётам опасно бежать. Мама помнила о землетрясении в Ташкенте, где жили ее родственники, когда земля расступилась, часть кинотеатра вместе с людьми ушла в этот проём, который через несколько секунд закрылся, погребая под собой несчастных людей. Поэтому самым разумным было встать в дверной проём, как мы коротко об этом говорили – «под косяк». В нашей трехкомнатной квартире косяков хватало на всех. Мы, дети, встали под косяки, а родители побежали будить бабушку, которая, кстати, при втором, более сильном толчке, упала с кровати и возмущалась спросонья, что это ее кто-то уронил. В одной из комнат стояли большие аквариумы с рыбками, тритонами и улитками. Когда в третий раз затрясло, амплитуда раскачивающегося дома была такая, что половина содержимого аквариумов оказалась на полу. И мы бросились спасать живность, забыв об опасности, потому что рядом ходили кот и собака, а бедные рыбки могли умереть или быть съеденными. Но почему-то ни кот, ни собака не проявляли интереса к аквариумным обитателям, они жались к нам, людям, ища естественной защиты от стихии. Они безгранично верили нам! Когда землетрясение закончилось, мы обнаружили, что успели собрать всех водных обитателей, а пострадал у нас в квартире только борщ, – кастрюля слетела с плиты. И еще удивительным было то, что стеклянная ваза «спрыгнула» со шкафа на стол и не разбилась. Вот такие чудеса! Зато как весело было нам, детям, ведь потом мы всю ночь провели во дворе вместе с многочисленными соседями и одноклассниками. Мы рассказывали друг другу, как пережили минуты «землетруса», и каждый ощущал себя героем или участником большого приключения. Кто-то, конечно, спасал вместе с родителями хрусталь и сервизы, но таких людей было очень мало. В основном, дети брали на руки домашних питомцев и выбегали с ними на площадку перед домом. К утру нам стало известно, что в школу никто не пойдет, это немного опечалило, ведь в советское время мы очень любили школу. Она была не только местом учебы, но и общения, радости от новых впечатлений, от удачно сделанной поделки, сыгранной в театральном кружке роли,

собранного в автомобильном кружке мотора или какого-то еще детского достижения. В это утро все ученики горели желанием прийти в свои классы и поделиться впечатлениями от пережитого. Но взрослые решили иначе. По радио передавали обращение к жителям Кишинёва о том, как нужно себя вести во время очередных земных толчков, а они предполагались в ближайшие сутки, ведь не очень далеко от нас находились молодые и растущие горы Карпаты. Удивительно, но в эти дни Дымок забыл, что не любит улицу и послушно сидел на руках у мамы, когда она вышла с ним во двор. Да, несомненно, животные знают, что ты хочешь им помочь, когда опасность вполне реальна. Я помню, как соседи сложили во дворе очаги из кирпичей и всем двором варили обеды, кто-то ходил за посудой, за продуктами. И мы дружно отобедали, никому и в голову не приходило считать, кто сколько и чего принес и потратил. С высоты прожитых лет я вижу, как беда и неприятности сплывают людей, как они необходимы для того, чтобы показать наше истинное лицо и закалить души. Те дни остались в памяти светлым воспоминанием с ощущением всеобщего единства, даже животные это чувствовали и вели себя иначе, были спокойнее, дружелюбнее. Целую неделю в нашем дворе царило это прекрасное настроение радости от того, что тебе любой поможет, только обратись. И ты сам, независимо от возраста и степени занятости, был готов кинуться на помощь по первому зову. Это было незабываемое чувство! Но прошла неделя, улеглись страсти, люди успокоились. Наши домашние любимцы тоже пришли в норму. Дымок снова начал задирать болонку Мальвинку. Думаю, он вёл себя так из вредности. Ему нравилось дразнить собачку, лапой, правда, без выпущенных когтей, толкая её в бок, когда она только начинала засыпать. Потом стремглав взбираться на журнальный столик и наблюдать, как разозлившаяся Мальвинка бродит вокруг столика, не в силах туда залезть. Довольный кот презрительно смотрел в её сторону, потом демонстративно отворачивался и засыпал, распластавшись на столике. Мальвинка тоже успокаивалась и шла в коридор. Река жизни снова потекла по привычному руслу.

Однажды Дымку очень не понравился одноклассник моего брата. Никто не мог понять, почему. Каждый раз, как мальчик приходил к нам в дом, кот бросался на него и пытался укусить за руку. Никогда еще он не вёл себя столь необъ-

---

ясным образом. Мы не могли понять, по какой причине такая агрессия со стороны Дымка. Приходилось очень быстро спасать ребёнка, перехватывая кота буквально за сантиметры от его руки. Но в один день этого не удалось сделать, кот исхитрился не только укусить до крови мальчика, но и исцарапал его ногу так, что пришлось везти ребёнка в травмпункт. Решили от греха подальше обрезать когти у кота. Извинились перед родителями мальчика, но причину агрессии так и не выяснили. И это был единственный загадочный случай возникновения агрессивности у Дымка. Мы предположили, что кот так охранял свою территорию. Или мальчик был не совсем доброжелательно настроен к моему брату, а кот это почувствовал. Как бы там ни было, этот ребёнок больше к нам не приходил. А поведение Дымка так и осталось для нас загадкой.

Многие знают, что у котиков есть привычка искать нужные им питательные вещества и витамины в растениях. Если животное живёт на улице, оно, конечно, может делать это свободно. Но наши коты, не пожелавшие выходить из квартиры на вольный ветер, предпочли добывать себе витамины из комнатных растений. Так, Дымок любил кушать пшеницу. Мы специально рвали в поле колосья и ставили их в вазочку, часть из них засушивали, чтобы и зимой побаловать кота. Он с удовольствием грыз не только зёрна, но и стебли. Все коты очень любили традесканцию, её сочные листья они ели с большим аппетитом. И, наконец, нельзя не сказать о том, что коты все «высотники». Их привлекает высота шкафа, книжных полок и даже антресолей. Дымок любил лежать на спинке дивана, а в лучшие годы мог свободно запрыгнуть на «стенку» (если кто не знает, то это мебель такая была в советское время – длинный шкаф с разными отделениями, стоящий вдоль всей стены комнаты). Однажды произошел такой случай. Коту нравилось забираться на шкаф и прятаться среди мягких игрушек, стоящих рядком. Дело было как раз после рождения моей дочери. Привыкший вольно царствовать в доме, Дымок не мог понять, откуда доносится писк и новый запах. И почему его, кота, хозяйка дома, не пускают в одну из комнат. Видимо, это долго не давало ему покоя, потому что кот придумал, как тайком исследовать территорию. Незаметно прошмыгнув в комнату, он взобрался на шкаф и затаился среди игрушек. А когда все вышли из комнаты, где уснул младенец, кот, движимый

любопытством, спрыгнул на пол и залез в детскую кроватку. Он обнюхал ребёнка. Но, видимо, не понял природу нового запаха и от отчаяния громко завыл, ну прямо, как собака. На этот звук сбежалась вся семья. Ошарашенный кот со вздыбившейся шерстью стоял рядом с малышкой, которая даже не проснулась, а мы пытались тихонько его изловить и удалить из комнаты. Кот уворачивался, видимо, прекрасно понимая, что никто шум поднимать не собирается. В какой-то момент его удалось взять на руки и вынести из комнаты. На Дымка жалко было смотреть, когда мама отчитывала его, ведь он привык к тому, что именно она всегда с ним ласкова. И я ни за что не поверю, что животные нас не понимают, потому что было заметно, как Дымок страдал и переживал совсем не по-кошачьи. В итоге мама сжалилась над ним, погладила кошачью спинку и сказала несколько ласковых слов. После этого он успокоился и лёг на привычное место – спинку дивана. Больше кот не делал попыток проникнуть в запретную комнату. Но стоило маме или папе взять внучку на руки и качать, расхаживая по комнате, как Дымок тут же срывался с места и начинал ходить вместе с ними, при этом тихонько, но весьма внятно урча себе под нос. Он очень ревновал к маленькому ребёнку и, наверное, был рад, когда мы с дочкой уехали.

Эти случаи относились к наиболее счастливому периоду жизни нашей семьи. Все еще были живы, – и страна СССР, и бабушка, и папа, и болонка Мальвинка, и Дымок. Мама часто вспоминает и другое время. Не было уже Советского Союза, умерла бабушка, разъехались повзрослевшие дети, папа поехал в Россию выбивать на склоне жизни место под солнцем на исторической Родине, чтобы перевезти маму туда, где русских не называли, как в Молдавии после 1991 года, оккупантами. И где не было лозунга: «Чемодан, вокзал, Россия!» Это было время перемен, «парад суверенитетов». Вспоминая Кишинев 1993–94 годов, мама сквозь слезы рассказывала о последней зиме в жизни Дымка. Было холодно, батареи почти не грели, к тому же горячую воду давно отключили. Было голодно – заработную плату выплачивали нерегулярно, а переводы из России в Молдавию ограничили. Кроме технических трудностей, существовал так называемый «человеческий фактор», состоящий из ненависти части коренных жителей к русскоязычному населению. Так вот, в ту зиму маме удалось купить три сосиски (!) – ей, помнившей голод послево-

енного времени в российской деревне, пришлось во второй раз пережить чувство голода. Мама честно разделила эти три сосиски между Дымком, собачкой Мальвинкой и собой. Постояла, пока собака и кот съедят каждый свою порцию, – чтобы не подрались из-за еды. Потом пошла мыть руки. А свою сосиску положила на кухонный стол. Через пять минут выходит мама из ванной комнаты и видит такую картину: Дымок, зажав сосиску так, что на кошачьей морде красовалось подобие Чапаевских усов, метался по столу, не зная, куда прыгнуть. Ведь в дверях кухни стояла мама, а у стола караулила Мальвинка. Мама сквозь слезы стала смеяться, а потом взяла Мальвинку и ушла в комнату, сказав коту: «Не мечись, Дымок, кушай!» И кот съел сосиску. Шла голодная, холодная, затянувшаяся зима 1993–94 года – последняя в жизни Дымка.

К осени папа, оформив нужные документы для выезда на историческую Родину – Россию – приехал за мамой. Квартира, все, что было в ней, дачный участок, политый потом родителей, друзья, привычный многонациональный двор – все переходило в разряд «прошлого». В дорогу брали только самые необходимые вещи. Грузили их в наш старенький «Москвич», который папа нежно называл «Яшкой». С собой забирали Мальвинку и Дымка. Но тут произошло нечто странное. Перед самым отъездом кота словно подменили, он обходил кругами всю квартиру, мяукал и бросался на двери. Дважды папа вылавливал его у лифта. И это нашего Дымка, который так боялся улицы! В прощальной суете никто не заметил, как Дымок ушел. Тихо. Незаметно. Навсегда. Он ушел умирать. Не вынесло бедное сердце животного боли, которую выразил когда-то тоже гонимый из родных мест композитор Огинский в своем знаменитом полонезе, называемом иначе «Прощание с родиной!» А мы, люди, вынуждены были смириться с этим чувством всепоглощающей тоски по родине под названием ностальгия. И недаром многие эмигранты возвращаются умирать именно на историческую родину. Дымок предпочел смерть разлуке. Он прожил с нами пятнадцать лет. Это были разные годы. Но Дымок навсегда останется членом нашей семьи. Я часто вспоминаю слова Антуана де Сент-Экзюпери из его «Маленького принца»: «Запомни, ты всегда в ответе за тех, кого приручил». И поэтому всех наших котиков мы считаем членами своей семьи. А как же иначе?

ЧАСТЬ II. БАРСИК

У одноклассницы моей дочери кошка окотилась в марте. Всех котят разобрали уже через месяц. Остался один чёрный котик. Его мы и взяли на воспитание и в друзья детям. Назвали просто – Барсик. Иногда это имя превращалось в Барса, Барселло и Барселито. В зависимости от настроения кота. Запомнилось, как котёнок искал себе укромное местечко, а сынок ходил за ним с лотком, потому что хотел угодить коту. Барсик оказался на редкость чистошлым котиком и делал все свои кошачьи дела всегда аккуратно, что немаловажно для жителей городской квартиры. Более того, на балконе у нас стоял деревянный ящик с инструментами, кот сам выбрал его для того, чтобы точить когти. Поэтому все наши знакомые удивлялись, как это ни мебель, ни ковры не пострадали от кошачьих когтей. Даже когда мы переехали на другую квартиру, кот нашел этот ящик и продолжил точить когти об его боковую поверхность. Нам оставалось только восхищаться: «Молодец, наш Барсик! Не то, что другие коты, о которых рассказывали одноклассники детей, – то диван испортят, то обои».

В связи с этим мне вспомнился случай из того времени, когда мы жили на Курилах. Знакомые привезли нам котёнка, такого же чёрного, как Барсик. Оказалось, что это кошечка, назвали мы её Анфиска. Хорошая с виду кошка, но сколько было с ней хлопот! Что только мы не делали, как ни старались, а приучить Анфиску к лотку так и не смогли. И это ещё полбеды. Удивительным было то, как она делала свои ежедневные дела, когда немного подросла. Вы не поверите! Я и сама долго не понимала, почему наши занавески все время мокрые и пахнут кошачьей мочой. Но как-то я подкараулила кошку, которая старалась выбирать для туалета время, когда в комнате никого не было. Анфиска подпрыгнула вверх и зацепилась за штору когтями. Через пару мгновений по поверхности занавески уже растекалось вонючее пятно. Терпению моему пришёл конец, и кошку пришлось увезти на дальнюю заставу, где она прекрасно освоилась и даже принесла потомство. Видимо, некоторым животным лучше жить на вольном дворе, чем в закрытой квартире. Главное, не выбрасывать их на улицу, а пристраивать туда, где их постоянно кормят и не обижают. Анфиска прожила много лет на заставе, и у неё было много котят. А в туалет она

приспособилась ходить, как нам рассказали знакомые, всегда в одно место – в огород. Наверное, эта кошка была очень близка к природе, к земле. И тут уж ничего нельзя поделаться. Но вернёмся к нашему коту.

Барсик был очень музыкален. Любимым его местом стало пианино, на крышке которого он отдыхал. А если ее открывали, кот начинал «музицировать». Он спрыгивал на банкетку и вставал на задние лапы. Поочередно правой лапкой ударял по клавишам, прислушивался к извлечённому звуку и продолжал это упражнение некоторое время. Потом что-то мяукал себе под нос, иногда фыркал, видимо, выражая негодование по поводу прозвучавшей дисгармонии. А когда сын садился за инструмент, кот усаживался рядышком или оставался на краю пианино, когда он еще туда помещался, и внимательно следил за руками. Сначала мы думали, что он пытается поймать пальцы, поиграть с ними, как это делают многие коты. Но нет, Барсик не нападал на руки, если только они не извлекали фальшивых нот. Мы даже проделали эксперимент: сын нарочно нажимал на клавиши, которые создавали дисгармонию в произведении. Тогда кот ударял лапкой по той руке, что была к нему ближе. Особенно любил Барсик слушать музыку Чайковского. Нам казалось, что она его усыпляет. Но как только произведение прерывалось на середине, кот, мирно дремавший все это время, тотчас же поднимал голову и вопросительно смотрел на пианиста. Взгляд был такой, что казалось, еще минуту и кот заговорит человеческим голосом: «Ну что же ты остановился? Видишь, я внимательно слушаю. Играй дальше!» И под этим взглядом невозможно было не доиграть пьесу. В связи с этим мне вспоминается ещё один эпизод из нашей жизни, связанный с музыкой, животными и растениями.

Когда сын учился в младших классах, в школе задали написать исследовательскую работу, которая была рассчитана на год. Мы выбрали интересовавшую нас тему: «Влияние музыки на живые существа». Начали исследование летом, когда жили у бабушки. Нам представилась отличная возможность изучить, как влияет разная музыка на рост китайской розы. У бабушки в разных комнатах росли в кадках две такие розы. Рядом с одной стояло пианино, а вот другой розе не очень повезло – сосед сверху ежедневно после работы включал часа на полтора тяжёлый рок. Перед началом эксперимента мы измерили рост растений, сфотографировали их.

Потом в течение всего лета сын играл на пианино классическую музыку, что совпало с изучением новой программы, заданной в музыкальной школе. А в другой комнате роза регулярно вынуждена была погружаться в атмосферу музыки в стиле тяжёлого рока. В августе перед самым отъездом мы произвели новые замеры и сделали фотографии. И вот что выяснилось: обе розы подросли. Но та, что «слушала» классику, – на четырнадцать сантиметров, а роза, вынужденная слушать рок, – всего на четыре. И главное – роза, «слушавшая» классические произведения, все лето цвела. А другая участница эксперимента даже ни разу не выпустила бутон.

Таким образом, мы сделали для себя вывод о том, что классическая музыка лучше воспринимается растениями. Во второй части эксперимента, проведённого уже дома, участвовали кошка с шестью котятками и аквариумные рыбки. Кошка жила у нас во дворе, она была всеобщей любимицей, её все подкармливали, пускали ночевать в подъезд, а когда приходило время окотиться, дети устраивали ей домик из разных вещей в одном из подъездов. Наша общая Мурка была умницей, нигде не гадила, следила за котятками и всегда была опрятной, словно жила не на улице, а дома. Котятка рождались ей под стать и их быстро разбирали то соседи, то гости соседей, так что уже через месяц-полтора у кошки домик пустовал. Вот это кошачье семейство мы и выбрали для дальнейшего эксперимента. Принесли коробку с котятками и кошку в дом, покормили всех, дождались, пока котятка мирно улягутся вокруг мамы. В это время сын начинал играть произведение Чайковского, затем Моцарта и Гайдна. Наши экспериментальные животные вели себя спокойно и мирно дремали в коробке. И тогда я включала рок музыку. Сначала потихоньку, чтобы это не напугало котят, потом постепенно прибавляла звук. Но уже на первых секундах звучания кошка и котятка начинали проявлять беспокойство: они нервно дергали лапками, мотали головами, котятка пищали и разбегались по комнате. Кошка мяукала и пыталась собрать их в коробку. Потом я выключала музыку, а сын снова играл классические произведения. Котятка прекращали бегать и медленно, как замороженные, брели к коробке. Через минуту все дремали, уткнувшись в мамину тёплую шерстку. Этот эксперимент мы смогли повторить только два раза, потому что было жалко котят.

С аквариумными рыбками эксперимент заключался в том, чтобы ежедневно в течение месяца в

одно и то же время при кормлении включать попеременно музыку из балета Чайковского «Щелкунчик» и произведения в стиле тяжёлого рока группы «Metallica». Ежедневные наблюдения мы записывали в дневник. И все записи месяца были абсолютно одинаковыми: во время звучания музыки Чайковского рыбки активно двигались, хорошо кушали и плавали, преимущественно, ближе к поверхности аквариума; но как только музыку переключали на тяжёлый рок, рыбки моментально прекращали кормление и опускались на дно. Даже после выключения звука рыбки примерно двадцать минут лежали на дне. Мы решили, что они были оглушены и ошеломлены звуковыми вибрациями, которые и человеческое ухо не всегда воспринимает как положительные.

После проведенных экспериментов мои дети начали более внимательно относиться к выбору музыки для собственного прослушивания. Жаль, что в подростковом возрасте они забыли о результатах этой работы. Видимо, влияние массовой культуры, которая пытается выдать звукоподобную продукцию за высококлассные музыкальные произведения, сказывается на подростках помимо их воли. И плохо, что задумываются об этом единицы. А наш кот Барсик всю свою восьмилетнюю жизнь придерживался правила слушать только гармоничную и душевную музыку. Хотя странно было ждать это от простого кота, не принадлежавшего к дорогим породам. И хотя мы шутливо называли его «наш двортерьер», на самом деле он оказался благородным и для нас – лучшим из котов!

Хотя и у Барсика были вредные привычки. Он очень любил съедать резинки и грызть провода. Причём, не имело большого значения, что это за резинка – школьный ластик, или резинка для волос, а может быть, просто какой-то мелкий резиновый предмет. Кота привлекал его запах. Но после того, как предмет был успешно съеден, наступал момент расплаты, ведь кошачий желудок не приспособлен переваривать такие вещи. Кот мучился от несварения, извергая вместе с резинками всё содержимое желудка. Приходилось прятать все резиновые изделия в укромные места. Главное было проследить, чтобы школьные ластик надолго не покидали пенал и не оказались случайно на пути у кота. А что касается проводов, то Барсик предпочитал наушники для телефона и провода от зарядных устройств. Их тоже приходилось прятать. В остальном же кот был вполне в рамках

кошачьей психологии питания: любил мясо, молоко, суп. Мы никогда не кормили его сухими кормами. Покупали специальные витамины для котов, делали прививки. До сих пор у нас сохранился кошачий паспорт на Барсика. Шерсть у нашего кота была гладкой и лоснилась, весь его вид вызывал уверенность в пышущем кошачьем здоровье. Это подтверждалось и резвостью, с какой Барсик двигался по квартире, играл с игрушками, нападал на чью-нибудь ногу из-за угла, причём, не причиняя вреда. Дочь научила его закрывать лапками мордочку, когда говорила: «Где Барсик? И не знаю». А когда из-под лапок выглядывала хитрая мордочка, доченька произносила с притворным изумлением: «Да вот же он!» Потом она брала кота на руки, ставила на задние лапы и делала с ним танцевальные движения под слова: «А кукарача, а кукарача, Барсик толстый таракан!» И коту это очень нравилось. Он вообще любил нашу детку больше всех, бегал за ней «хвостиком» и прощал любые выкрутасы, которым его подвергала дочь. Кот чувствовал, как его любят и ценят. Когда дочка вышла замуж и уехала, Барсик сильно тосковал. Он приходил в её комнату, ложился на диван и жалобно мяукал. Потом он перенёс свою любовь на нашего сына, позволяя и ему совершенно безнаказанно таскать себя на руках в любом положении и играть в разные игры. Особенно удавалась игра «в войнушку», когда в комнате строились баррикады, в которые кот с разбега врзался, а сын пытался его поймать с криками: «Вражеское нападение! Вперёд!» Потом Барсик давал себя поймать, и они в обнимку катались по ковру, кто кого переборет. Чаще всего кот оказывался пойманным бандитом или вражеским шпионом.

После игры оба дышали, как марафонцы, пересекшие финишную черту. И сразу же шли на кухню, заедать победу и поражение одновременно. Со временем сыночек стал называть Барсика «мой младший братик». Кот старался честно исполнять роль бандита или вражеского лазутчика, периодически утаскивая из воздвигнутой крепости то одного солдатика, то другого. Когда начинался учебный год, Барсик полдня отсыпался. Но стоило сыну вернуться из школы, как начиналась в доме кошачья жизнь. И это было очень здорово! Кот всегда провожал всех уходящих на работу и в школу до дверей, а мы говорили дежурные слова: «Остаёшься один на хозяйстве! Всех впускать и никого не выпускать!» Не знаю, понимал ли он наш наказ, но именно с этими словами связана одна

особенность Барсика, за которую все одноклассники сына, побывавшие у нас в гостях, прозвали его «Барс», имея в виду настоящего снежного барса. А началось всё с вечеринки по случаю дня рождения сына, когда в нашей квартире собрался почти весь класс. Естественно, детям лет восьми-девяти хотелось шумно повеселиться, Барсик никогда в своей жизни ещё не видел одновременно такого количества детей. Его это шокировало. А когда одна девочка начала визжать от того, что её окатили водой, кот так сильно испугался, что бросился бежать, но дверь оказалась закрыта. И тогда Барсик в панике набросился на визжащую девочку, поцарапав ей ноги и руки, потом забился под стол и сидел там, пока сын его не достал. С тех пор кот вообще не выносил криков, громких звуков, а уж тем более визга. После этого события он тщательно обнюхивал всех, кто к нам приходил. И если запах не соответствовал его представлениям о благонадёжности посетителя, то тому приходилось несладко: кот набрасывался на человека и пытался выгнать его из квартиры. Позже, повзрослев, Барсик все же давал возможность всем входить, но вот выйти из дома мог только тот, кого кот не считал «преступником». И если мнение кота не совпадало с хозяйским, то он затаивался. А затем улучал момент, чтобы как-нибудь укусить или поцарапать вошедшего «нарушителя». Иногда приходилось запирать Барсика в другой комнате, где он истощно выл, и провожать гостя до выхода. Выпущенный на свободу, кот немедленно обнюхивал территорию, пока не убеждался, что никого постороннего нет в доме. А после этого он долго вылизывал себя, как будто показывал всем, что его сильно испачкали. Поэтому все товарищи сына, прежде чем переступить порог нашего дома, тревожно спрашивали, где сейчас находится кот. И входили в квартиру только после того, как Барсик был изолирован.

Так прошло восемь счастливых кошачьих лет. Беда пришла, когда и не ждали. Было лето. Муж уехал в отпуск, а мы с сыном остались, поскольку нужно было выучить новую программу, заданную на лето в музыкальной школе. Всё было как всегда, ничего необычного. И вдруг одним вечером я заметила, что миска с кошачьей едой так и не опустошена. Барсик лежал на гладильной доске, в его внешности ничего не изменилось, но настроения у кота явно не было. Я подошла к нему, погладила, потрогала нос, он не был горячим. На всякий случай я принесла кота к миске, но он даже не понюхал еду, а

медленно ушёл в комнату и лёг на полу. Барсик не смотрел в мою сторону, он словно стал абсолютно равнодушен к окружающему миру. Когда пришёл с улицы сын, мы снова попытались покормить кота, но он только попил водички и лёг на то же место. Мне очень это не понравилось. Я тут же позвонила знакомому ветеринару, который посоветовал понаблюдать еще день. Мы не заметили никаких изменений и отвезли кота в ветеринарную клинику. Там чуть ли не силой запахнули ему в рот корм, хоть я и чувствовала, что это противно коту. Но вера в то, что добрый доктор Айболит вылечит котика, перевесила внутренние противоречия. Ветеринар посоветовал сделать ультразвуковое и иные исследования. Конечно, мы были на всё согласны. Сын держал Барсика на руках, когда ему сбрили шерстку на животике, чтобы сделать ультразвук, подозревали, что в печени могли происходить какие-то изменения. Но исследование не выявило патологии. Коту были назначены витаминные капельницы. Мы ежедневно в течение двух недель приезжали делать их. Улучшений не было. Наш прекрасный Барсик слабел с каждым днём, его чудесная гладкая шерстка поблёкла. Он уже пил только воду. Врачи даже не пытались нас успокоить, как мы потом поняли, они просто продлевали его агонию, сразу поняв, что кот умирает. О, эти жестокосердные люди! Если бы они были на месте нашего кота, что бы почувствовали тогда?

И вот наступил последний день. Сын отвёз котика в лечебницу, но врач, сжалившись, наконец, над ребёнком или видя муки животного, сказала честно и жёстко: «Ваш кот умирает, нет смысла делать ему капельницу, я сделаю ему укол обезболивания, чтобы облегчить муки». Сына трясло, когда он на такси приехал домой. Бережно передав Барсика мне, он не сдерживал слёз. Плакали мы оба. Я положила кота в его мягкую постельку – небольшой диванчик, где он обычно спал. Мы держали этот диванчик на руках, когда кот умирал. Проглатывая слёзы, мы говорили ему: «Барсик, миленький, не бойся! Мы с тобой, мы тебя любим, Барсичек!»

Мы, люди, ничего не могли сделать. А что можно сделать со смертью? Наш любимый кот умирал у нас на руках, мы оба чувствовали всем телом его предсмертные судороги. Это было как в страшном фильме ужасов, в который ты попал не по собственной воле. Ужас смерти, переживаемый с животным, бывает страшнее, чем моменты, когда умирает человек. Мне есть с чем сравнивать: я видела смерть своей бабушки.

Поверьте, смерть домашнего любимца – это такая же трагедия! И где мой сын-подросток взял такие душевные силы, когда вместе с соседским мальчиком по собственной инициативе поехал хоронить котика на самое высокое место в городе – холм возле телевышки. Сын сам выкопал могилу нашему Барсику, уложил в неё исхудавшее тельце кота, накрыл его полотенцем и присыпал землёй. Посадил цветы вокруг могилы и выстроил там небольшую стенку, как на настоящем кладбище. Мы некоторое время не могли вообще об этом разговаривать вслух. Сынок сразу повзрослел на несколько лет. А я почувствовала, что это горе объединило нас ещё больше. Хотя в воздухе постоянно «висела» тема смерти. И сейчас, когда я пишу эти строки, солёные реки текут по моим щекам. Я не могу забыть тебя, Барсик! Спи в своей кровати спокойно, мы всегда будем тебя помнить.

ЧАСТЬ III. ПЕРСИЖ

После трагической смерти нашего домашнего любимца Барсика я категорически не хотела заводить ни одно животное. Очень четко и ясно об этом было сказано вслух всем членам семьи. И притом неоднократно. Вымыв в квартире пол с химикатами, чтобы даже запах ни о чем не напоминал, время от времени я про себя отмечала, что по коридору не летают клочья шерсти, а на стульях нет кошачьих волос. Чистота и порядок в доме стали практически стерильными. Надо бы радоваться. Но нет! Грустненько как-то! На привычном месте не стоят мисочки для еды и воды. В ванной нет шампуня для мытья котика. А его любимые игрушки не разбросаны по квартире. В комнате, где спал Барсик, нет его мягкого диванчика, ведь именно на нем мы похоронили нашего кота. И тут такая тоска охватывала меня, что не описать словами! Хоть плачь, хоть кричи, но боль никак не уходила из сердца, словно это не кот покинул нас, а умер дорогой и очень близкий человек. Такое накатывало временами тоскливое состояние, что приходилось себя одергивать: так нельзя, это всего лишь животное, у него короткий век, как сказал мой брат-биолог, мол, закончились его биологические часы. И все-то я понимаю, все знаю об этом, и человек я взрослый. Но как быть, когда тобой овладевает самое настоящее горюшко!

Как-то мне попалась книга, в которой автор писал, что все умершие домашние питомцы отправляются прямиком «на радугу», в такое удивительное место, где они продолжают жить здоровыми и молодыми, счастливыми и веселыми. И вот я, взрослый человек, пытаюсь представить себе эту радугу, где весело проводит время наш Барсик. А когда приходят темные мысли, стараюсь проговорить про себя «волшебную» фразу: наш кот живет на радуге и ему там хорошо. На какое-то время удалось уговорить себя. Потом внезапно сочинился стих про Барсика, в котором все мои душевные муки были выражены в рифмованной форме. Мне немного полегчало. Но самое плохое, что те же чувства испытывал сыночек, который разделил со мной эту домашнюю трагедию и момент ухода котика. Внешне он старался никак не выражать своих переживаний, но взрослым было заметно, что не думать о трагическом событии он не может. Так прошло два месяца. Приближался день моего рождения. Дети, как обычно, готовили свои подарки, мастерили мне открытки и плакат. Так принято в нашей семье, что лучший подарок тот, что сделан собственными руками, в который ты вложил энергию, силы и любовь. Большинство открыток, плакатов и других небольших подарочков хранится в отдельной коробке уже много лет. Есть там и мои собственные изделия, и выпиленные из дерева, выжженные на дощечках картинки от брата маме, и милые маленькие сувенирчики от малышей, новогодние плакаты, где все члены семьи что-то рисовали и подписывали друг другу. В этом домашнем архиве вся наша жизнь, история семьи. И как бывает приятно окунуться в далекие невозвратимые годы. Стоит мне подумать об этом, как в памяти всплывают новогодние газеты разных лет, на некоторых из которых красуются фото наших котиков – Дымка и Барсика. Ну вот, опять, здравствуй, грусть-тоска! Я сосредотачиваюсь на том, чтобы ее развеять в дым, подумать о чем-нибудь приятном. Вспоминаю, что дети обещали на мой день рождения отложенный сюрприз. Просили подождать примерно месяц. Мне вот интересно, что они задумали? Но ничего не поделаешь, подождем. Прошел месяц и одна неделя со дня моего рождения. Честно говоря, уже забылось обещание сюрприза, а круговорот дел привнес в нашу жизнь новые заботы. И вот как-то в выходной день сынок отпросился съездить в город за чем-то «ну ооочень необходимым». А через два часа раздался звонок в дверь. Я как раз решала очередную жизненную задачу,

которая никак не хотела сдаваться. Обрадовавшись возможности сменить тему внутреннего размышления, спешу открыть входную дверь. На пороге стоит сын, держась обеими руками за живот. Я понимаю, что это неспроста. Но из-за теплой куртки ничего не видно, только какой-то маленький бугорок на поверхности. Я хочу его потрогать, но внезапно раздаётся нечеловеческий вопль. Да такой душераздирающий, что моя рука повисает в воздухе на полпути к куртке. «Боже мой, кто это?» – восклицаю я. И тут сынок распахивает куртку, а из-под неё выглядывает маленький котёночек, цвета спелого персика. У него такой розовый носик, ротик и такие же яркие подушечки на лапках. А на кончике довольно длинного хвостика красуется белая опушка. Но даже не сама внешность примечательна, а то, какой громкий и требовательный голосок у столь юного создания. Котёнок всё время пищит, требуя внимания к своей персоне. Забегая вперед, скажу, что этот котик будет очень разговорчивым, совсем не сможет находиться долго в одиночестве, которое, видимо, его угнетает. И даже когда он вполне сыт, поиграл, поспал, обязательно будет требовать, чтобы с ним поговорили, похвалили его, поругали – это без разницы, главное, чтобы ему была слышна человеческая речь или хотя бы музыка. Вот такой «отложенный» подарок на мой день рождения сделали детки. Оказывается, они договорились найти котёнка, который родился бы в один день со мной. Предполагали, что у нас возникнет духовное родство, и мне будет легче пережить разлуку с Барсиком. Дорогие мои заботливые дети! Они даже не предполагали, что сделали подарок не мне, а моему мужу. Как именно? Да вот так. Поначалу я удивилась подарку. И, как любой нормальный человек, умилилась при виде маленького беззащитного пушистика. Но как только я прикоснулась к его тёплой шёрстке, перед глазами пронеслась картина недавнего прошлого: маленький чёрный комочек, свернувшийся в моей руке. Вот он просыпается, поворачивает ко мне головку, зелёные глазки смотрят внимательно и доверчиво. О, Барсик! Ты не выходишь из моей головы, всё моё воображение парализовано тобой! Мой миленький зверёночек, как же я могу тебя променять на кого-то другого? Слёзы градом катятся из моих глаз, а сын понимающе смотрит на меня и тихо говорит: «Мамочка, я тоже не могу забыть Барсика. Но ведь этот котёночек ни в чём не виноват. Мы просто хотели, чтобы он стал нам новым другом». Момент был спасён моим мужем, который взял котика на руки и убаюкал. Именно

на его руках Персик, так мы называли кота, пригрелся и спокойно уснул. Поскольку были выходные, то два дня котёнок практически не слезал с рук «папы-мамы», как в шутку стали называть моего мужа. С тех пор так и повелось, кот признавал в доме за главного нашего папу, но считал его своей «мамой». Вспомнился мультик, в котором только что родившийся цыплёнок, увидев механическую курицу, принял её за маму. Видимо, у нашего кота сработал похожий механизм.

Прошло два с половиной года. Персик давно обосновался в нашей квартире, где по-прежнему летают кошачьи волосы, которые мы регулярно убираем со стульев, дивана и ковра. В ванной стоит специальный шампунь, а кот каждую неделю бывает вымыт. С утра до вечера, если мы все дома, слышится кошачий голос. В семь утра он вместо будильника требовательно взывает к совести своего «папы-мамы», мол, сколько можно валяться в постели, когда мой животик урчит от голода! И как только он узнаёт, что на часах ровно семь? После завтрака «мама» должна с ним поиграть, а если спешит или просто нет настроения, то нам обеспечено кошачье утробное ворчание минимум на час. Пока кто-нибудь не сдаётся и не берёт на себя роль успокоителя кошачьей тоски по обществу людей. Затем наступает время сна, а значит, в доме воцаряется желанная тишина и покой. Но ненадолго. Часа через два кот даёт всем знать, что ему требуется перекус. Он подходит к любому члену семьи, если не видит своего любимого «папу-маму», и лапкой со спрятанными когтями настойчиво бьёт по ноге или руке – куда достанет. Так он сигнализирует, что пришло время сопроводить его к тарелке с едой. Именно так! Конечно, когда он находится дома один, то не ждёт приглашения, идёт и ест. Но вот если в квартире есть хоть один человек, коту обязательно нужно сопровождение. Почему он так решил? Трудно сказать, ведь у животных, как и у людей, есть свои причуды. Говорят же и о людях, что за компанию кушается веселее. Более того, сопровождающий должен обязательно посидеть на кухне, где стоят миски, подождать, пока кот закончит трапезу и торжественно посмотрит в вашу сторону, мол, спасибо, друг, что составил компанию. После этого принимается усиленно умываться, а вы можете быть свободны. Но не расслабляйтесь! Потому что ещё не поиграли с котом положенные десять-пятнадцать минут. Или хотите все это время слышать музыку кошачьего недовольства вами?

Не перечить кошачьих проделок! Их можно описывать часами, но у каждого котика есть свои особенные, ни на кого непохожие вкусовые привычки. Так, Дымок очень любил жареный перец. Если чувствовал его запах, то, как говорила моя мама, «мог ободрать за кусочек перца». Барсик с большим удовольствием кушал дыню, причём, в больших количествах. А вот Персик сначала ел манную кашу, а когда подрос, то полностью от неё отказался. Его любимым блюдом стала варёная курица. И вот ещё какая странность: давно известно, что всем живым существам на этой планете нужна вода. Видимо, Персик другого мнения, потому что он её пьёт исключительно из-под крана, когда очень жарко, а в другое время обходится молоком. Всех своих котов мы регулярно купали под душем, мыли с шампунем, сушили полотенцем. К этой процедуре каждый из них относился по-разному. Дымка могла искупать только моя мама, которая ласково его уговаривала, кот при этом утробно выл всё время, пока его поливали из душа. При любом удобном случае он норовил сбежать. Барсика мыла я, причём с первого дня, как его принесла к нам в дом дочка. Котёнком он любил воду, совершенно не сопротивлялся и даже засыпал в моей ладони, пока я его поливала тёплой водичкой. Но когда кот подрос, любовь к водным процедурам куда-то испарилась. И мне с большим трудом приходилось его удерживать, чтобы помыть. Потом он отчаянно облизывался, глотая свои волосы, и в конце концов дело заканчивалось тем, что приходилось убирать кучки извергнутых кошачьим организмом комков шерсти. Персик же принял мытьё в качестве необходимого зла, от которого он не в силах избавиться. Поэтому банные дни для кота не омрачались ни голосовым сопровождением, ни попытками к бегству. Кот понимал, что его всё равно искупают, потому вёл себя довольно мирно. Но иногда ему удавалось долго бегать по квартире, прежде чем мы его поймем и унесём в ванную. Так что приходится признать, пловцов из наших котов мы не воспитали. Наверное, все знают, что кошки очень чувствительные. Они могут предсказывать землетрясения, предвидеть приход домой хозяев, почувствовать их состояние. И Дымок, и Барсик всегда знали, что кто-то из членов семьи идет домой. Они подбегали к двери и ждали, пока она откроется. А вот Персик ведет себя немного по-другому. Если кот чувствует, что его «мама-папа» идет с работы, он вскакивает на подоконник на кухне и смотрит,

где там его любимец. Потом начинает громко мяукать, видимо, услышав, как снизу у подъезда его зовут: «Кис!» Потом кот, словно обезумев, прыгает к входной двери и заводит серенаду, громкую и на высокой ноте. Это служит для всех домочадцев сигналом, – пришел наш папа. Когда тот уже едет в лифте, кот начинает «беситься» от бурной радости. Иногда Персик прыгает на дверь, пытаясь ее открыть, если думает, что мы долго, по его меркам, этого не делаем. И как только появляется ожидаемый человек, кот волчком крутится вокруг него, ласкается и урчит, выражая всем своим видом неподдельную радость. Он требует поиграть с ним и покормить, хотя и до этого в миске была еда. И только потом успокаивается.

А ещё у Персика есть любимая игра, мы её называем «игра в собаку». Каждый вечер кот приносит в зубах колпачок от ручки или крышечку от бутылки, а если ему не удаётся их найти, то просто любую скатанную в комок бумажку. Чтобы её скомкали, он настойчиво требует, мяукая и теребя любого члена семьи лапой. Потом тот, кто играет «в собаку» должен бросить, желательно подальше, предмет и сказать: «Персик, апорт! Ко мне!» И довольный кот через пару секунд несёт в зубах добычу. Аккуратно положив её перед игроком, Персик требовательно мяукает и ждёт, когда ему снова кинут предмет. Так он может играть хоть целый час, лишь бы у партнёра по игре хватило терпения. Обычно люди сдаются первыми.

Эта история ещё не окончена. И оттого на душе у меня светло. А как же иначе? Ведь и сегодня в моём доме бегают, поёт кошачьи песенки и требовательно просит поиграть с ним большой рыжий Персик, тычущийся своим розовым носиком в мои ладони. Я смотрю на него и вздыхаю, но уже без слёз, потому что знаю, что где-то там, на радуге, живут Дымок и Барсик. Они играют вместе и иногда смотрят в нашу сторону и радуются, что в моей квартире снова звучит мелодичный кошачий голосок, такой требовательный и любимый.

ИЗ СЕРИИ

«КИШИНЁВСКИЕ РАССКАЗЫ»

ГОРОДОК

В то время, о котором пойдет речь, мой папа работал на заводе «Молдавгидромаш», а мама – на заводе «Холодильник», чьи стены соприкасались через общую столовую. Дома, построенные ещё после войны недалеко от промышленной зоны, назывались городком. Это был многонациональный, громкоголосый, неуемный жилой конгломерат с бельевыми веревками многометровой длины, запахами летних кухонь, залежами запчастей от мотоциклов и бродящими между дворами курами. Среди частных домов возвышались несколько двухэтажек старого типа. Весной и летом всё это утопало в зелени, а зимой радовало птичек крупными гроздьями рябин и ягодами боярышника. Я с любовью вспоминаю этот городок моего детства, находившийся на окраине Кишинёва. Мы жили на улице Маяковского, в доме 21 Е. Помню его до мельчайших подробностей. Вот наша хибара, в которой мы размещались впятером: мама, папа, бабушка, брат и я. Все удобства – на улице. У крыльца росла старая слива, на одной из веток которой я любила подолгу висеть, представляя себя обезьяной Чичи из сказки про доктора Айболита. А перед окнами весной расцветали белые нарциссы, от них шёл стойкий аромат, похожий на мамины духи. От крыльца до ворот вымостили дорожку, по которой я каждое утро бежала вниз, чтобы за калиткой встретиться с подружкой Наташей. Мы играли на «поляне» – это было место, которое представляло собой остатки какого-то холма, разровненного бульдозером и заросшего травой. Когда на День Победы

в городе давали салют, весь городок выходил на эту поляну, потому что с неё было хорошо видно разноцветные огоньки, взрывающиеся в южное небо. И тогда что есть мочи и дети, и взрослые оглашали окрестности громким: «Уррааа!» Детская память более цепкая, чем мы привыкли о ней думать. Просто часто взрослые «теряют» ключ от этой кладовой. Но если поднапрячься, то живые картинки из прошлого так и норовят напомнить о себе. Вот пошел с утра на утиную охоту наш сосед дядя Савва, в болотниках и с настоящим ружьем! А через забор сиганул противный подросток Вовка, который однажды решил пошутить, заперев на своем балконе в двухэтажке нас с подружкой. И мы около часа кричали, пока не охрипли: «Вовка, открой!» Вся округа, казалось, наполнилась нашими голосами. Но зловредный мальчишка делал «козу» и кривлялся в ответ на наши крики, пока не пришла его мать. Уж она-то его выпоролла мокрым полотенцем прямо с веревки на балконе. Выпустив нас, Вовкина матушка долго пыталась улестить плачущих девочек, но мы не сдавались, порываясь «все рассказать, как есть» своим родителям. В конце концов, удалось нас успокоить, подарив каждой по петушку на палочке – любимому лакомству всех детей.

А случай с агрессивным петухом до сих пор вызывает у меня смех. Кто-то из соседей, польстившись на явную дешевизну, приобрел на рынке красивого петуха. Но потом оказалось, что тот был страшным драчуном. Особенно доставалось детям. Хозяева запирали птицу в своем дворе, но негоднику всякий раз удавалось выбраться. Через весь городок шла единственная дорога, и зловредный пернатый затаивался где-то в кустах, поджидая очередную жертву. Однажды он подкараулил и меня. Представьте себе такую картинку: идёт себе по дороге маленькая девочка, поёт песенку, вокруг – никого. Светит солнышко, щебечут птички. Рай, да и только! И вдруг неожиданно из-за кустов вылетает крупный, ярко-красный петух с огромным, как тогда казалось, клювом. Он угрожающе надвигается на меня, давая понять, что сейчас «повыдергает мои космы и выклюет глаза». Именно так говорила моя бабушка, предупреждая не ходить далеко от дома. Этот момент был одним из тех, что надолго врезаются в детскую память. При виде воинственного петуха, я почему-то не растерялась, а подняла большой камень и отломила от кустарника длинный прут. Замахнувшись камнем, что есть мочи заорала на наглую птицу так, как учили взрослые кричать в случае опасности: «Караул! Люди, спа-

сите, пожар!» И в то же время медленно двинулась к петуху. Потом, бросив в его сторону камень, погнала петуха прутом к кустам. Орать я не переставала. Мой боевой клич превратился в слова: «Получай, фашист проклятый!» Очевидно, это я запомнила из кинофильмов, хотя в то время мне было всего пять лет. Шум от моего сражения с грозой всех соседских детей эхом разносился по округе. Он стал призывом к хозяевам птицы закончить с «петушиным диктатом». И на другой день петух попал в холодец. Это был уже второй эпизод, прославивший меня на весь городок.

А вот о первом случае своей невольной «славы» я вспоминаю без восторга. Дело было осенью, когда в Кишинёве наступает такой прекрасный погодный период, что никто не желает сидеть дома, ведь на улице пахнет вареньем. Сладковатый запах гонит ребятшек от одного двора к другому. И везде на кострах бурлит и пенится в больших кастрюлях или медных тазиках ароматное повидло и варенье из яблок и груш, винограда и айвы. А хозяйки щедро делятся снимаемыми с него пенками. Каждый ребёнок старается набрать из дома побольше хлеба, чтобы толстым слоем намазывать его ни с чем несравнимым лакомством. Ах, какая же это была вкуснотища! Да ещё и на свежем воздухе. Вот так набегаешься из одного двора в другой и уже сыт на весь день.

На окраине городка, там, где заканчивается жилая часть, было засеяно большое кукурузное поле. Туда детям не разрешали ходить. За полем, стоит только перейти через дорогу, начинается промышленная зона, на предприятиях которой трудятся почти все мужчины и часть женщин, проживающих в нашем районе. Я бы даже не подумала пойти в ту сторону, если бы подружка Наташа, наевшись хлеба с вареньем, не захотела пить. Когда мы пришли к ней домой, её мама собиралась на работу во вторую смену. Попив воды, мы с подружкой снова вышли во двор. Нам стало скучно, мы были сытые, переиграли во все игры и думали, чем бы ещё занять себя. Неожиданно мне в голову пришла мысль поиграть в сыщиков, которые будут следить за мамой подружки. Главное, чтобы она нас не заметила. И вот мы уже крадёмся между деревьями и периодически падаем в высокую траву, когда нам кажется, что Наташина мама оборачивается и вот-вот нас увидит. Дойдя до кукурузного поля, неожиданно поняли, что стебли растений выше нашего роста. И через несколько минут две маленькие девочки заблудились в кукурузе. Обнаружив, что куда бы ни побе-

жали – везде кукуруза, мы начали громко реветь. В это время со смены шёл какой-то мужчина, услышал наш плач и вывел из кукурузы к первым домам, что начинались прямо перед полем. У дома он посадил нас на лавочку, попытался расспросить, где наши родители, дом, почему мы находились на поле. Но от усталости и страха ни я, ни Наташа ничего не могли рассказать, а только плакали. Из дома вышла хозяйка, услышала от мужчины нашу историю и вынесла нам по кружке молока и краюхе хлеба. Мы поели и уснули, привалившись друг к другу. А в это время мои родители и Наташин папа искали нас по всему городку, через какое-то время подключились соседи, а когда многочасовые поиски не дали результатов, вызвали участкового. Нам повезло в том, что Наташин папа встретил мужчину, который нас нашёл. Он и привёл его к нам. Заплаканных и уставших, нас доставили домой. Помню, как тётя Шура хотела меня шлёпнуть за доставленные переживания, но мама с папой ей не дали этого сделать. Они были очень рады, что я нашлась. Меня умыли, покормили и уложили спать. А утром провели беседу. Причём главным аргументом было то, что моё исчезновение чуть не разорвало родителям сердца. После этого случая, если мне хотелось куда-то тайно пойти, моему мысленному взору представлялись два сердца, которые так сильно стучат, что вот-вот разорвутся на части. И сразу же пропадало желание исследовать пространство за городком. Удивительно, но это действовало безотказно всё моё раннее детство, пока мы не переехали на новую квартиру.

ЗАГАДОЧНЫЙ СПАСИТЕЛЬ

Мой папа рассказывал, что в детстве ему приснился сон, который он запомнил на всю жизнь. Как будто к нему пришел седой старик в простой посконной рубахе навыпуск и таких же штанах. Одежда напоминала ту, в которой традиционно изображали графа Льва Толстого. Старик сказал папе, чтобы тот ничего не боялся, он его будет защищать во всех трудных ситуациях. А доживет папа, по его словам, до шестидесяти лет. Как ни странно, всю свою жизнь отец верил в этот сон. И не зря. В какие бы затруднительные истории он ни попадал, всегда что-то или кто-то спасал ему жизнь. Вот несколько показательных в этом отношении случаев. До

армии папа работал и учился. Чтобы из техникума дойти по короткой дороге до работы, ему надо было перейти через железнодорожный мост. В тёмное время суток там было небезопасно. Как тогда говорили: «Разгулялась шпана – одна штана!» Хулиганы встречали всех, кто шёл по мосту, грабили их, а наиболее строптивых сбрасывали на железнодорожные пути. Папа знал об этом, но в тот вечер он опаздывал на рабочую смену и решил сократить путь. На мосту его встретили несколько крепких парней. И тут произошло неожиданное: у папы откуда-то взялись силы буквально раскидать по сторонам превосходящих по числу противников, а потом что есть мочи бежать до работы. При этом он утверждал, что услышал голос того самого старика из детского сна, который говорил, как нужно действовать. Когда вспоминался этот случай, папа всегда удивлялся, откуда у него взялись силы. А однажды в церкви он увидел икону Серафима Саровского и узнал батюшку, приходившего к нему в детском сновидении.

Позже, в армии, произошел другой случай. Папа и его сослуживцы находились на учениях. Их разведывательная рота остановилась на ночлег в лесу. Стали собирать хворост, развели костер. Солдаты уселись вокруг огня. Через какое-то время понадобился еще хворост. Папа вызвался его собирать, причем, он будто бы почувствовал толчок в спину. Подскочил и пошёл в лес. Через несколько минут после того, как он скрылся за ближайшими деревьями, раздался сильнейший взрыв. Оказывается, под костром были неразорвавшиеся снаряды времен Второй мировой войны. Когда папа подбежал к костру, все ребята лежали разорванные в клочья, мёртвые. У отца хватило сил молча и тупо собирать части их тел, потом сообщить в часть. Полагаю, это происшествие нельзя назвать случайностью!

Но самый запоминающийся случай произошел с папой в 1975 году. У нас гостили родственники из Самары, которых надо было отвезти к самолету. До вылета оставалось достаточно времени, однако, когда мы подъезжали к повороту в аэропорт, оказалось, что из-за ремонта дороги следует свернуть на объездную трассу, что не входило в наши планы. В машине сидели четверо взрослых и двое детей. Папа был за рулем. Он увеличил скорость, и «Жигули» помчались по шоссе. Мне было восемь лет, но помню все так, словно перед глазами прокручивают старую киноленту: машина едет на большой скорости, по обочинам дороги растут высокие тополя, за ними – поле. Вдруг перед машиной прямо из пустоты материализовался ста-

рик. Его волосы и борода были совершенно белыми. В вечерних сумерках казалось, что он не идёт, а плывёт над трассой. Сколько папа ему ни сигналил, старик даже не повернул голову в нашу сторону, а расстояние между машиной и им не уменьшалось. Это вызвало у нас испуг. Папа быстро снизил скорость и остановил машину. Взрослые вышли из неё, но старик исчез так же неожиданно, как и появился. Когда мы вновь поехали, за первым же поворотом оказался недавно вырытый котлован. А перед ним не было ни ограничений, ни дорожных знаков! Если бы папа не притормозил, все мы непременно бы погибли. Через много лет я услышала песню Александра Розенбаума, где есть такие слова:

*А старик всё шёл, как сон.
По пороше босиком.
То ли вдаль – за горизонт,
То ли вглубь земли.*

Может быть, это был тот самый старик?

КВАРТИРА ЧЕРЕЗ КОСТЫЛИ

34 | «**В**наше время получить квартиру можно было и от государства, совершенно бесплатно, между прочим. А сейчас, если средств нет, в кабалу влезаешь, берешь деньги у банка под душегубные проценты! Эх, жили мы, как в раю, а про то и не знали!» – так могла бы начать разговор о новой квартире моя бабушка. Слава Богу, она не дожила до наших дней, иначе пришлось бы ей воочию увидеть время, которое она предсказывала: «Не думайте, что всегда будете так хорошо жить. Придут времена, когда пойдет народ на народ. Найдешь тряпочку, постираешь, погладишь и будешь её носить». Эх, до чего же мудрыми были раньше старые люди! В «лихие девяностые» так всё и случилось. Но сейчас я хочу вспомнить не о них, а о главном событии всех советских семей – получении новой квартиры. Мало что могло бы сравниться с этой радостью. Поэтому в семейной памяти она оставалась надолго. И у всех это происходило по-разному. Мы получили новое жильё в середине семидесятых годов прошлого века. А дело было так. Мой папа работал на заводе «Молдавгидромаш» и стоял в очереди на трёхкомнатную квартиру почти пятнадцать лет. Конечно,

---

очередность очень сложно было как-то изменить. Но всё же некоторые несознательные граждане время от времени делали попытки каким-то образом вклиниться в число первоочередников. И когда пришло время папе получать ордер, такой счастливый случай чуть не помог нечистому на руку чиновнику в погоне за чужой жилплощадью.

Здесь нужно немного рассказать о моем папе. Он был человеком довольно темпераментным, с хорошими актерскими задатками, конечно, в пределах домашней сцены. Папа разбирался в технике. Окончил политехнический институт, когда ему было за сорок, невзирая на то, что годился в отцы многим своим однокурсникам. В свободное от работы время он занимался мотокроссом. В Кишинёве была приличная трасса для этого вида спорта, где проводились не только Всесоюзные, но и международные соревнования. И даже если папа не принимал участия в заездах, мы ходили просто смотреть это зрелищное действо. Особенно впечатляли моменты, когда мотоциклисты преодолевали пригорки. У меня сердце замирало при виде подпрыгивающих мотоциклов, взлетающих на несколько секунд над дорогой. Случалось спортсменам ломать ноги-руки при неудачном падении с железного коня. Речь идет о том периоде жизни, когда на машину папа еще не заработал, а с мотоцикла уже упал. В результате – сложный перелом ноги. Как следствие – длительная ходьба на костылях. И вот как раз в это время на предприятии, где работал папа, неожиданно было назначено внеплановое заседание комиссии по распределению жилья. Её председатель знал, что папа, стоящий первым в очереди, пока находится на «больничном», а предназначенная ему квартира очень уж приглянулась родственникам начальства. Вот и решили, что наступил тот самый счастливый случай. Оставалось формально проголосовать за передачу квартиры другому человеку, а про папу вписать в протокол формулировку: «Не явился на заседание жилищной комиссии». Но простые рабочие папу очень уважали за честность и прямоту. Они говорили про него так: «Богаткин – скор на расправу, но справедлив. Он – наш человек!» Поэтому в самом начале заседания, на котором присутствовали представители цеха, кто-то из них под предлогом, мол, надо по нужде, вышел из кабинета и позвонил нашим соседям. Те, в свою очередь, сообщили папе.

Что тут началось! Вернувшийся в кабинет человек начал как мог затягивать принятие решения, задавая какие-то совершенно наивные вопросы. Уловка удалась и через некоторое время дверь кабинета,

где заседала комиссия, широко распахнулась и с таким треском ударилась об стенку, что выбила из неё большой кусок штукатурки. На пороге показался человек на костылях, с взъерошенными волосами, в его глазах играли не то фейерверки, не то огни от залпа «Катюши». От неожиданности в комнате воцарилось гробовое молчание. Папа – а это был он! – молча и очень медленно делал шаг за шагом по направлению к председателю комиссии. Тот невольно попятился назад, уперевшись в стенку. От сквозняка бумаги на столе разлетелись по всему кабинету, а тишину, возникшую внезапно, никто и не думал нарушать. Вдруг папа спросил, не повышая голоса, но нарочито отчётливо произнося каждое слово: «Кто собрался вселиться в мою квартиру. Сейчас прямо тут я ему накостыляю!» И для пущей важности поднял один костыль вверх. Но не удержал равновесие. Взмахнув руками, как буревестник перед полётом со скалы, папа запустил второй костыль прямо через стол и одновременно с грохотом рухнул на пол. Костыль, проехав по столу, уперся точнехонько в того, кто претендовал на нашу квартиру. Мужчина вскочил со стула и, по-женски взвизгнув, пустился наутёк со словами: «Ненормальный, я буду жаловаться!» Папу тут же подняли, стали успокаивать. И даже выделили машину специально для осмотра двух новых квартир на выбор в отличном районе на Ботанике.

Вот так, «через костыли», как шутили родители, мы и получили новую трёхкомнатную квартиру. Её ждали целых пятнадцать лет. Наивные люди! Все ведь тогда думали, что это – большой срок. Увы, сегодня мы, их дети, даже не претендуем на государственную жилплощадь – бесполезно! Государство забыло о нас, своих гражданах. И уже одним костылём квартиры из него не выбьешь.

БУЛЬВАР СОВЕТСКОЙ АРМИИ

В каждом городе нашей страны есть такие районы, где помнят свою историю всем двором, передавая её от прабабушек, расселённых после революции по коммуналкам, и до правнуков – жителей новой эпохи. Все мы, родившиеся в СССР, хоть и жили по разным союзным республикам-квартирам, но имели общее и счастливое детство. У каждого взрослого была своя заветная мечта. Любой ребёнок мог её угадать с трёх попыток.

Попытка номер раз – машина. Как средство передвижения. Но не только: это ещё и транспорт для осуществления второй мечты – поездки к морю, в Ялту, например, в Гурзуф, Гагры или Сочи. И всё же самая заманчивая цель – новая квартира. Желательно, чтобы была она трёхкомнатная и в хорошем районе. Со школой и садиком рядом с домом, магазинами и поликлиникой. Можно добавить сюда и остановку общественного транспорта, потому что добираться на работу лучше за четыре копейки на троллейбусе или за пять – в автобусе. Метро-то не в каждом городе имеется, а на автомобиле на работу не наездишься. Пусть бензин и стоил от 70 до 95 копеек за литр в зависимости от марки, не чета нынешним ценам-пираньям, но, как известно, «наши люди на такси в булочную не ездят». И уж тем более, на работу на собственном автомобиле – слишком большая роскошь! Даже для начальства. Хотя у начальника под рукой всегда имеется служебная машина. А простому народу больше подойдёт общественный и очень даже дешёвый транспорт. Можно купить проездной: пять рублей на месяц, а студенческий и школьный вообще на 50 и 75 процентов дешевле. Почему ж не ездить себе в удовольствие?

Но вот если ты получил новую квартиру, подошла очередь на отечественный «Москвич-412», на юге уже побывал по профсоюзной путёвке, то встаёт вопрос: как жить дальше, к чему стремиться? Ну не к реализации же глобальной мечты – построению мирового коммунизма? Этим серьёзным делом пусть занимаются те, кому по должности положено. А рядовой гражданин должен думать о земном. О том, например, что важно для комфорта каждой советской семьи: новой мебели, телевизоре и коврах. Сюда же приплюсуем хрусталь и сервизы на шесть, нет, на двенадцать персон. Из мебели лучше бы купить стенку «Орион» или «Аурика». Телевизор, конечно же, отечественный «Горизонт». Ковры персидские, молдавские, среднеазиатские, а сервиз – непременно «Мадонна».

Ну хорошо, представим себе, что и это уже куплено. К чему теперь советскому человеку идти в своих мечтах, ограниченных не столько содержимым кошелька, сколько бдительным оком любимых соседей? Правильно, к пище духовной! В этом смысле очень повезло жителям союзных республик, в которых было несколько книжных издательств. Вот мы, кишинёвцы, в этом плане – счастливые люди, в республике настоящий книжный бум. Каждый взрослый, состоящий в «Обществе книголюбов», регулярно оплачивающий взносы, может рассчи-

тывать на талоны, по которым в специальных отделах книжных магазинов выкупаются ценные и дефицитные издания. Талоны выдавались и за сдачу макулатуры. В городе было несколько крупных и хорошо оснащённых типографий и издательств. И сегодня на первых страницах книг в моей личной библиотеке можно прочитать их названия: «Картя Молдовеняска», «Тимпул», «Штиинца», «Литература артистикэ», «Лумина». Последнее выпустило немало интересных книг в серии «Мир приключений». А в издательстве «Штиинца» отличились серией «Икар», книги которой подходили на подарки любым молодым родственникам ко всем праздникам. Ведь книга для нас была лучшим подарком! Например, у меня бережно хранятся подаренные по случаю вступления в пионеры и окончания первого курса университета раритетные издания стихотворений и повесть о пионерке-партизанке Ларе, над которой было пролито немало слёз. Существовала также подписка на книги и услуга книга – почтой. Человек подписывался на многотомное издание, и по мере выхода тома в свет, приходило уведомление о поступлении книги в магазин. Книжные талоны – ходовой товар, на них можно было хорошо «навариться», как на заморском дефиците. Страна-то читала запоем. А кто не читал, всё равно старался подобрать книги хотя бы по цвету корешков в тон мебели, ибо количество литературы в доме определяло статус хозяина не меньше, чем автомобиль под окнами его квартиры. Так что кишинёвцы 60-80-х годов – в основной своей массе – люди начитанные. Кроме того, в городе было много театров, выставочных залов, музеев, кинотеатров, планетарий, концертный зал «Октомбрие» и филармония. Не говоря уже о музыкальной школе-десятилетке, музыкальном училище, институте искусств и консерватории. Республика регулярно получала подкованные кадры из местных вузов – университета, педагогического, политехнического, медицинского и сельскохозяйственного институтов. И при этом на каждом крупном и среднем предприятии существовала клубная самодеятельность, спортивные секции. Для них проводились свои смотры-конкурсы и соревнования. Особое место в культурном кругу занимали танцоры и музыканты, ведь Молдавия прославилась на весь мир своим хореографическим коллективом «Жок» и ансамблем народных инструментов «Тараф». Одним словом, республика в 60-80-е годы прошлого века процветала, а в 70-е была на пике своего культурного развития.

Вот в такой обстановке прошло моё детство. И когда папа получил на предприятии новую квартиру, счастье стало вполне осязаемым, его можно было потрогать, понюхать, как пахнут обои на стенках и легко открываются краны в ванной, а над входной дверью красуется голубой звонок, издающий приятную уху каждого новосёла звонкую трель. Помню первый вечер в новой квартире: ничего ещё не привезли, только посередине комнаты стоит одна табуретка, а на ней – кастрюлька с вареной картошкой «в мундире». Мы едим эту картошку и от радости не замечаем, как обжигает руки кожа, ещё не успевшая остыть. А потом мы с братом носимся из комнаты в комнату, как угорелые, никто нас не ругает, можно топтать и даже прыгать с табуретки на пол. Соседей-то в доме пока нет – мы вселились в него первыми! И весь двор по адресу бульвар Советской Армии, дом 21/3 – пока только наш. В нём уже поставили качели, беседку, шведскую стенку и разные гимнастические приспособления для ребятни. Был февраль и не сильно хотелось висеть на турнике или лазать по стенке, хотя даже зимой в Кишинёве было тепло. Через пару дней, когда в квартиры въехали ещё две семьи, а их дети вышли гулять, здоровая конкуренция заставила нас, дворовых первооткрывателей, занять лучшие места на холодных качелях. Правда, на короткое время. Потому что мы быстро подружились с новыми ребятами – Валеркой и Светкой. Подружившись, как-то не хотелось сидеть на одном месте. У нас появились товарищи для подвижных игр. Позже, когда на нашу лестничную площадку въехали ещё одни жильцы, к нашей компании присоединилась девочка Марина. И мы все вместе пошли играть в прятки. Неожиданно игра закончилась для любознательного Валеры гипсом. Просто до этого времени он никогда не видел мусоропровод и понятия не имел, что при игре в прятки нельзя спускаться по новенькой трубе этого блага цивилизации. Хорошо еще, что это был второй этаж.

Но самые интересные игры ждали нас впереди, в середине весны. Когда в дом начали массово въезжать семьи, привозившие с собой новенькие холодильники в больших картонных коробках. Мы с ребятами их собирали и относили на пока не застроенный пустырь недалеко от дома. Там росли кусты бузины, рябиновые деревья, дикая вишня и жасмин. Среди этой зелени, которая в весеннем Кишинёве очень быстро набирала силу, мы построили целый квартал собственного жилья

и играли в дочки-матери. Как же было весело и чудесно в нашем новом доме! И хотя все мы были разных национальностей и немного отличались по возрасту, семейным традициям и воспитанию, не было особых поводов для ссор. Кроме одного: каждая «мама» хотела, чтобы у её «детки» Валерка был «папой». Но девочки быстро между собой установили «очередь на Валерку», который безропотно им подчинился. Это был типичный пример древнего матриархата. Зато кормили Валерку все «мамы», поэтому на обед домой он шёл неохотно. Его родители никак не могли понять, почему у сына так испортился аппетит, пока настоящая мама Валерки, тётя Тамара, не сходила к нам в гости. Ей рассказали о продовольственных запасах, которые исчезают в нашем картонном доме. Как же смеялись наши родители! Нас вообще мало ругали, но уж если было за что, могли и «выдрать» ремнём.

* * *

Уже летом наш двор зажил своей полноценной жизнью. Посаженные по весне соседями деревья, разбитые вокруг дома клумбы радовали глаз ярким цветочным рядом. Регулярно устраивались стихийные субботники. Причём, участие в них было за радость. Белились деревья, подрезались кустики, высаживались новые цветы. Никто не бросал мусор во дворе, хотя ни одной урны я там никогда не видела. Даже если дети ели мороженое или конфету, бумажка доносилась до мусоропровода или просто засовывалась в карман, пока дома не подворачивался момент выбросить её в мусорное ведро. Помню, как соседи дружно пристыдили одну бабульку, которая по привычке, привезённой из халупы в частном секторе, села лузгать семечки на общественной скамейке в нашем дворе. Больше это не повторилось. Да и нам, детям, такой общественный контроль был только на пользу.

К середине лета во дворе все соседи перезнакомились друг с другом, а некоторые уже выпили вместе не один «пахар де жин» (стакан вина). Пожилые дедушки и бабушки каждый вечер занимали скамейки и наблюдали, как по тропинке от остановки троллейбусов номер восемь и семнадцать, через весь пустырь, в каждый подъезд стекаются ручейки отработавших смену чьих-то мам и пап. В это время каждый здоровался со всеми сидящими на скамейках, интересовался настроением, погодой, другими повседневными делами. И непременно кто-то из старожилов докладывал обстановку. Вниматель-

ный наблюдатель мог бы услышать, например, что чья-то Танька опять привела кавалера в нашу беседку, а Валерка повис на перекладине и случайно ногой задел голову Светки, отчего та громко ревела, пока ей не дали шоколадку.

Я и сейчас как будто вижу такую картину: вот моя мама идёт с работы. А сосед дядя Гриша, увидев её издали, кричит на весь двор моему брату: «Сирожка, бросай мячик, мама идёт, молока несёт!» Именно «Сирожка» и не как иначе! В этот момент мальчишки прекращают гонять мяч и всей ватагой устремляются навстречу нашей маме, которая каждый день предусмотрительно покупает на одну бутылку молока и один батон хлеба больше. И вот уже на полпути мальчишки перехватывают маму, быстро разбирая разломленный на куски батон, а Серёжа берёт бутылку, из которой потом вся компания будет прихлёбывать молоко. Когда оно закончится, бутылку отдадут «на сохранение» тому же дяде Грише. Вечером брата позовут домой, и он захватит бутылку, потому что её можно сдать в магазин и получить двадцать копеек. Если добавить столько же, можно купить ещё молоко. Так осуществлялось практически безотходное производство – настоящий круговорот бутылок в большом городе. Даже крышки от них не выбрасывались в мусор. Из нанизанных на длинную суровую нитку крышечек делалось «ожерелье», которое развешивали на дачах для отпугивания птиц.

* * *

Удивительное дело, мы жили в доме, где было шесть подъездов, но жильцы знали друг друга, а многие приятельствовали потом десятки лет. Была какая-то дворовая община, когда любой сосед мог сделать замечание детям и даже дать по шее за какой-то особо наглый поступок. Никто не бежал в милицию по этому поводу. Случались, конечно, ссоры. На то они и дети, что могут устроить «разборки» с рёвом и криком, а уже через минуту обсуждают совместный поход в кино или новые игры. В нашем дворе самой популярной стала игра в «курицу и цыплёнка». Это такой вид прыжков через большую скакалку, когда при ошибке «цыплёнка» «курица» могла прыгать за него и вырывать. Играли в неё и девочки, и мальчики. Так же, как мастерили самокаты из досок и катались на них с горки. Предметом моей гордости был сделанный папой самокат, у которого красовались настоящие подшипники с завода в Самаре,

где работала моя тётя. Все мальчишки просили дать им по очереди на нём прокатиться. Конечно, я этим пользовалась: когда скатывалась с горки, вверх самокат, опять же по очереди, носили мальчишки.

Через несколько лет, когда мы подросли, во дворе появились первые взрослые велосипеды марки «Орлёнок» и «Десна». У нас с братом у каждого был свой «велик». На колёсах красовались синенькие ниппели – предмет зависти тех ребят, у которых были старые велосипеды. За домом располагалась школа, в которую мы ходили. К ней примыкали два стадиона, по дорожкам которых мы катались на велосипеде, периодически заезжая в школьный двор. Прямо на него выходил один наш балкон и окна двух комнат. В течение учебного года из них можно было наблюдать за первоклашками, сидящими в классах. Но пока было лето и в школьном дворе местная «шпана» подкарауливала счастливых обладателей новых велосипедов, чтобы отобрать у них ниппели. Один раз и я попала в такую переделку. Гоняя на «велике» по школьному двору, не заметила подозрительных ребят, которые шли мне наперерез. Пришлось остановиться. Их было четверо, старше меня на год-два. Мне – лет тринадцать. Один сразу обозначил их цель, потребовал снять ниппели. Я ответила, что мой папа милиционер и сейчас смотрит на нас с балкона. Для большей убедительности помахала рукой какому-то мужчине, курящему на чужом балконе. И чтобы закрепить эффект, изо всех сил крикнула: «Папа!» И почему-то добавила: «Караул!» Мальчишки, огорошенные таким поворотом, быстренько разбежались по сторонам. А я не стала дожидаться, пока они поймут, что я блефую, и быстро начала крутить педали. Второго такого случая со мной больше не происходило. Да, милиция тогда была в авторитете. И по вечерам, когда по телевизору показывали сериал «Дело ведут знатоки» про будни советской милиции, дворы часто выглядели пустыми. Местные Томины и Анискины, в большинстве своём, были людьми чести, и любой ребёнок знал, что, случись ему потеряться или заблудиться, всегда можно обратиться за помощью к «дяденьке милиционеру».

* * *

пели песни бардов попеременно с орлятскими, выученными в пионерских лагерях, куда каждое лето ездили почти все советские дети. Помню, как мы внимательно слушали одну девочку, которой в составе танцевального коллектива удалось побывать в самом «Артеке»! Путёвка в обычный пионерлагерь от предприятия, которые в Молдавии имели собственные санатории, дома отдыха и пионерские лагеря на Днестре, Чёрном море и в других зонах отдыха, стоила работнику примерно четырнадцать рублей, остальное доплачивала профсоюзная организация. При средней зарплате к середине 70-х годов прошлого века в сто сорок рублей это было доступно любой семье. Мы с братом отдыхали по два месяца в разных лагерях. Папа работал на крупном промышленном предприятии, от которого каждый летний месяц отправлялись весёлые автобусы с радостной детворой, предвкушающей новые знакомства, игры, походы и купания. Первую свою зарплату я заработала, когда отдыхала в лагере «Поеница веселъ» («Весёлая полянка»). Там почему-то к началу смены не оказалось музыкального работника, а я неплохо играла на аккордеоне. Моя работа заключалась в том, чтобы сопровождать на утренней зарядке и различных культурно-массовых мероприятиях. Отдохнув и поработав одну смену, я получила первую зарплату. Правда, за ней пришлось идти с мамой, поскольку я была несовершеннолетняя. И хотя в ведомости расписывалась мама, но деньги она отдала мне. И я с гордостью положила свою первую зарплату в свой кошелёк. На эти деньги был куплен новый костюм и подарки всей семье. Как же было приятно их вручать маме, папе, бабушке и брату в свои неполные четырнадцать лет! Возможность подработать летом была у всех старших школьников: кто-то помогал на почте разносить газеты, другой мог подрабатывать собирать розовые лепестки, из которых делали варенье. Мои одноклассницы устраивались на летнюю работу в детские сады нянями, а одного мальчика даже взяли в подсобное хозяйство в каком-то колхозе, где работала его бабушка. Но никто никого не заставлял летом трудиться насильно, просто ребятам хотелось показать, что они уже почти взрослые, да и первые собственные деньги – тоже хороший стимул.

В последних числах августа в нашем дворе наперебой рассказывали друг другу, как в лагере мазали зубной пастой товарищей и даже вожатых. Вспоминали День Нептуна, массовое купание и как «русалки» топили «леших». А те, кто постар-

ше, шептались, по секрету, конечно, о вечерних прогулках и дискотеках. У меня тоже были воспоминания о «Союзе кепочек» – секретной организации шести мальчиков и девочек из разных городов, которые встретились в одном лагере и учредили этот союз по примеру Тимура и его команды. А поскольку в лагере совершенно не было старичков, над которыми можно было взять шефство, наш альтруизм распространялся на работников столовой. Мы помогали им по мере сил. В результате нехитрого опроса о наших навыках и умениях, завхоз выяснил, что я «дружу» с арифметикой. И доверил мне составлять дневную раскладку. О, это было что-то! Появилась возможность угощать друзей и брата, находящегося в том же лагере, печеньем, сгущёнкой и конфетами «Грильяж», выдаваемыми мне за труды щедрой рукой завхоза. Как вы понимаете, авторитет мой тем летом был на высоте. Кроме того, я получила ценный опыт калькуляции, пригодившийся мне через много лет на другой работе. Из чего был сделан вывод: в жизни ничего не происходит случайно, просто мы по своему малому знанию не умеем соединить все ниточки ковра судьбы и составить из них единое полотно.

* * *

Всё когда-нибудь заканчивается. И лето тоже подходит к порогу осени. У меня была привычка, родившаяся в первое лето жизни на новой квартире: вечером 31 августа, когда крупные звёзды на южном кишинёвском небе загорались прощальным летним светом, я выходила на балкон и подводила итоги уходящих каникул. Стояла глубокая тишина. Люди уже отошли ко сну, ведь завтра многим предстояла суматоха первого школьного дня с обязательной торжественной линейкой. Перед моим взором мысленно проплывали картинки активного отдыха, новые знакомые, старые товарищи по дворовым играм, собранный к учёбе портфель и отглаженная школьная форма. А в ночной темноте угадывались очертания школы, находящейся так близко от дома, что, казалось, только руку протяни – и дотронешься до её стен. По периметру бордюра, отделявшего школьную территорию от домовой, были высажены похожие на кипарисы тополя. Они росли вместе со мной, и каждое 31 августа я отмечала, что деревья становились чуточку выше. Я говорила им вслух: «Вот вы и стали старше на одно лето». А потом добавляла: «До свидания, лето!» И сердце щемило от грусти, хотя печалиться было не от чего, ведь

завтра наступит мой любимый праздник – День Знаний. Я с удовольствием пойду в следующий класс, взяв большой букет осенних астр. Этим цветам августовские звёзды как бы невзначай передают эстафету, как своим тёзкам. Ведь астра – по-латыни – звезда.

* * *

Шли годы. Мы с братом окончили школу и университет. Умерла бабушка. Я вышла замуж и уехала из города. Распался Советский Союз. Родители покинули Молдавию, предпочитая состариться на исторической родине. Ушёл в мир иной мой папа. Вскоре и брат продал квартиру и уехал на чужбину. Осиротел наш двор, видевший не только многочисленные отъезды соседей из Кишинёва, но и похороны тех, кто не выдержал психологической травмы, сопровождавшей народ при распаде некогда большого и могучего государства, защищавшего интересы граждан во всех сферах. Кто-то не сумел приспособиться к новой жизни и влачил жалкое существование. В общем, у всех судьба изменилась, как правило, не в лучшую сторону. Как и у нашего двора. Он осиротел, деревья постарели, цветы высохли, никто больше не устраивал субботников, не ухаживал за цветниками. Подъезды оснастили домофонами, так что войти в них, как прежде, свободно, не представлялось возможным. Мои любимые тополя срубили. И некому теперь было бы указывать на их возраст.

Приехав несколько лет назад в Кишинёв навестить родственников, я горела желанием сходить на бульвар Советской Армии. Теперь это была другая улица – бульвар Траян. И хотя дом стоял на прежнем месте, пережив несколько землетрясений и политических катаклизмов, сотрясающих республику с 1989 года, но найти в нём старожилов оказалось делом нелёгким. Из прежних соседей в нашем подъезде осталось мало людей. И всё же мне удалось их отыскать. С какой радостью меня встречали эти люди – не описать словами! Слёзы лились рекой. Каждый старался вспомнить самые лучшие дни, увы, оставшиеся в прошлом. Никто не стал жаловаться на нынешнюю жизнь, понимая, что уже ничего не изменить. Можно было только радоваться счастью нежданной встречи. Мне нескоро удалось уйти. Хотелось ещё обойти территорию вокруг дома, заглянуть в школьный двор. С большой неохотой меня отпускали соседи, прощаясь так, словно знали: мы больше не увидимся. Никогда.

Как же я тоскую по тебе, мой город детства и юности, Кисинёв! Ты навсегда в моём сердце, как и наш двор, школа, тополя, звёздные ночи 31 августа каждого года, прожитого в доме по адресу: бульвар Советской Армии, дом 21/3!

ПОСЛЕДНЯЯ СКАМЕЙКА

«Галина, ты с работы что ли? Давай, клади свои сумки рядом и посиди со мной чуток. Что я тебе расскажу! Садись скорее, сейчас Зинаида Петровна с Марией Ивановной выйдут, и приземлится тебе негде будет – одна скамейка осталась на весь двор! Да и то благодаря мне!» – услышала я предложение соседской бабули, проходя мимо лавочки у подъезда, чудом сохранившейся с того времени, как под окнами совершенно безнаказанно голосили полночи то подростки, то «наотмечавшиеся» взрослые. Как метко подметил один сосед, «хотели свободу, а получили толерантность – вот и терпим свободное выражение хамства». Поэтому весь дом вынужден слушать, как с вечера очередной новоявленный Ромео, приняв «пять капель» для храбрости, дурным голосом орёт посреди двора: «Рая, золотце моё, выходи, я уже скучаю!» Через некоторое время, в полном соответствии с периодами опьянения, известными в народе, как стадия «льва, обезьяны и свиньи», Рая превращается в Раюху, а ближе к часу ночи, в «Райку непутёвую». И только после того, как свет во дворе гаснет, жители дома с облегчением выдыхают: тишина за окном вещает о том, что очередной Райкин ухажёр благополучно уснул на лавочке. А двор поступал в распоряжение «собаки Баскервилей», как прозвали огромного пса, выгуливаемого одним соседом исключительно по ночам. От лая этой псины, издаваемого, впрочем, довольно редко, стёкла в окнах на первом этаже нервно дрожали и норовили покинуть рамы. Но это было лучше, чем порядком надоевший голос уснувшего Ромео. Тем более, что никто гулять вместе с собакой не собирался. Потихоньку дом засыпал.

Так продолжалось довольно долго, независимо от времени года. Гостеприимные скамеечки у всех подъездов принимали в свои объятия то Ромео, то парочку алкоголиков с верхних этажей, которые, видимо, просто не успевали добраться до своих квартир, в то время как их догонял Морфей. Люди давно привыкли к распорядку, укоренившемуся во дво-

---

ре, считая его необходимым злом многоквартирного дома, где никакие стены не удерживали тайны семейной жизни многочисленных жильцов. Но вот одной достаточно тёплой зимой произошёл случай, который нарушил привычный ход вещей и заставил одного мужчину взяться за топор, чтобы уничтожить скамейки у всех подъездов. Кроме одной – мимо которой я прохожу каждый день. Её отстояла та самая бабушка, что приглашала меня посидеть.

А дело было так. Как-то в наш двор забрёл не то работник культуры на пенсии, не то сантехник новой конторы, которая сменила многочисленные «жилищно-коммунальные отделы», специализирующиеся на отъёме денег у населения под видом благоустройства домов. Тем более, что мужчина, пришедший в наш двор, имел внешность, приличествующую сантехнику после удачного дня. Но вот поведением он больше походил на непризнанного певца провинциальной филармонии. Назовём его господин Шляпкин. Часов в девять вечера, когда зимой уже хорошо стемнело, этот непризнанный гений оперы приходил в наш двор, вставал на скамеечку, словно на сцену, и низким голосом вопрошал невидимого слушателя: «О чём задумался, детина?» В первый вечер, видимо, из любопытства к репертуару дворового певца, на улицу взирали удивлённые зрители, которые пока не понимали, возмущаться им или звонить в «дурку». На всякий случай народ замер в ожидании. И новоявленный артист не обманул свою публику. Он исполнил весь известный ему репертуар Розенбаума. Потом последовали арии из опер, цыганские романсы и советские песни.

Импровизированные концерты продолжались целую неделю, порядком надоев однообразным репертуаром. Но через неделю Шляпкин порадовал публику народными песнями. Затем он затянул романсы. За романсами из репертуара певца Сергея Захарова последовала ария князя Игоря из одноимённой оперы Бородина. Особенно певцу удалось сакраментальные слова: «О, дайте, дайте мне свободу! Я свой позор сумею искупить!» В этот момент от избытка чувств у Шляпкина перехватило дыхание, чем воспользовалась одна из соседок, явно не поклонница оперного искусства. Через сетку на окне донеслась её реплика: «Мужик, дай нам свободу от тебя, ты достал уже всех, иди домой!» Приняв этот возглас за одобрительный, «певец» затянул цыганский романс, обратившись лицом к окну, из которого ему кричали: «Милая, ты услышь меня! Для тебя пою под гитару я». Но тут на одной ноте мужской го-

лос, не дотянув до нужной высоты, сорвался и «дал петуха». Реакцией на это был отчётливый смех из окон нижних этажей. Мужичок рассердился и заорал, что есть мочи: «Приду я к милой в терем и брошусь в ноги к ней. Была бы только ночка, да ночка потемней!» И в этот момент во дворе, действительно, стало темно. Тут неожиданно раздался низкий, но довольно громкий голос старушки с первого этажа, констатировавший в полной тишине: «Час ночи! Фонари опять отключили, мздомцы жэковские! А мы исправно платим за коммуналку, вот при Сталине такого быть не могло». В ответ раздался голос старичка со второго этажа: «Ага, да ты еще и лампочку Ильича вспомни, старая перешница!» И пока бабулька собиралась с мыслями, думая, как бы ответить давнишнему противнику по дворовым политическим баталиям, пришедший в себя Шляпкин, с благодарностью развивая идею, поданную дедом, запел с новым вдохновением: «И Ленин такой молодой и юный октябрь впереди!» Его голос, одиноко прозвучавший посреди зимней ночи, мало напоминал мелодию Пахмутовой. Но все же он послужил ориентиром для вышедшего из соседнего подъезда соседа, который вывел свою «собаку Баскервилей» на вечернюю прогулку. Как вы понимаете, во дворе стояла темень, животное двигалось на голос ничего не подозревавшего Шляпкина. Хозяин собаки, привыкший к тому, что пёс безнаказанно гуляет без намордника и поводка, не сразу сообразил, в какой опасности находится некто на скамейке. Собака не спешила. А мужичок понятия не имел, что во дворе он уже не одинок. Для следующего вокального номера он выбрал душевную песню о потерянной собаке. Но вот беда – слова куплета выпали из памяти, а на языке вертелся только припев, который и услышал весь двор. Зато Шляпкин вложил в него всю душу, и даже скупая мужская слеза успела оросить его небритую щёку. И в этот момент весь дом услышал душераздирающий крик: «Найдите собаку, найдите собаку! Вернись поскорее, мой маленький друг!» Почти одновременно с последним словом припева раздался такой страшный вой, словно у живого волка вынимали сердце. От полной неожиданности мужичок без сознания свалился со скамейки в ближайший сугроб. Ну а наша местная «собака Баскервилей» сидела рядом с ним и протяжно выла. Наверное, так она выражала одобрение приятной для собачьего уха песне незадачливого дворового певца. Видимо, тут мы, соседи, должны были понять, какая нежная душа живёт в столь опасном

собачьем теле. А вот хозяин собаки, наконец-то, осознал всю опасность ночных прогулок своего питомца без намордника. Чтобы больше не рисковать ничьим здоровьем, на следующее утро он топором разрубил все скамейки во дворе, кроме, конечно, той, что удалось отстоять моей соседке по подъезду.

Вы спросите, а что же случилось дальше со Шляпкиным. Как оказалось, со страху он бросил пить и устроился на работу вахтёром в клуб, где по воскресеньям жалостливым голосом пел в хоре ветеранов народные песни. Но вот что интересно, ежевечерне он приходит в наш двор и выгуливает вместе с соседом местную «собаку Баскервилей», нежно называя пса Рексюшей и вполголоса напевая ему романсы. Вы не поверите, оказалось, что этот Рекс щенком жил у Шляпкина, который уже в то время начал беспробудно пить и громко распевать любимые песни, невзирая на крики жены, уставшей от его многочасовых концертов. В отместку за эти вечерние выступления женщина продала любимого щенка своего мужа новому хозяину. И вот через несколько лет они встретились при таких необычных обстоятельствах. Об этом мне и хотела рассказать соседка, пригласившая присесть на последнюю в нашем дворе скамейку.

«ЧЕМОДАН, ВОКЗАЛ, РОССИЯ!»

1989 год стал поворотным моментом для многих граждан СССР, проживающих на территории союзной республики – Молдавии. Именно тогда произошел ряд событий, о которых мне бы хотелось вспомнить. Часть из них носит личный характер, но некоторые повлияли на судьбу страны. Надеюсь, кому-то будут интересны воспоминания человека, являвшегося не только современником этих событий, но и знавшего, хотя и в разной степени, некоторых исторических персонажей, по воле или при участии которых вершились судьбоносные дела.

* * *

Начну с личного. 7 июня 1989 года умерла бабушка, которую я с детства называла «бабка». Это был, пожалуй, самый близкий мне по духу человек на тот момент. Ее смерть стала для меня неожиданностью, притом, что все род-

ственники готовились к неизбежному. Даже после того, как у бабушки случился инсульт, я продолжала делать ей уколы и верила в выздоровление. Незадолго до этого мне и брату приснились почти одинаковые сны, из которых однозначно становилось понятно: бабока умрёт в апреле. Брат был младше меня, ему захотелось тут же рассказать о сне. Что он и сделал. Возможно, потому и сместились сроки события. У бабушки произошел инсульт не в апреле, а девятого мая. Мы всей семьёй в День Победы всегда навещали родственников-ветеранов. И в 1989 году не нарушили традицию: приехали к старшему сыну бабушки – дяде Саше, который прошёл всю Великую Отечественную, завершив её в Австрии. Его жена, тётя Аня, ушла на войну одновременно со своим отцом, воевали они на разных фронтах, а встретились в Берлине, и вместе вернулись домой – вот какая удивительная судьба! И дядя Саша, и тётя Аня имели многочисленные награды, в том числе каждый – орден Красной Звезды. Когда был жив средний бабушкин сын, дядя Петя, воевавший и комиссованный по ранению, мы всегда посещали в День Победы и его семью. Но 29 декабря 1985 года он скоропостижно скончался от сердечного приступа. И в этот раз бабушка настояла на том, чтобы мы поехали после визита к дяде Саше на кладбище к среднему сыну. Как её ни уговаривали, она стояла на своём. Пришлось всем смириться и поехать. У могилы дяди Пети бабока, конечно, сильно расстроилась, поднялось давление. Несколько дней постельного режима дали положительную динамику. Почувствовав себя лучше, бабушка поднялась с постели и решила приготовить нам ужин, но не рассчитала своих сил. После этого и случился роковой инсульт.

* * *

Помню, когда дядя Петя умер, на третий день он «пришел» к своей маме как бы живым. Видимо, его душа хотела попрощаться. Это было при свете дня. Воспринималось вполне естественно, потому что все родственники знали о, как бы теперь выразились, экстрасенсорных способностях бабушки. После смерти брата мой папа сразу как-то постарел, словно уменьшился в росте. Я теперь понимаю значение выражения, что «горе прибывает человека к земле». Так оно и есть.

* * *

стояло пройти не только положенные для выпускников испытания, но вместо защиты дипломной работы сдавать несколько дополнительных экзаменов. Произошло это по трагическому стечению обстоятельств: накануне умер руководитель моей дипломной работы. А было это следствием событий, сотрясавших столицу Молдавии уже не первый месяц. Так, по призыву местных националистов из окрестных деревень в Кишинёв прибывали автобусы с жителями молдавских сёл, часто не совсем трезвыми. Обстановку подогревали прибывшие в республику из Прибалтики эмиссары националистического движения. Они выступали перед этими людьми, расположившимися прямо на ухоженных газонах перед правительственным зданием. Эти эмиссары вещали на чистейшем русском языке. Заметьте, не на английском или молдавском! Потому что большинство их слушателей были малообразованными людьми, первое время с трудом понимавшими, чего от них хотят. Это позже их движущей силой стала мысль о том, чтобы выгнать из республики всех русских, евреев, украинцев и иже с ними, и занять освободившиеся городские квартиры. Безо всякого стеснения они громко обсуждали возможность такого исхода на центральной площади города несколько месяцев спустя после первых митингов. Определённо, с запада спонсировали и проезд эмиссаров, и выступления местных националистов, и кормёжку возлежавших на газонах масс населения. Не могу не вспомнить поразившие меня слова прибалтийских «варягов». С трибуны на главной площади Кишинёва они вещали примерно следующее: «Коренные жители Молдавии, извините, что приходится говорить с вами на языке оккупантов». И далее шли призывы к борьбе против всего русского, включая законных граждан республики, которых предлагалось высылать под лозунгом: «Чемодан, вокзал, Россия!» Всё это происходило прямо напротив Арки Победы, где еще были высечены слова о маршалах-победителях и фамилии многонациональных героев той страшной войны, в которой плечом к плечу сражались жители СССР. А ведь именно в ходе Яско-Кишинёвской операции, со дня которой в этом году исполнилось 75 лет, была освобождена территория Молдавии, разрушенной немецко-фашистскими захватчиками совместно с примкнувшими к ним румынскими войсками. Ещё существовал музей на Кицканском плацдарме, хранящем следы от снарядов и мин. Всё ещё носила одна из улиц имя славного Героя

Советского Союза Алексея Ильича Бельского, под чьим командованием солдаты первыми ворвались в освобождаемый ими от фашистов Кишинёв. Вдова А.И. Бельского проживала в городе на бульваре Негруци, я была у неё в гостях в составе делегации школьников. В нашей средней русско-молдавской школе №57 на улице Бельского силами класса, в котором я училась, и под руководством учителя истории, Синяевой Любови Ефимовны, был создан сначала класс-музей, а потом и целый музейный этаж, посвящённый 89-й гвардейской стрелковой Белгородско-Харьковской Краснознамённой ордена Суворова дивизии и Герою Советского Союза полковнику А.И. Бельскому. Насколько я знаю, они не сохранились. А ведь в своё время ребята нашего краеведческого отряда проделали большую работу по поиску участников боёв за освобождение Молдавии. Нам удалось наладить регулярную переписку со многими ветеранами, проживающими в разных регионах страны. Мы даже летали в Харьков на слёт поисковых и краеведческих групп. Дорогу оплачивало государство в лице промышленных предприятий, на которых работали родители учеников. Школа написала соответствующие письма-ходатайства и без лишних вопросов деньги были выделены на это благое дело. Ведь патриотическому воспитанию в нашей стране уделялось большое внимание. Как оказалось, и его было недостаточно, чтобы предотвратить события девяностых годов. Кстати, многие родители учеников поддерживали своих детей в этом начинании. Например, в один из отпусков мой папа специально спланировал дорогу в Самару через Ульяновск, чтобы навестить ветерана. Когда мы прибыли по известному адресу, оказалось, что незадолго до этого старый солдат умер, но его вдова передала в школьный музей письма. Как жаль, что собранные по крупицам нами, детьми, документальные материалы, проливающие свет на реальные исторические события, были уничтожены чьей-то безжалостной рукой! А ведь в мире фашизм снова поднимает голову, его адепты пытаются фальсифицировать историю побед советского оружия во время Великой Отечественной и Второй мировой войн. Поэтому каждый документ нужно было бы бережно сохранять для потомков. Но в эпоху перемен никому не было дела до какого-то там школьного музея.

И вот в 1989 году с центральной площади столицы республики до идущих по своим делам людей уже доносились страшные, крамольные

и человеконенавистнические слова, подхваченные местной интеллигенцией, получившей образование не в Румынии, под каблук которой они так стремились, а в Советском Союзе. И неплохое-таки образование! Одна дама, считавшая себя поэтессой, с остервенением выступала – вдумайтесь в эту фразу! – за чистоту рядов молдаван. Чем же это так уж сильно отличается от известных постулатов фашизма?! Я слышала много подобных речей на кишинёвской площади и у памятника Штефану чел Маре (Стефан Великий в русской транскрипции). Но одно меня пробрало до костей. Это случилось, когда эпатажная поэтесса Леонида Лари, сама мать, вполне серьёзно предложила немедленно расторгнуть все смешанные браки, а детей от этих браков сдать в специальные дома-приёмники, в которых их бы обучали румынскому языку и культуре. Для пущей важности эта националистка предложила в качестве жертвы за свои идеи самосожжение вместе с собственными дочерьми. Естественно, до этого не дошло. Позже больная фантазия этой женщины разыгралась с новой силой, что повлекло за собой развод с русским мужем. А уже после этого – прошу не смеяться, всё было сделано не шулки ради! – Лари, чьё настоящее имя Любовь Ивановна Йорга, «вышла замуж» за памятник Штефану чел Маре. Более того, этот «брак» венчал настоящий священник по фамилии Бубуруз, который во время так называемой церемонии венчания даже постучал кольцом по памятнику. Не знаю, что бы на это сказал господарь, если бы внезапно воскрес! Ведь его дочь была женой русского царевича, сына Ивана III, а сам он при жизни женат на русской княжне, с которой его хотела развести посмертно новоявленная «невеста» Лари. Звучит как бред! Но вот толпа местных националистов и привезённых из сёл в изрядном подпитии молдавских крестьян, наблюдавшая за этим святотатством, реально ликовала. Ну чем не Древний Рим с его девизом «Хлеба и зрелищ!» Известна печально знаменитая в своё время цитата из самой Лари: «Пусть у меня будут руки по локти в крови, но я вышвырну оккупантов, пришельцев и манкуртов за Днестр, я их выброшу из Транснистрии, и вы — румыны — настоящие хозяева этой многострадальной земли, получите их дома, их квартиры вместе с их мебелью... Мы их заставим говорить по-румынски, уважать наш язык, нашу культуру...»

Если вы думаете, что это было единичное выступление полусумасшедшей женщины, оши-

баются! Мне памятен не только вышеупомянутый лозунг «Чемодан, вокзал, Россия!», но и более страшные слова, написанные на плакате, прикреплённом к зданию Верховного Совета Молдавской ССР: «Русских — за Днестр! Евреев — в Днестр». Были и другие воззвания-ультиматумы, например, в троллейбусах: «Молдавия – для молдаван», «Мы даем вам пять лет не для того, чтобы вы выучили язык, а для того, чтобы вы убрались отсюда».

* * *

Недавно моя мама, которая оставалась в Кишинёве до 1994 года, вспоминала, как на опытном заводе Академии наук МССР, где она в то время трудилась, в авральном порядке начали организовывать курсы по изучению латиницы. Работников буквально сгоняли на эти занятия, требуя немедленно бросить все дела, включая рабочие, чтобы прилежно учить «румынский язык». Ничего, кроме отторжения, это не вызывало. Люди начинали лихорадочно думать, куда бы уехать с насиженных мест, где бы найти себе новое пристанище. Участились случаи бытового национализма. Приведу только один пример, наиболее ярко отражающий всю абсурдность ситуации. По рассказу моей мамы, как-то к ней подошла одна подчинённая, настроенная воинственно, с требованием повысить ей зарплату только на том основании, что она – молдаванка. И когда мама ей ответила, что зарплату платят не по национальной принадлежности, а по образованию и навыкам, эта женщина, чувствуя собственную безнаказанность, с лютой ненавистью крикнула прямо маме в лицо: «Русская свинья! Хоть бы вы все поскорее убрались в свою Россию, тогда мы займём ваши места и квартиры!» И это говорил человек, которого на работе никак не притесняли, наоборот, мама, будучи её начальницей, проявляла милосердие, часто отпуская сотрудницу к больным родителям раньше окончания рабочего дня. Как же, наверное, ей тогда хотелось ответить на незаслуженное оскорбление, даже дать пощёчину. Но старший по возрасту коллега, удерживая от опрометчивого шага, положил маме руки на плечи и увёл в другой кабинет, приговаривая: «Не надо, Галина, не опускайся до их уровня. Это ни к чему хорошему не приведёт».

Уже после того, как мама уволилась и пришла прощаться с сослуживцами перед отъездом в Россию, эта молдаванка подошла к ней и стала со

слезами просить прощения. Она ссыалась на слова своего отца, ветерана войны, который сказал дочери, мол, дура ты, не понимаешь, румыны нас, молдаван, за людей не считали, а русские в войну горой стояли за Молдавию, мы с ними под одной шинелью в окопах ночевали. Мама по-христиански простила эту женщину, но осадок остался, как и память о годах разгула национализма и человеконенавистничества в Молдове.

Думаю, мы, русские, часто себя принижаем совершенно зря, не стоит нам падать ниц перед всеми за «грехи отцов». Тем более, что не такие уж безгрешные предки и у других народов, часто присваивающих себе ореол святости!

* * *

Ещё один исторический факт: в августе 1989 года вышел проект «Закона о функционировании языков на территории Молдавской ССР». Молдавский язык объявлялся государственным. Каждый гражданин обязан был за пять лет его выучить. Но вот что интересно: через очень короткий срок «коренной молдавский» в Кишиневе стали называть «коренным румынским». А поскольку румынский не использовал кириллицу, то встал вопрос о переходе на латиницу. Это послужило формальным поводом для начала фактической агрессии в отношении русскоязычного населения республики. Так, писательская и преподавательская интеллигенция, с лёгкостью отказавшаяся от молдавского языка в угоду румынизации, развернула массовую истерию в средствах печати, на митингах, собраниях. Это было похоже на процессы в больном организме, когда раковая опухоль пожирает здоровые клетки, обвиняя их в том, что это они, оказывается, не нужны организму. И в итоге погибает вместе с ним. Часто такое происходит в буквальном смысле, как у поборницы «чистоты расы» Леонида Лари, умершей в 2011 году от рака молочной железы. Символично, ведь она отказалась от культуры, вскормившей её, давшей образование и неплохое положение в обществе.

Однако в 1989 году до развязки было ещё далеко. Первыми в разгар этой вакханалии пострадали наиболее квалифицированные русскоязычные кадры – инженеры, врачи, учителя, музыканты и даже простые водители. Так, на предприятиях начались массовые увольнения, порой с унижительными формулировками. Помню, как увольняли моего папу,

компетентного в своей профессии инженера-электрика. Ему, как и всем увольняемым, словно на суде, предъявляли обвинение в незнании молдавского языка. И то, что завод оставался без ведущих специалистов, кажется, никого не заботило. Впрочем, дальновидное руководство крупнейшего производителя насосов «Молдавгидромаша», вовремя почувствовав, что «земля под ногами горит», вывело все активы в Подмоскovie, успев спасти часть предприятия и возродив его к новой жизни уже в России. Но так везло не всем. Большинство людей из-за стремительности националистических процессов не могли поверить, что они несут только разрушение, обещая грядущие тёмные перемены для большинства населения.

* * *

Удивительным образом из моей головы в этот период выветрился весь молдавский язык, на котором я неплохо разговаривала и ещё лучше его понимала. Теперь-то я знаю, что это было на уровне психологии. Моя душа противилась национализму. И нашла вот такой простой выход. А как прикажете ей вести себя, если тебя ежедневно унижают даже в транспорте. Помнится, в 1989 году произошёл такой случай: мы с подругой ехали с дискотеки, при входе в троллейбус к нам обратились какие-то парни лет 17–20. На молдавском языке они пытались с нами познакомиться. Моя подруга, коренная молдаванка, ответила им что-то по-русски. И тут лица ребят, улыбавшихся ещё мгновение назад, исказили жуткие гримасы. Грубым голосом нас стали спрашивать, знаем ли мы молдавский язык. Мы отвечали снова по-русски, что, конечно, знаем, но вы же нас и так понимаете. Я ещё вставила, мол, вот подруга вообще по национальности молдаванка. По своей наивности и предположить не могла, что это обстоятельство разозлит парней больше всего. Они закричали, чтобы мы, «русские твари», выходили из троллейбуса. И никто за нас не заступился! Ни один человек! Все молча смотрели, как на ближайшей остановке эти отморозки буквально вышвырнули нас на улицу. Я была покрепче, сопротивлялась и поэтому меньше пострадала. А подругу выволокли из транспорта за волосы и швырнули на асфальт. После этого случая молдавский язык надолго уснул где-то в глубинах моего подсознания. Удивительно, но даже этот случай не вызвал во мне ненависти к молдавскому народу, я по-

---

нимала, что нельзя судить о нации по отдельным её представителям. А вот характеристику времени этот инцидент всё же даёт.

По юношеской наивности и после этого случая мы «на адреналине» совершали безумно глупые, как я сейчас понимаю, вылазки в места собраний националистов. Частенько вместе с двумя одноклассницами, бравирюя друг перед другом, ходили среди собравшихся на площади людей и даже поднимались к дому правительства, чтобы пройти по газонам между лежавшими там слушателями речей разных ораторов из Прибалтики. Поэтому совершенно точно я знаю, что они были пьяные, ибо запах спиртного трудно перепутать с каким-либо другим. А ещё националисты начали устраивать лежащие пикеты и голодовки в парке имени Пушкина. Чего они там хотели, я уже точно не помню, но пресса так и стремилась взять интервью у этих людей. А мы, прогуливаясь мимо них неспешной походкой, представляли себя партизанами во вражеском лагере. Оправдывает эту глупость только возраст и отсутствие опыта. Но Бог, как говорится, миловал от возможных неприятных последствий.

* * *

С каждым месяцем события на почве национализма будоражили не только лучшие умы Молдавии, но и простых граждан, соседей по квартирам, дачам, домам. Я жила в очень красивом микрорайоне Ботаника, на бульваре Советской Армии, где среди розовых девятиэтажек наш дом выделялся ярко-голубым цветом. Вокруг было посажено огромное количество деревьев, кустов и цветов. В зелени утопал весь двор и дорога к школе. Правда, меня всегда раздражал запах каких-то белых соцветий на кустах, которые пахли нафталином. Но это компенсировалось ароматом роз. Позади нашего дома, если пройти по дорожке между этими противно пахнущими кустами метров сто, начинались школьные розарии. Каких только там не было роз! Ухаживали за ними ученики и школьные технички. Удивительно, но за все годы моей учёбы не было случая, чтобы кто-то сорвал хоть один цветок! По нынешним временам это вообще нонсенс. В последний раз я была в школьном дворе в 2013 году и нашла его в плачевном состоянии. Все розарии уничтожены, ни одного цветника не осталось, большинство деревьев засохли или спилены. Выжили только кусты с противным запахом. Правильно говорят,

что красота гибнет раньше уродства. Мне подумалось, что же творится в душах людей, которые каждый день проходят мимо этого разрушенного двора, по потрескавшимся остаткам советского асфальта? А недавно, уже весной 2019 года, моя одноклассница, оставшаяся жить в Кишинёве, позвонила и сообщила, что территорию школы, где теперь располагается молдавский лицей Траян, обнесли металлическим забором и запретили бегать на школьном стадионе немногочисленным любителям утренних пробежек. Какие времена, такие и решения. А идущие в лицей ученики вдыхают не аромат роз, а запах «нафталиновых» цветов на выживших кустарниках. Символично!

* * *

Но мы отвлеклись. В 1989 году нашими соседями по подъезду были люди разных национальностей: евреи, молдаване, украинцы, русские, гагаузы, болгары, армяне. И никто не устраивал разборок по национальному признаку. Наша квартира находилась на седьмом этаже. А в соседнем подъезде, стенка в стенку с нами жил ставший впоследствии знаменитым футболистом Сергей Деркач, с бабушкой которого приятельствовала моя бабока. Мы первыми вселились в этот дом в 1976 году. И я прекрасно помню, как моего папу, отличного электрика, приглашали соседи помочь с проводкой. Дверь нашей квартиры днём вообще никогда не запиралась, иногда даже на ночь забывали её запереть. Если кто-то стучал по батареям, это был сигнал к сбору. И тогда из окошек выглядывали соседи с одним вопросом: «У кого собираемся?» Чаще всего ответ был: «У Богаткиных». А когда я начала учиться игре на аккордеоне, папа настаивал на разучивании застольных песен, мама купила мне ноты. Помню, сборник назывался «За праздничным столом». Я часто сопровождала соседей, заходившим по любому поводу к нам в дом, да так и оставшимся попеть песни. Если люди просто хотели поделиться новостями, порассуждать о прошедшем дне за бокальчиком домашнего молдавского вина, они шли к соседям в гости. У нас на балконе всегда стояли два пятидесятилитровых бутыля этого напитка. Соседи приносили с собой какую-то еду, кто чем был богат. Я брала аккордеон, и мы пели русские, украинские, молдавские песни. При этом форточка была открыта круглый год, и сидящие на скамейках во дворе старушки получали удовольствие от бесплатного концерта. Они

даже хлопали мне и иногда кричали: «Молодец, Ирина!» В это время папа мной безмерно гордился. И когда в третьем классе я решила бросить музыку, он уговорил не делать этого, сказав простые, но наполненные смыслом слова: «Когда будет грустно, музыка тебе всегда поможет». А я привыкла папе верить. Он оказался прав и в этом случае. Поэтому моим девизом и по сей день являются слова из известного фильма «В бой идут одни старики»: «Всё преходяще, а музыка – вечна!»

* * *

В советское время взаимовыручка между соседями была делом обычным. Когда кому-то нужна была помощь с детьми, их просто приводили к тому, кто свободен. Например, у нас весь день была дома бабушка, поэтому с шестого этажа маленького трёхлетнего «разбойника» часто оставляли у нас. Очень долго бабушка не могла найти управу на этого Дениску, который был похож на персонаж из «Вождя краснокожих» писателя О'Генри. Придя к нам, первым делом Дениска бросался на плотные шторы, изображая обезьяну на пальме, отчего струны натягивались и пытались лопнуть. Потом с разбега запрыгивал на диван и с криками скакал по нему, как по батуту. Пружины при этом молили о пощаде, скрипя изо всех сил. Но никто их не слушал. Один раз Дениска так упал головой на журнальный столик, проломив его крышку, что бедная бабушка всерьёз думала, ну всё, теперь её посадят в тюрьму за разбитую голову мальчика. Но как только она перевязала «раненого бойца», он тут же вскочил и набросился на диванные подушки, как на злейших врагов. Усмирить мальчишку помог случай. У нас в то время жил кот по имени Дымок, отличавшийся свирепым характером. Кота боялись даже взрослые! На время, когда приводили Дениску, бабушка запирала Дымка в туалете, где он взбирался по деревянным панелям на антресоли и там сидел, пока его не выпустят. Видимо, в тот раз дверь туалета плохо заперли, кот выбрался из укрытия и пошёл на шум. Надо сказать, Дымок не переносил, когда шумели. У него был отличный музыкальный слух, поэтому всякие диссонирующие звуки его раздражали. И он пытался выяснить, где их источник. Увидев прыгающего Дениску, кот ощетинился, зашипел и утробно завыл. Как по мановению волшебной палочки мальчик быстренько слез с дивана, спрятался за спину бабушки и тихим, буквально ангельским голосочком спросил: «Бабушка,

ты же не отдашь меня на съедение этому коту?» Бабушка, быстро сообразив, что пришёл её спаситель, использовала удачу, чтобы уговорить Дениску. И вот с тех пор, как только мальчик начинал буянить, бабушка с притворным вздохом говорила: «Придётся позвать Дымка». И желанная тишина надолго воцарялась в комнате.

* * *

А как мы всем подъездом отмечали новый год – любимый праздник детства! Мама сшила красивое голубое платье для Снегурочки. В роли внучки Деда Мороза был мой папа. Его лицо гримировали настоящим театральным гримом, на голову надевалась широкополая шляпа с цветами, забытая женой маминого брата, когда они гостили у нас в очередной отпуск. Я надевала бабушкину шубу до пят, валенки. Мне делали длинную бороду и усы из ваты. На лицо надевалась покупная маска в виде красного носа и прикреплённых к нему очков. На голове красовалась красная шапка, связанная мамой, а в руках у меня был большой полосатый мешок. Ещё с утра соседи, у которых были маленькие детки, приносили нам подарки и складывали в этот мешок. И вот наступал предновогодний вечер. Дед Мороз и Снегурочка отправлялись по соседям. Первым нашим адресатом была семья Лазо на третьем этаже. Кто-то из членов этого семейства был потомком легендарного Сергея Лазо, сожжённого японскими милитаристами в топке тепловоза. В Кишинёве была и улица его имени, и соответствующий памятник. Саша, младший сын семейства Лазо, был одноклассником моего брата Сергея, они хорошо дружили. И хотя сейчас живут в разных странах, каждый день рождения и новый год созваниваются по скайпу, и тут уж их жёны знают – товарищей не стоит отвлекать. Друзья поют песни, читают стихи, рассказывают забавные истории. И это всё по скайпу! Вот что значит, детская дружба.

В связи с этим вспоминается забавный случай. У Саши есть племянник Дима – сын его старшей сестры. С самого раннего возраста он получал на новый год подарки от Деда Мороза и Снегурочки с седьмого этажа. Как и положено, рассказывал стишок или пел песенку, мы с папой его хвалили и вручали подарки. Потом взрослые одаривали Деда Мороза конфетами, а Снегурочке подносили рюмочку-другую – праздник же на носу! Как-то до этого случая Дима был занят подарками и не об-

ращал внимания на то, что делает Снегурочка после официальной части. А вот когда мальчик немного подрос, случился небольшой конфуз: после вручения подарка «Снегурочка» уже слегка расслабилась, забыв, что нужно изменить голос. И удивлённый Димка, отвлекаясь от подарка, громко спросил: «Снегурочка, а почему ты говоришь, как дядя Володя Богаткин?» Потом любознательный мальчик начал пристально вглядываться в Деда Мороза, и через какое-то время сделал открытие: так это же Ира! С тех пор пошатнулась детская вера в Деда Мороза и Снегурочку. Но это не мешало нам продолжать традиции и ходить в канун нового года по соседям с поздравлениями. Какое же было доброе время!

* * *

Поздравив соседей, мы начинали раздавать подарки в кругу семьи. До этого несколько дней основательно готовились: рисовали стенгазету с разными поздравлениями и шуточными прогнозами на грядущий год, репетировали новогодний кукольный спектакль в домашнем театре, названном нами «Чебурашка». Причём, с нарисованными, как в настоящем театре, билетами и устройством зрительских рядов. Иногда вместо спектакля был подготовлен концерт, где мы с братом и дети наших друзей Янгурских, Олежка и Наташа, выступали с номерами самодеятельности. Я помню один из первых таких концертов на новой квартире, когда мы долго, в полной тайне от родителей, репетировали стихи и песни. Для меня было очень важно, чтобы выступил Олежка, которого все знали как крайне стеснительного ребёнка. Помню, какое терпение пришлось проявить, чтобы внушить маленькому мальчику, как он порадует всех своим выступлением. Олежка так старался, учил стихотворение, проявляя настойчивость и усердие. И вот настал час концерта. Мы с братом, большие любители выступать на публике, устроили подобие сцены до приезда гостей. И когда все расселись, я торжественно объявила: «Выступает заслуженный артист Молдавии Олег Янгурский!» Во-первых, такого поворота никто не ожидал. Во-вторых, Олежка настолько чётко и выразительно прочитал стихотворение, что его родители какое-то время не могли прийти в себя от изумления: этот молчун умеет рассказывать стихи, да ещё так красиво! Это было первое публичное выступление Олежки. Интересно, помнит ли он этот концерт?

* * *

Обычно, в разговорном жанре преуспевал мой брат, ещё тот сказочник! Представьте себе, что уже в ясельной группе воспитатели водили Серёжу к старшим по возрасту деткам, а он им там рассказывал разные истории и сказки. Так что дети и воспитатели средней и даже старшей группы наперебой просили привести не по годам развитого мальчика, с удовольствием принимая его и угощая конфетами. А какой успех маленький Серёжа имел среди девочек, это надо было видеть. Случалось, некоторые из них отказывались кушать в обед, если Серёжи не было рядом. Не удивительно, что в садике на новый год брату доставались самые длинные стихотворения, которые родители и воспитатели потом с удовольствием прослушивали на утреннике. Поэтому дома не было смысла учить с ним стихи, он их знал достаточно много, пользуясь отличной памятью. В нашей семье очень ценилось чтение, перед сном мама обязательно нам читала, а позже мы уже сами с удовольствием осваивали домашнюю библиотеку и, конечно, городскую. По выходным в кругу семьи мы по очереди читали какую-нибудь интересную книгу, которую потом обсуждали. И поэтому так легко сочинялись сценки для театральных постановок в нашем кукольном театре. Нередко в мои сценарии Серёжа вставлял смешные места. У него был не только собственный взгляд на то, как должны двигаться куклы, но порой появлялись неологизмы. Например, как-то брат пришёл из садика, заявив, что нашёл «зуб лефа». Я подумала, что льва. Но нет, Серёжа горячо спорил и доказывал, что лев – это зверь, а вот «леф» – это другое существо. На ладонке брата красовалось цветное, довольно хорошо отполированное стёклышко, напоминающее по форме большой зуб. Когда я спросила, кто такой «леф», Серёжа с важным видом ответил: «Ты не поймёшь, только я могу его видеть». И с достоинством удалился в другую комнату. С фантазией у брата было всё в порядке. А когда родители дали мне деньги на настоящую куклу-Петрушку, которую можно было надевать на руку, театр «Чебурашка» вышел на новый качественный уровень. Мы часто смотрели по телевизору спектакли кукольного театра Сергея Образцова. Был у него забавный персонаж – пупс. Мы сделали себе такого пупсика, и он с успехом дебютировал в нашем театре, а потом ещё долго радовал зрителей в разных любительских постановках.

Мама раза два в месяц водила нас с братом в

детский кукольный театр «Ликурич». Однажды, когда зрители во время антракта толпой повалили в буфет, я тихонько прокралась за кулисы. Актёры, наверное, отдыхали в гримёрках, никого за занавесом не было. Моему детскому взору предстала картина: две широкие раздвижные ширмы, смыкающиеся во время антракта, а внизу – настоящие рельсы! До сих пор не понимаю, для чего они там были нужны, но меня это так впечатлило, что я забыла, где нахожусь и пошла прямо вдоль рельсов. За плотным занавесом, отделявшим зал от сцены, было темновато. Вдруг я увидела ведро Емели из спектакля «По щучьему веленью». Из одного ведра торчала голова щуки. У неё были ярко-красные глаза, они горели. Я-то не догадывалась, что в них вставлены лампочки. Представляете впечатление, которое на меня это произвело? Мало того, что театр был местом, перед которым мы благоговели, так эти красные рыбы глаза казались чем-то завораживающим и волшебным. Сейчас, покажи современным деткам эту щуку, скажут скучным голосом: «Подумаешь, глаза как глаза, лампочки внутри». Но мы в нашем детстве видели волшебство и в простых вещах, развивая собственную фантазию и упражняясь в написании сценариев, стихов и фантастических рассказов. Никогда бы не подумала, что в старшей школе, по просьбе одноклассников, которые почему-то уважали мои способности начинающего литератора, пришлось «замахнуться» на продолжение «Войны и мира». И класс с удовольствием слушал, как учительница читает моё сочинение, которое я сейчас смутно помню, но одно знаю точно: Наташа Ростова у меня стала женой декабриста и уехала за ним в Сибирь. Думаю, здесь сказались любимая на тот момент поэма Н.А. Некрасова «Русские женщины». Учительница русского языка и литературы, Маргарита Николаевна, нисколько не критиковала мой опус, а даже ставила в пример другим ребятам. С чего она взяла, что это хорошо? Загадка! Но после этого меня начали уважительно называть «Ирина Пушкина» и просили на каждый праздник что-нибудь написать «этакое». Часто на школьных вечерах исполнялись такие «произведения». Как же смешно звучало со сцены, когда объявляли: «Музыка Моцарта, слова Богаткиной». И почему никто не смеялся? Наверное, моё поколение бережнее относилось к творчеству своих сверстников, отдавая дань уважения даже незначительным способностям. Это нас объединяло и не давало возможности возгор-

даться. Было понимание того, что твои способности – это дар свыше, но всегда есть и более одарённые люди. Именно это давало повод работать над собой, совершенствоваться, читать много разной литературы, в том числе классической и критической. У нас было прекрасное советское образование. Другой вопрос, что не все могли его «взять». В ходу была шутка: если тебе дали образование, то это вовсе не значит, что ты его получил.

Летом 2019 года мой бывший одноклассник, который сейчас живёт в Израиле, написал в социальных сетях, что он до сих пор помнит, как директор школы попросила меня написать реквием на смерть дорогого Леонида Ильича. Я даже была освобождена от уроков. Реквием, видимо, получился такой, какой надо, если меня уполномочили читать его перед всей школой на траурной линейке. И после этого мне официально разрешили выходить из класса во время занятий, если вдруг меня посетит Муза. Удивительный и индивидуальный, как сейчас модно говорить, подход к ученику! Оглядываясь назад, не могу сдержать слёз благодарности за то доверие, которое мне оказывали директор школы, завучи, школьные учителя и мои одноклассники, спасибо им от всей души!

Вот каким извилистым путём пошла моя память – от новогодней ёлки и до смерти Брежнева.

* * *

Но вернёмся опять к нарядному новогоднему дереву. Раз уж я вспомнила один из первых концертов, то опишу и один из последних. Все ещё были живы: и бабока, и папа, и даже кот Дымок. Сыгран новогодний спектакль, пришло время раздавать подарки. Вокруг ёлки собрались родные и друзья. На почётном месте сидит бабушка, а рядом, радостно улыбаясь в предвкушении сюрпризов, стоит непоседа Наташа, маленькая белокурая принцесса, всеобщая любимица. Каждый с нетерпением ждёт своей очереди, а «Снегурочка» всё рассказывает и рассказывает, как долго она собирала Дедушке Морозу мешок. И вот он получился большой и тяжёлый. Папа показывает, как трудно поднять мешок. А в это время

Наташа выбегает вперёд и пытается ощупать содержимое. «Снегурочка» притворно загораживает мешок и предлагает набраться терпения. И вот я, «Дед Мороз», вынимаю из мешка первый подарок. Кому-то достался халат, упакованный в

многочисленные слои бумаги. Их с треском разрывают, а маленькая Наташа, увидев халат, быстро теряет к нему интерес, отбегает в сторону и хлопает в ладоши: «Дальше, дальше! Чей сейчас будет подарок?» «Снегурочка» достаёт вторую упаковку. Опять не Наташе! Кажется, достались перчатки дяде Коле. Он обстоятельно начинает их мерить. Наташа крутится вокруг отца и канючит: «Папа, ну хватит, положи их, давайте дальше смотреть!» И нервничает, когда из мешка достают большую и яркую упаковку, достающуюся Серёже. Лыжи! И опять не Наташе! А когда вслед за Серёжей радость от новой хоккейной клюшки и шайбы озаряет улыбкой лицо Олежки, терпение заканчивается не только у Наташи, но и у бабушки. Слезы начинают наворачиваться у них на глаза: забыли, забыли о них! Обо всех помнили, а о них вот забыли, ведь мешок уже почти пуст! «Дед Мороз» достаёт подарки поочерёдно тёте Гале и моей маме. Но куда делись радостные крики и восторги? Тишина. И в этой тишине все внезапно замечают, как Наташа прижалась к бабушке, и обе они сидят, еле сдерживая слёзы обиды. Забыли! Как же так! Но тут обстановку разрядил мой папа-«Снегурочка»: с самого дна мешка он ловким движением фокусника достал не два, а сразу четыре подарка! И под дружное одобрение всех, уже получивших свою долю чуда от новогоднего праздника, торжественно провозглашает: «Самыми послушными в этом году были Наташа и бабушка Вера, поэтому Дед Мороз принёс им по два подарка». В этот момент Наташа, не успев вытереть уже выступившие слёзы, буквально вырывает все подарки из рук Снегурочки и подбегает к бабушке со словами: «Вот же наши подарочки!» И обе, необыкновенно счастливые и довольные, с треском рвут упаковку и с восторгом рассматривают её содержимое. Все довольны и ждут только сигнала сеть за стол. Но когда мы рассаживаемся, обнаруживаем, что Наташи и бабушки нет за столом. Папа отправляется их искать и возвращается через минуту, тихонько докладывая, что обе, и старая, и малая, как два заговорщика, исследуют мешок Деда Мороза, который Наташа, пользуясь моментом, быстренько утащила в бабушкину комнату. Вы не поверите, но искали они какой-то волшебный карман, в который могли закатиться их подарки!

* * *

Вот такие, по-настоящему весёлые и радостные, были у нас праздники в Кишинёве до 1989

года. А неумолимая память снова хочет перенести меня именно в этот роковой год. Не всё я ещё вспомнила, не желает сердце оставлять недосказанным и неоплаканным тот важный период личной и общественной истории. Наша память живёт по собственным законам, у неё нет прямой дороги воспоминаний. Она ведёт меня какими-то своими, порой окольными тропами, перескакивая с события на событие. Но здесь важны эмоции. Они вызываются личными и историческими событиями, под их влиянием частенько идёт переоценка ценностей. Вспоминая какие-то факты, ты словно примеряешь на себя старое платье, глядя на него в зеркало новым, взрослым взглядом. И сразу возникает вопрос: а как это я вообще могла носить такое? Вот и с фактами из биографии разных людей происходит то же самое. Попробую взглянуть на них из сегодняшнего дня. Может быть, увижу нечто большее, нежели видела тогда.

Помнится, как незадолго до пресловутого «парада сувениркетов» союзных республик, некогда «дружных сестёр», который в полной мере ощутили на себе русскоязычные жители Молдовы, на нашем историческом факультете в университете зародились два движения: интернациональный фронт и националистический. В силу противоположности целей и взглядов они объединили под своими знамёнами многих наших профессоров и студентов, навсегда проведя между ними демаркационную линию. Это не только происходило на моих глазах, но я была непосредственным участником некоторых событий, вступив в ряды интерфронта. Мы отстаивали позицию дружбы народов, опасности национализма и принижения русского языка. И были против отделения нашей республики от государства – Советского Союза. В первых рядах этого движения стояли наши профессора – А.М. Лисецкий и руководитель моей дипломной работы Александр Гаврилов. Так получилось, что во время одной из демонстраций в Кишинёве, где столкнулись представители двух фронтов, Гаврилов сильно пострадал. Вскоре после этого он умер. Чудесный был человек, как и большинство преподавателей нашего исторического факультета. К слову сказать, профессор Лисецкий тоже прожил недолго, он умер в 1993 году. Эти люди, принимавшие близко к сердцу события, произошедшие на почве национализма в одном из многонациональных городов Европы, воочию видели и понимали с исторической точки зрения последствия на-

ступившего хаоса. Хорошо ещё, что один из самых больших домашних исторических архивов, собранный профессором С.К. Брысякиным, был вывезен из города и подарен в архив Приднестровской Республики. Об этом даже написана статья, которая есть в свободном доступе в Интернете. Достаточно кликнуть данные её автора – главного специалиста ЦГА ПМР И.Е. Бардана (с которым я лично не знакома, но статью читала, она так и называется «Фонд Брысякина С.К. как источник по истории развития Бессарабии в 1917–1940 гг.»). Между прочим, автор цитирует самого Сергея Кузьмича, чьё мнение, как ведущего учёного, доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника Высшей школы МССР, лауреата Государственной премии МССР только подкрепляет мои бытовые впечатления от событий 1989–1992гг: «Приношу в дар свой личный архив в надежде, что исследователям истории Бессарабии он поможет в анализе (научном) таких проблем, как насильственная румынизация экономики, культуры, социальной сферы, попытки ассимиляции молдавского народа, революционно-освободительная борьба трудящихся против румынизма и оккупации в целом, крах румынизма и др. По моему мнению, это способствовало разоблачению современных румынизаторов с обоих берегов Прута, отстаиванию самости молдавского и других народов ПМР и РМ». Лучше и не скажешь!

* * *

Как же получилось, что Кишинёвский государственный университет имени В.И. Ленина стал не только оплотом интернационализма, обучая в своих стенах большое количество как отечественных, так и иностранных студентов, но и рассадником националистических идей? Сегодня на этот вопрос сложно ответить однозначно. Если вспомнить историю создания этого учебного заведения, то она началась с октября 1946 года. Одним из первых был основан историко-филологический факультет, деканом стал впоследствии добившийся высоких званий, в том числе академика и первого президента Академии Наук МССР, члена-корреспондента АН СССР, Я.С. Гросул. Он же возглавил кафедру истории СССР исторического отделения факультета. Заведующим кафедрой всеобщей истории стал Н.А. Мохов. Огромную помощь в налаживании работы факультета оказали ведущие вузы России: Московский, Ленинградский, Казанский, Томский и

другие университеты. Они делились с новым вузом своими лучшими кадрами, занимались профессиональной подготовкой новых педагогов, прислали в университетскую библиотеку учебники, пособия, другую литературу. Отмечу, что среди восьмидесяти семи студентов первого набора двадцать шесть были участниками Великой Отечественной войны, в том числе – Герои Советского Союза Н.М. Фролов и В.В. Сыч. Будущие участники исторических перипетий 1989 года и более позднего времени также учились в университете и специализировались на проблемах отечественной истории. Это были, например, представляющие в будущем противоположные лагеря А.М. Лисецкий и А.К. Мошану. В 1951–52 годах университет пополнился выпускниками МГУ, аспирантами Саратовского университета. Среди них были профессор С.К. Брысякин и Н.Б. Бреговская (последнюю я не знала лично, но слышала о ней от других бывших студентов). В 1960 году историко-филологический факультет университета слился с историческим факультетом Кишинёвского пединститута. Именно тогда были организованы группы с молдавским языком обучения. А когда я поступила в 1984 году в университет, то на нашем курсе было уже две молдавские и одна русская группы. Так о каком же притеснении молдавского языка могла идти речь! Уже в 60-е годы прошлого века университет получил собственных выпускников в качестве преподавателей разных кафедр. Некоторые из них внесли свой вклад и в моё обучение, например, Ф.К. Караджа, Е.С. Унтила, И.Т. Никулицэ.

* * *

Я хочу отдать дань памяти тем преподавателям университета, кто своими знаниями и поведением вызывал уважение у студентов. Как не вспомнить легендарных профессоров – Сергея Кузьмича Брысякина и его коллегу Анатолия Михайловича Лисецкого. Они были мастерами слова и скрупулёзно следовали историческим фактам. А сколько прекрасных мгновений подарил нам ровесник революции 1917 года, доктор исторических наук Рудольф Юльевич Энгельгардт! У него была феноменальная память, каждую лекцию он начинал ровно с того места, на котором остановился в предыдущий раз.

Перед моим внутренним взором встаёт утонченный силуэт кандидата исторических наук Э.Д. Вербицкого – ветерана Великой Отечественной войны. Он преподавал у нас историческую географию и

знал свой предмет блестяще. Как и М.И. Шемякова, принимавшая мой вступительный экзамен по истории и в дальнейшем преподававшая курс истории СССР. Один из аспектов исторической дисциплины нам читал кандидат исторических наук, доцент Ф.К. Караджа. У него не было одной руки, но вряд ли кто-то считал инвалидом этого мощного по воздействию на собеседника человека. Когда мы проходили войны, то казалось, что вот-вот по аудитории проскачет вражеская конница.

Я не любила предмет «Археология», но справедливости ради вспомню хорошего специалиста в этой области И.Т. Никулицэ и его крылатую фразу, которой он встречал студентов-прогульщиков: «Фашизм не пройдет!» Это относилось к экзамену и пустым надеждам сдать его без посещения лекций. С приятными эмоциями мне вспоминается высокая фигура преподавателя по этнографии В.К. Тотрова. Его выразительные и эмоциональные рассказы об обычае кувады у африканских племён так и рисуют в моём воображении шалаш, вокруг которого ходит и стонет отец будущего ребёнка, имитирующий родовые муки жены. Этнографическая практика по северу Молдавии под руководством профессора Тотрова – одна из самых ярких и весёлых страниц моего студенчества. Вспоминается мне преподаватель, чья любимая фраза стала у нас на факультете крылатым выражением: «Други мои, возьмите на карандаш!» Так З.А. Федько советовала нам записывать самые интересные факты на своих лекциях. Положительные воспоминания оставили преподаватели английского и латинского языков Н.В. Балека и С.Д. Мисько. Они сумели привить любовь и уважение, как к живому, так и к «мёртвому» языку. Спасибо им за это!

* * *

С большой благодарностью вспоминаю человека, который напрямую не был преподавателем нашего факультета, но в своё время окончил его и в период моего студенчества являлся тренером по шашкам и шахматам общества «Буревестник», в которое входили все студенты университета. Павел Иванович Савин – автор книги по теории шахматной игры, чемпион республики, очень скромный и душевный человек, чьим любимым выражением было: «В трудной ситуации перед проигрышем вы спросите соперника, будет ли он сдаваться первым. А вдруг вам повезёт, и он согласится? Сдаться сами вы всегда успеете». Мудрый совет давно живущего на све-

те человека. Для меня он сделал очень важное дело – вернул веру в возможность справедливого пересмотра решения, которое было принято «по национальному признаку». Дело было так. В университете мы обучались также и на военной кафедре. Девушки учились на медицинских сестёр гражданской обороны. Курс был примерно такой, как у студентов-медиков в училище. То есть у нас после теории обязательно шла практическая часть. Мы проходили практику в инфекционной больнице имени Тома Чорба, в ожоговом центре и в городской больнице №3 на Рышкановке. Причём, с обязательным посещением не только анатомического музея в медицинском институте, но и городского морга. Весёлым это не назовёшь, всякие бывали моменты. Особенно запомнилось, как чувствующие себя врачами, по сравнению с нами, студенты из медицинского института демонстративно ели пирожки над трупом в анатомичке. В это время одна часть наших практиканток падала в обморок под смех «медиков», а другая – отчаянно зажимала нос, спасаясь от противного запаха формалина. Я тоже не любила этот запах, но терпела, потому что хотела знать медицину не хуже истории. К тому же я шла на «красный» диплом, а итоговая оценка по данному курсу засчитывалась, как один из государственных выпускных экзаменов. Думаю, мои однокурсницы с большим удовольствием отдавали мне пальму первенства, когда нужно было выполнять практические задания. Всем это было выгодно. Я получала больше практики, делая двойную работу, а они – оценки, которые ставили почему-то всем одинаково, исходя из того, что «наработал» тот, кто выполнял задание. У меня всегда были пятёрки, а значит, остальные практикантки тоже получали отличные отметки. Это всех устраивало. Таким образом, полученные знания были у меня крепкими, и много раз потом пригодились в жизни. И всё бы ничего! Но как раз в период сдачи экзамена в комиссию неожиданно вошёл человек, который был приверженцем идей национализма. Среди принимавших экзамен врачей были и молдаване, но люди пожилые, повидавшие жизнь, военные медики. Они относились к студентам по принципу «знает-не знает». И не делали ставку на их национальную принадлежность. За это их уважали. А я им благодарна за полученные знания, которые много раз помогали мне оказывать быструю помощь моим детям в очень непростых жизненных ситуациях. К сожалению, я не помню фамилий преподавателей

с кафедры военной медицины, как и имени того националиста, что решил: русским нельзя ставить высший балл ни при каких обстоятельствах. Надо ли говорить, как мне было обидно, с блеском сдав экзамен, услышать при объявлении оценки: «Богаткина – нота патру (четыре)». Он даже объявлял оценки, несмотря на то, что группы были русско-молдавские, только на одном языке. Конечно, все его понимали, но нельзя это назвать нормальным в данной ситуации. Отчётливо вижу, как весь курс разом повернулся при этих словах в мою сторону, – никто не ожидал такого поворота, ведь все знали мою компетентность. А другие члены комиссии прятали глаза и отворачивались. Зато все тупицы, уж простите, но везде они есть, получили высший балл! Вот если бы у меня была фамилия Богатеску, тогда – другое дело. Это мне потом пояснили в кулуарах. Я вышла из корпуса в глубокой печали, потому что не понимала, за что так со мной обошлись. Спускаясь по ступенькам, не могла сдерживать слёз от обиды. И в таком положении встретил меня Павел Иванович, который по какой-то своей надобности шёл в медицинский корпус. Узнав мою ситуацию, он изменился в лице, сказав как бы в сторону что-то вроде: «Ну, я им покажу, националисты проклятые!» Потом добавил, обращаясь ко мне: «Дайте зачётку и ждите меня здесь!» И вручил свой портфель. Наверное, чтобы уж точно я никуда не ушла. Я не знала тогда, что Павел Иванович имел большой авторитет в университете, он был ветераном войны, председателем каких-то внутренних организаций, участвовал в работе партийного бюро и был известен своим решительным и категоричным характером, мог дойти «до самого верха». Всё это мне стало известно намного позже. Я занималась у него русскими шашками, участвовала в соревнованиях, сумела получить второй взрослый разряд и никогда не видела своего тренера в таком настроении, как в тот день. Мне он казался очень мягким, терпеливым, с тонким чувством юмора. Так оно и было по отношению к студентам. Но здесь проявился характер человека, умевшего бороться за свои принципы и идеи, за справедливость.

Не знаю, что он там наговорил комиссии, но через некоторое время вынес мне зачётку с исправлением. На месте злополучной четвёрки стояло «Исправленному верить – отлично». Или наоборот. Сейчас точно не помню. Но суть была такая – мне поставили мою заслуженную оценку. Больше всего

радовало именно то, что восторжествовала справедливость! А в 1989 году этого было уже достаточно. Никто тогда не знал, не мог и предположить, что буквально через пару лет такое будет вообще невозможно. Так что мне очень повезло встретить Павла Ивановича в нужное время. Спасибо ему за всё: научил просчитывать шашечные ходы на два-три вперёд, вернул веру в справедливость, на всю жизнь я взяла для себя принцип, декларируемый моим тренером – всегда идти до самого конца, верить и делать всё возможное для победы. В любой жизненной ситуации, а не только на шашечной доске. Спасибо Вам, дорогой мой тренер!

* * *

Особняком от других педагогов стоит в моём списке кандидат психологических наук, ассистент Кишиневского государственного университета, наш преподаватель по психологии Бибрих Роберт Рейнгардович. Мне он запомнился эрудированным, увлечённым своим предметом человеком, глубоко вникающим в суть любой рассматриваемой проблемы. Как психолог, грамотно проводил лекции и снисходительно относился к некоторым пробелам в знаниях студентов, если видел, что не дано им было поймать высокий полёт научной мысли. Мудрый человек! Спустя семь лет, уже работая преподавателем в Москве, я случайно обнаружила его книгу по психологии. Было приятно взять её в руки, вспомнить добрым словом своего преподавателя. Интересно, где он сейчас?

Как жаль, что многие из этих людей уже ушли в мир иной. Но в моей памяти все они оставили исключительно светлые воспоминания.

* * *

И раз уж я отдала дань памяти лучшим преподавателям, скажу несколько слов о тех, кто усложнял жизнь студентам или даже веселил возможностью выяснить степень их некомпетентности. Конечно, повзрослев, не могу одобрить наши студенческие методы. Но то было время юности и максимализма, глупости и экспериментов, самопознания и категоричности в оценках педагогов. Здесь я не стану называть фамилии, а только приведу два ярких примера для общего понимания ситуации. Был у нас в те годы один обязательный на всех факультетах предмет – история КПСС. Если кто забыл

– это коммунистическая партия Советского Союза. Неприятный для многих студентов предмет! Конечно, никто нас уже не заставлял, как в школе, вести «ленинскую тетрадь», но к конспектам произведений классиков марксизма-ленинизма отношение было сугубо строгое: спрашивали их с нас со всем пролетарским энтузиазмом. И если записи были не в порядке – пропущена хотя бы одна статья, не вовремя законспектирован материал какого-то съезда партии, не выписаны цитаты из наиболее важных книг, о положительной оценке на экзамене можно было забыть. А там и до отчисления рукой подать. Такие были порядки. Как говорил герой одного советского фильма: «Не нами заведено, не нам и отменять». Во всяком случае, не в середине восьмидесятых. Кроме конспекта нужно было сделать несколько выступлений на семинарах по двум-трём заранее распределённым преподавателем вопросам. Их можно было «музюкать» и по тетрадке, изредка поглядывая на педагога, словно ты читаешь с трибуны высокого съезда партии очередной важный, но не каждому понятный, доклад. Кроме того, от студентов исторического факультета, как от бойцов невидимого идеологического фронта, требовалось соответствовать высоким моральным нормам будущих строителей коммунизма. И это относилось не только к поведению, но и к одежде. Наш преподаватель был немолодых лет, старой, так сказать, партийной закалки. Для него в качестве женского пола существовали только товарищи по партии, пламенные комсомолки и его внучка, девочка лет двенадцати, чем-то напоминающая вредную старуху Шапокляк. Товарищи по партии к нам не заходили, а вот комсомолки должны были носить одежду по принципу «белый верх, чёрный низ» и никаких, по выражению педагога, «распатланных волос»! Особым уважением у преподавателя пользовалась номенклатура, к которой, по его мнению, в нашей группе принадлежали только три человека: староста, профорг и комсорг. Поскольку первые двое были парнями, а я – комсорг – женского пола, то, видимо, во избежание путаницы преподаватель называл меня только так: «Наш кумсорг!» Именно с буквой «у». В начале каждой лекции или семинара предстояла переключка, начинавшаяся со слов: «Так, где наш староста, профорг и кумсорг? Вижу, на месте, можем начинать».

Студенты не были бы студентами, не воспользовавшись слабостями преподавателя. Поняв важность трёх персон, мы придумали один трюк.

Наши занятия проходили на первом этаже, а в цокольном помещении, прямо под нами, располагался буфет; перед парой все скидывались на еду, и наша «партийная тройка» шла её добывать. Во время перерыва в буфете всегда есть очередь, поэтому мы шли прямо перед звонком, а до этого в аудиторию, по нашей просьбе, разумеется, прибежал какой-нибудь студент из другой группы и громко, чтобы слышал педагог, говорил: «Старосту, профорга и комсорга – в деканат. Срочно!» Мы для проформы молча смотрели в сторону педагога, а тот со всей серьёзностью кивал нам головой, мол, идите, идите и добавлял: «Мы без вас не начнём». И ждал, пока мы вернёмся. Входили в аудиторию мы тоже по плану – первым шёл профорг, потому что он был высоким и широкоплечим, а сзади мы со старостой прятали пакеты и кульки, бочком пробираясь к своим местам и быстро передавая еду по рядам. Группа оставалась довольна. Вы не поверите, мы проворачивали такую уловку всегда по одному и тому же сценарию. И всё нам сходило с рук. Вот что значит партийная дисциплина и взаимовыручка!

Но на экзамене расклад поменялся. Никто не ожидал, что в аудитории усядется та самая внучка-Шапокляк. И было у неё своё «партийное» задание. С важным видом девочка периодически поднималась со своего места и крадучись ходила между рядами в поисках шпаргалок. Как только шустрая «дедушкина радость» замечала что-нибудь подозрительное, она на цыпочках подбегала к деду и вдохновенно рапортовала ему на ухо о результатах своей «поисковой» работы. Многие студенты тогда не сдали с первого раза историю КПСС, а особенно не повезло дочери преподавателя, которую наш блюститель морали люто возненавидел. Наверное, из-за слишком откровенных нарядов или причёски, не вполне соответствующей высоким партийным стандартам. Хорошо ещё, что на экзамен студентка пришла в белой блузке и чёрной длинной юбке, с комсомольским значком на груди и свёрнутыми в гульку волосами. Но и тогда еле удалось, даже после вмешательства её отца и декана, избежать тройки. Очень всё было строго и, как выразился один студент, «до идиотизма нравственно!» А наша «партийная тройка» получила автоматом отличные оценки. Вот что значит – сила партийного единства!

* * *

74

Второй случай произошёл на экзамене, не скажу, по какому аспекту исторической дисциплины, чтобы не выдать имя педагога. Правда, тре-

---

нировались мы на нём задолго до экзамена, почти каждый семинар. Дело в том, что ушлые студенты быстро догадались о полной некомпетентности преподавателя и начали придумывать всякие исторические факты, которых никогда не было. С довольно умным видом мы спорили друг с другом, приводя аргументы из тоже никогда не написанных книг и учебных пособий, придумываемых по ходу разговора. Заранее договаривались, кто будет зачинщиком, кто победит в диспуте. Вот так и развлекались какое-то время. Потому что надоедало писать конспекты, которые надиктовывались из наших же учебников. На экзамене все получили очень хорошие оценки. Лично я придумала одно восстание в Китае, о котором так ярко рассказывала, что сидящий за моей спиной парень не выдержал и начал смеяться, закамуфлировав смех якобы кашлем. Но я вошла в роль, и сама поверила в то, что рассказываю. Думаю, преподаватель был очень рад, что студентка так хорошо знает его предмет. Смех сквозь слёзы! Однако меня это научило никогда не говорить, что я знаю материал, если в этом не уверена. Лучше признаться, что не вполне им владеешь, а потом найти необходимую литературу и изучить вопрос, чем быть всеобщим посмешищем. Но с умным видом. Впрочем, в остальном наш преподаватель был совершенно безобидным человеком. Занимающим, правда, чужое место, зато – национальным кадром. Хотя это – уже детали. Не стоит и говорить, что по его предмету глубокие знания нашу группу обошли стороной.

* * *

Примечательно, что именно исторический факультет нашего университета, где я училась, стал своеобразной политической теплицей, внутри которой выросли два противоположных течения – националистическое и интернациональное. Они дали республике, а потом и государству Молдова новых лидеров, людей, в чьих руках была возможность вершить историю, которую они в своё время преподавали в теории. Но теперь, когда бывшие педагоги перешли к практическим занятиям, многие из них забыли свои принципы, перестроились в угоду сиюминутным выгодам. И так получилось, что с некоторыми из них я соприкасалась в разных сферах студенческой жизни. Так, декан нашего факультета, Александр Константинович Мошану, был с 3 сентября 1990 года по 23 мая 1991 года председателем Президиума Верховного Совета

Молдавской Советской Социалистической Республики; а с 23 мая 1991 года по 2 февраля 1993 года – председателем парламента Республики Молдова. Как историк, он сыграл свою роль при формировании государственной символики нового государства. А.К. Мошану был приверженцем политико-идеологического движения унионистов, выступающих за объединение Республики Молдова с Румынией. Умер наш бывший декан в 2017 году.

Другим действующим лицом новейшей истории Молдовы был ныне здравствующий Владимир Анатольевич Солонарь. По иронии судьбы он читал у нас курс новейшей истории. Как преподавателя я бы охарактеризовала его как сильного теоретика с широким кругозором. Но природная гордыня мешала ему увидеть старания некоторых студентов. Видимо, относясь к себе довольно строго, он требовал и от студентов того же. Трудно сказать, оправдывало ли это себя в то время. У меня с ним никогда не было проблем, предмет мне нравился, но не был моим любимым. Среди студентов мнения о В.А. Солонаре были прямо противоположные. Я его уважала за ум, знания и умение держать дистанцию. Хотя, позже он женился на своей студентке. Значит, дистанцию со студентами он в конце концов сократил. В 1989 году В.А. Солонарь принял участие в учредительном съезде движения «Единство», выступавшего в поддержку единства СССР. В следующем году он стал депутатом Верховного Совета Молдавии, затем с 1994 по 2001 год был депутатом парламента Молдовы, председателем комиссии по правам человека и национальным меньшинствам, членом парламентской делегации Молдавии при Совете Европы, лидером Гражданской партии. В 2003 году он уехал из Молдовы. Проживает в США, где преподаёт в Университете Центральной Флориды. Опубликовал монографию «Очищение нации: обмен населением и этнические чистки в союзной нацистам Румынии». Причём, она вышла как на английском, так и на румынском языке.

* * *

Никогда бы не подумала, что наступит день, и я уеду из любимого города. Мне ещё повезло: я просто вышла замуж за военного. Так что причина – вполне себе уважительная. А вот родителям пришлось покинуть республику, оставляя всё – квартиру, дачу, большую часть нажитого годами имущества. Когда мы приезжали в 2013 году с мамой и моими детьми в

Кишинёв, останавливались у наших друзей Янгурских, дружба с которыми у моих родителей началась более полувека назад. Для папы – до самой его смерти. И в последний путь тоже его провожали друзья, опоздавшие всего на двадцать минут к нему, живому. Дядя Коля и тётя Галя, их дети, Олежка и Наташа, – это не просто друзья, они – родные люди. И вот в мой последний приезд на родину вспоминали, как в 1994 году папа и мама уезжали из Молдавии навсегда. Они загрузили вещи в старую машину, которую папа ласково называл Яшкой, взяли собачку Мальвинку и в последний раз окинули взглядом наш двор. Выходили соседи, плакали и прощались, понимая, что, возможно, это их последняя встреча. И правда, многие из них умерли вскоре после отъезда родителей, да и папе жить оставалось всего пять лет. Сказался на здоровье период безработицы, когда даже простым рабочим за станок не брали под предлогом незнания молдавского языка, как будто вытаскиваемым деталям надо попутно читать инструкцию на государственном языке! Потом наступил период работы «извозом». Были случаи нападения на водителей, их убивали, отнимали деньги или машину. На папу пару раз тоже совершали покушения, он всегда держал в машине под сиденьем монтировку и был в постоянном напряжении. Однажды на него напали сразу несколько человек и хотели отнять машину. Чудом ему удалось отбиться. Затем были поездки с соседом по подъезду в Румынию, чтобы продать какие-то вещи. Так делали в то время многие жители Молдовы. Случилась беда: машина попала в снежный плен. Папа с соседом Сергеем просидели почти трое суток под сугробом снега, разогревались только водкой, которая была с собой. После этого случая сосуды на ногах у папы начали сужаться, к тому же он много курил, прибавим к этому ежедневную борьбу за выживание и нервотрёпку. Вот и пришла болезнь. Уже в России, когда, казалось бы, всё устроилось наилучшим образом. Но ничего не проходит бесследно. И сегодня я могу точно сказать: если бы не события в Молдавии, которые начались в роковом для нас 1989 году, возможно, многие, в том числе и мой папа, были бы живы. Но на всё воля Божья!

А мы вернёмся к рассказу наших друзей об отъезде моих родителей. Когда машина тронулась в путь, Янгурские сопровождали их до самого выезда из Кишинёва на трассу. В 2013 году дядя Коля привёз нас на это место. Даже спустя много лет было заметно, как он еле сдерживает себя, заново пере-

живая расставание с лучшим другом. Как оказалось, навсегда. А сколько таких разлук лезвием бритвы прошло через сердца русскоязычных граждан Молдовы, вынужденных покинуть родину под давлением лозунга «Чемодан, вокзал, Россия!» Разбивались человеческие судьбы, рушились семьи, умирали соседи. Из нашего подъезда к концу девяностых осталось в живых всего несколько мужчин, они не выдерживали психологического давления, своей ненужности обществу.

Мама до сих пор вспоминает, как было страшно в 1993–94, когда ещё яростнее активизировались националистические элементы. Муссировались слухи, что фашиствующие молодчики ходят по домам и ставят крестики на квартирах лиц не молдавской национальности, чтобы потом совершить налёт и погром. Лично с нами такого не случалось, но на всякий случай мой брат принёс домой ампулы с кислотой и проинструктировал маму, как ими пользоваться. Правда, сидящие у подъезда бабульки всегда были готовы предупредить о визите неожиданных «гостей». И однажды они подняли шум, увидев, как наш подъезд незнакомые парни обливают бензином. В тот раз всем миром удалось спастись от пожара. Интернационализм действовал на бытовом уровне наравне с национализмом, который тоже проявлял себя в разных формах. Например, когда в 1992 году пришла навестить мою новорожденную дочь вторая жена дяди Пети, молдаванка, у которой было два русских мужа, а значит, наполовину русские дети. С какой ненавистью тётя Тася говорила о русских! И кому говорила? Нам, русским, находясь у нас же в гостях. Некоторые люди в этот период, как я понимаю теперь, совершенно обезумели и потеряли всякую ориентацию в духовном пространстве. Так чего же они теперь, спустя многие годы, плачут об утраченной красоте и богатстве своей страны, когда сами потеряли душевную красоту и, как следствие, всё остальное!!!

А ведь это было совсем недавно, – что такое для истории какие-то тридцать лет! Страшно вспоминать, но это необходимо. Пусть о событиях в Молдавии узнает как можно больше людей, потому что в то время информации не было. Она замалчивалась. Да и теперь подаётся не совсем верно. Ещё в июне 1992 года даже мы, жившие в Кишинёве, узнавали по «сарафанному радио» о надругательствах националистов над школьницами во время проведения выпускных в Бендерах. Среди пострадавших были наши знакомые, так что для меня это не слухи. И то, как на улицах Бендер после обстрелов не-

---

возможно было убрать в 30-градусную жару трупы, потому что молдавские снайперы стреляли во всё, что двигалось, как хоронили погибших прямо во дворах и как остановили националистическую агрессию только решительные действия Александра Лебеда и защитников из народа, противников насильственной румынизации.

Отлично помню 1992 год. В это время я находилась в Кишинёве, у меня родилась дочь. Нужно было ездить с малышкой на прививки. Отвозил нас мой папа и ждал, пока мы выйдем к машине после посещения врача. Но один раз мы не успели спуститься даже в вестибюль поликлиники, как туда вбежал взволнованный отец. Он сказал, что по улице ходят пьяные полицейские с автоматами, беспорядочно стреляя по сторонам. Мы укрылись в поликлинике, как и другие люди, услышавшие стрельбу. Стало реально страшно! Это сейчас мы привыкли к сводкам о погибших, а тогда всё было непривычным и очень пугало. С приходом лета родители уезжали в выходные на дачу. В пятницу, 19 июня, перед их отъездом я оставила с родителями дочку, чтобы поздравить подругу-одноклассницу Наташу с днём рождения. Вечером в её квартире раздался звонок. Трубку взяла Наташина мама, тётя Валя. И через несколько минут она просто изменилась в лице. Звонили из Бендер. Сообщили информацию о том, что в городе объявлен общий сбор всех дееспособный мужчин. Звонившая женщина плакала и на всякий случай прощалась, потому что никто не знал, как далеко зайдут молдавские власти в своём желании задушить противников вхождения Молдовы в состав Румынии. В памяти ещё были свежи события в Дубоссарах, так называемая «рельсовая война» и вылазка молдавских националистов в Гагаузию, где, кстати говоря, им «дали прикурить»! Но никто не ожидал, что после принятия Парламентом Молдовы документа, ориентированного на переговоры, на самом деле власти мобилизуют все силы на штурм не только города, но и Бендерской крепости, где находился российский гарнизон. Потери были с обеих сторон. Россия всё ещё придерживалась нейтралитета. И он ей чуть не стоил целой армии, которая в полном составе намеревалась присягнуть на верность многонациональному народу Приднестровской Молдавской республики. Тогда и послали Александра Лебеда, между прочим, с документами на фамилию полковника Гусева, чтобы он уладил жёсткой рукой этот конфликт интересов. Лебеду это удалось в полной мере.

Но вернёмся в 19 июня. Наш дом был недалеко от дороги, по которой ночью выдвигались из Кишинёва колонны автобусов с вооружёнными националистами. На центральной площади города с вечера стояли бочки с вином, которым поили новоявленных рекрутов. В состоянии алкогольного опьянения ими легко было управлять. Когда автобусы проезжали рядом с нашим домом, был слышен страшный вой сирен, видимо, так психологически хотели запугать население. 20 июня, в субботу, мои родители уехали на дачу, находившуюся по направлению к Бендерам. По их рассказам, уже ближе к вечеру над дачным посёлком стали проноситься военные самолёты, их гул нельзя было спутать с гражданской авиацией. Папа сказал, что очень странно выбран выходной день для учебных полётов. И интуитивно он предположил, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Все соседи вышли из дачных домиков и собрались в одном месте. Люди с тревогой обсуждали происходящее и предполагали не самый хороший исход. Пытались узнать новости по радио, но оно не работало. В тот момент никому и в голову не пришло, что начнут бомбить пригород Бендер! Я в это время находилась в Кишинёве и узнала о бомбёжке от знакомых, чьи родственники сумели как-то сообщить о налётах. Радио не работало, по телевидению, естественно, ничего не говорили. Но люди как-то узнавали правду и звонили родным, друзья и знакомым. Информация приходила не просто тревожная, а совершенно невообразимая для не знавших войны современных жителей Кишинёва. Я созвонилась с хорошими знакомыми и попросила отвезти на дачу. Воскресным утром 21 июня нас с дочкой отвёз на дачу друг семьи Михаил Андреевич. Когда мы приехали, среди дачников не было паники, но после того, как я сказала о предполагаемой бомбёжке Бендер, люди начали собирать вещи и выдвигаться в Кишинёв. Мы тоже вскоре уехали домой и стали ждать с большой тревогой, что же будет дальше. На календаре значилось 22 июня 1992 года. Для каждого советского человека эта летняя дата ассоциируется с нападением фашистов на нашу родину. Спрашиваю себя: по стечению ли ужасных обстоятельств была выбрана националистами эта историческая дата? Теперь я воспринимаю её в качестве двойного дня скорби и печали. Было страшно!

В голове это не укладывалось. Война? С кем? Началось то, что потом в энциклопедии назовут «Битвой за Бендеры». В народе события 19–22

июня 1992 года называли Бендерской трагедией. В свободных источниках Интернета пишут, что бомбили село Парканы 23 июня, но я хорошо помню, что именно в воскресенье, 21 июня, самолёты пролетели над нашей дачей в направлении Бендер. Больше добавить нечего.

* * *

Люди потеряли покой. Во время летних событий 1992 года, вплоть до августа, когда миротворческие силы под командованием А. Лебеда развели противников в разные стороны, в Кишинёве разрывались телефоны. По улицам вечером страшно было ходить не только женщинам. А по телефону постоянно передавалась оперативная информация, каким-то образом просачивающаяся с линии боёв, а потом с противоположного берега Днестра. У всех были родственники, знакомые, друзья по обе стороны реки. И это напоминало страшные рассказы стариков о том, как «беляки» рубились с «красными», где на разных сторонах могли оказаться члены одной семьи: вот и сбылись бабушкины пророчества, мол, пойдёт брат на брата.

Страх! Он пропитал всё общество. Народ боялся многого: выскажешься против национализма – враг, выразишь сочувствие русскоязычным – враг! Массовые сокращения русскоязычного населения на предприятиях, в сфере обслуживания, в научных и культурных учреждениях. Как следствие безработицы – полуголодное существование. Периодические отключения воды, тепла, газа. Психологический гнёт, повсеместное унижение. Как жить теперь? Выход был. Уехать. И мой папа твёрдо сказал, что нам надо переезжать на историческую родину, здесь покоя не будет. По крайней мере, не при нашей жизни. Что касается папы, то он был прав. При его жизни покой в Молдавии так и не наступил. Да и теперь, в 2019 году, страна бурлит и всё никак не успокоится, как лодка, которая не может прибиться к берегу. Вот её швыряют волны, а рыбаки в ней, неумелые мореходы, никак не научатся держать штурвал, а всё критикуют тех, кто по очереди берёт его в руки. Конца и края этому стихийному бедствию не видно.

В августе 1992 года за мной приехал муж, и мы с дочерью отбыли к месту его службы. Сопровождал нас мой брат, потому что дорога предстояла через всю страну – до Курильских островов. А папа договорился с родственниками и вскоре переехал в Россию, нашёл работу, квартиру и в 1994 году приехал за мамой. Так решился вопрос переселения для нашей се-

мы. Но ещё не окончательно, потому что несколько лет брат продолжал жить в Молдавии. Многие наши знакомые вскоре также нашли пристанище в России, Германии, США, Израиле и даже в Австралии.

* * *

К счастью для большей части еврейского русскоговорящего населения у них было, куда эмигрировать. Даже если брать в расчёт трудности переезда и адаптации, психологически люди были защищены, поскольку знали, что в мире существует государство Израиль, которое их непременно приютит. И все равно никуда не убрать ту щемящую боль, с которой они покидали любимый Кишинёв, место своего рождения и лучших лет жизни! Уезжали не только семьями, целыми кланами. Увозили даже престарелых родственников, для которых приходилось оформлять специальное медицинское сопровождение. Среди моих знакомых были и такие. Каждую среду или четверг, точно сейчас не помню, на железнодорожном вокзале Кишинёва наблюдалось целое паломничество. Вспоминаю один такой отъезд, когда провожала семью своей подруги Жени. Когда люди уезжают в другой город, это вызывает грусть. Но в данной ситуации все понимали, что поезд увозит не просто в другой город, в другую страну. Пусть кто-то повернёт потом на Рим, иные – на Вену. В итоге часть людей, отъезжающих в неведомое будущее, окажется в США, Италии, Германии, но большая группа поедет на Землю Обетованную. И всё! Закончится общение, пойдут письма, которые подлежат обязательной перлюстрации. Про телефонные звонки можно только мечтать. А вот о встрече и мечтать-то не приходится. Уезжают навсегда. Окончательно и бесповоротно! С лишением гражданства СССР. С ограничениями на вывоз многих вещей. Об этом вслух никто не говорил. Но знали все. Я ещё тогда удивилась – в 1989 году это не было принято в приличной семье – почему у девочек уши проколоты в нескольких местах и какие-то неестественно большие серьги вдеты в дырочки, отчего мочки ушей становились большими и растянутыми. А ответ простой: из-за ограничения на вывоз, кажется, тремя парами золотых серёжек наши находчивые люди сооружали такие «вавилонь».

* * *

Прошли годы. И вот совсем недавно, в 2018 году, инициативная группа депутатов Парламен-

---

та в составе Михая Гимпу, Лилианы Карп, Петра Косой, Валериана Бежан, Романа Боцан, Иона Апостол, Иона Касьян, Алины Зотя-Дурня и Штефана Влас обратилась в суд для внесения поправок в некоторые документы, касающиеся языка. Не вдаваясь в подробности, констатирую только факт, отмеченный в пункте третьем постановления суда от 4 июня 2018 года: «Признать устаревшим Закон №3465 от 1 сентября 1989 года о функционировании языков на территории Молдавской Советской Социалистической Республики». Таким образом, окончательная румынизация страны пока националистам не удалась. Но они не оставляют эту идею, заменив резкие националистические лозунги на более мягкие и толерантные формулировки, например, евроинтеграцию. В Парламенте Молдовы постоянно проходит борьба между сторонниками и противниками этой интеграции, прекрасно понимающими, какой внутренний смысл заложен в это понятие. Так, в октябре 2018 года при голосовании за закрепление в Конституции статьи о евроинтеграции, тринадцать депутатов демонстративно покинули зал заседаний, выразив тем самым протест против предполагаемого изменения основного закона государства. Повезло, что пока не приняли. Ведь даже находясь не внутри Молдовы, мы, бывшие её граждане, с болью следим за теми событиями, что происходят на родине. Родину не выбирают, как и родителей. И если мои родители приехали когда-то из России помогать повышать благосостояние братской республики, то я родилась в Кишинёве, и всегда буду считать это место своей родиной. С той лишь оговоркой, что, по сути, мы все родились в СССР, а значит, и Молдавия, и Россия – это наша общая родина. И точка!

* * *

Думаю, в Молдове борьба на идеологическом фронте ещё не закончилась. И только неумолимое время уносит с собой одного за другим фигурантов событий 1989 года, внося в анналы истории их биографии, – у кого-то со знаком плюс, а у кого-то с длинным минусом. В зависимости от оценки последствий их шагов. Тех самых, что привели к сегодняшнему положению в некогда цветущей Молдавии, славящейся своим хлебосольным гостеприимством, плодородными пашнями, цветущими по весне садами, холмами, посаженными виноградниками, упирающимися в горизонт, такой безоблачный и мирный. Но главное, счастливыми лицами людей. Теперь они

улыбаются нам, их потомкам, с пожелтевших старых фотографий периода брежневского правления. Часть из них сделана удачливыми уличными фотографами, стерегущими прохожих ради такого вот кадра. Как теперь выясняется, исторического. Почти у всех эмигрантов из Кишинёва есть такие фотографии. В последнее время в социальной сети фейсбук создана группа «Кишинёвцы». Загляните туда, и вы увидите выставленные напоказ старые советские фотографии. Они вызывают приступ острой ностальгии и потери чего-то светлого и прекрасного. И как бы сказала моя бабука, мы в Кишинёве в семидесятые годы жили при коммунизме и не догадывались об этом. Это точно!

* * *

Но оставим официальную историю. Я снова переносусь в июнь 1989 года, чтобы вспомнить личное, то, с чего и начался мой рассказ. Теперь, когда умерла моя любимая бабушка, привычный мир был разрушен. Мне казалось, что нигде больше нет моего места. Наступила дезориентация, было сложно понять, куда дальше двигаться. Думаю, подобное состояние испытали миллионы советских граждан, когда распался СССР. На третий или девятый день – сейчас уже трудно вспомнить – бабушка «пришла» проститься со мной. Дело было днём и в той же комнате, куда когда-то «приходила» душа дяди Пети. Лёжа на софе, я смотрела в потолок. Слёз не было. Первое время я вообще не могла плакать, меня от горя просто перемкнуло. И так, находясь в состоянии абсолютного равнодушия к происходящему вокруг, краем глаза заметила тень, повернула голову и в дверном проёме увидела бабушку. Я вообще не удивилась, потому что с детства знала о том, что в нашем роду это обычное явление – видеть умерших. Правда, тогда я ещё не знала, что и сама умею это делать. Бабушка выглядела вполне здоровой, такой, какой была до инсульта. Она не двигалась, не делала попытки приблизиться ко мне. Просто тихо сказала примерно следующее: «Ты все сделала правильно, только не сыграла на аккордеоне на моих похоронах, хоть я тебя и просила. Теперь ты не будешь бояться ходить на кладбище. Завтра приходи ко мне на могилку. До свидания».

Заметьте – не прощай, а именно до свидания. И просто пропала. Одномоментно. Я встала с дивана и пошла рассказывать родителям. Папа никак не комментировал мои слова, а вот мама посмотрела на меня с беспокойством. Мне было всё равно.

Главное, что я как-то внутренне пришла в равновесие. И, действительно, перестала бояться кладбищ. На другой день одна пошла к бабушке на могилу и тут, наконец-то, меня прорвало. Я долго плакала, да что там плакала, – рыдала в голос. Был будний день, абсолютно пустое кладбище, утопающее в зелени. Помню, как потом наступила тишина, и только воробы чирикали, перелетая с одного могильного памятника на другой в поисках пищи. Глядя на птиц, цветущие кустарники и улыбающихся с последних фотографий людей, покинувших этот мир, мне вдруг так захотелось жить! С тех пор, когда мне нужно понять, как двигаться по жизни дальше, я стараюсь посещать не только церковь, но и знаменитые кладбища Москвы и Санкт-Петербурга, чтобы увидеть, где закончили свой путь известные люди, подумать о том, что я предъявлю смерти, когда придёт моё время. Такие редкие прогулки очень отрезвляют и дают понимание бренности жизни, кем бы ты ни был во время расцвета своей земной судьбы.

Итак, летом 1989 года я окончила университет, а мой брат школу. В последний год моей учебы на нашем факультете стало зарождаться движение студентов и ряда преподавателей против национализма, который всё больше поднимал голову в Молдавии. Я была в гуще событий новейшей истории. Теперь – это достояние прошлого. А моя жизнь продолжается. И разделилась она строго по времени – до 1989 года и после. Но «после» – это уже другая история.

Полагаю, события, происходившие в Молдавии, имели отклик и в других союзных республиках, поэтому они не могут не затронуть сердца людей, переживших проявления национализма в разных его формах. И тогда перед мысленным взором каждого из них встанут свои собственные воспоминания, вызванные к жизни вероломным лозунгом: «Чемодан, вокзал, Россия!»

ИЗ СЕРИИ

«КУРИЛЫ —

ОСТРОВА НЕ МОЕЙ МЕЧТЫ»

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Считается, что традиции гостеприимства особенно сильны на Кавказе. Но мало кто догадывается, что на Курилах они жизненно необходимы и потому соблюдаются неукоснительно. Во всяком случае, в период моего пребывания на островах было именно так.

Год 1992. Мы живем на заставе, далеко от цивилизации. Небольшой домик для проживания офицеров с семьями почти всегда полупустой: то одна семья в отпуске, который длится примерно два месяца, то другая. К тому же постоянно не хватает кадров, ведь застава «не икорная», расположена далеко от населенных пунктов, вокруг лес, а из окон виден океан. Мое утро начинается с наблюдения за волнами. Это не привычка, а желание узнать погоду. Когда ты живешь так далеко от больших городов, что даже телевизор не работает, узнать прогноз погоды не представляется возможным обычным способом. Природа, окружающая человека на Курилах, словно заповедная зона его души, дает все необходимое, вплоть до знаний изменений в календаре погоды. Только не ленись — наблюдай и записывай. А что еще остается? Через какое-то время ты становишься экспертом в разных вопросах, которым тебя научила

окружающая среда. Чтобы распланировать свой день, я наблюдаю за волнами, чайками, облаками. Если волны с большими пенными гребнями, а чайки пронзительно пищат и носятся над поверхностью морских вод, словно подчиняясь правилу броуновского движения, то быть непогоде. А если еще и облака низко нависают над водой, то шторма не миновать. И тогда лучше вообще не выходить из дома. Потому что ветер на Курилах шутить не любит, – его резкие порывы могут не только сбить с ног, но и подхватить, например, маленького ребенка, как в сказке про летающий домик Элли. И даже при хорошей погоде нельзя далеко отходить от огороженной территории заставы, ведь вокруг тайга с ее обитателями, не считающими человека хозяином природы. Вот рядом с заставой есть полянка, усыпанная по весне одуванчиками, а летом – россыпью ягод дикой малины и ежевики. Я часто сюда прихожу с маленькой дочкой. Одуванчики поражают не только мою малышку. Их головки по размеру напоминают среднюю желтую хризантему. Стебли у них высокие и крепкие, не ломаются на сильном ветру, а стелются по земле, в зависимости от его порывов – то вправо, то влево, но всегда оставаясь живыми цветами. Вот и люди на островах: подстраиваются под окружающую природу и дают «народные» названия растениям. Об одуванчиках говорят так: «Живчики, желтые на черном». Первое название мне понятно – умеют эти цветы выживать. А вот почему «желтые на черном» – сразу и не догадаешься. Только узнав, что название «Кунашир» переводится с японского языка как «черный остров», можно это понять. Я часто беседую с проезжающим через нашу заставу егерем. По законам островного гостеприимства любой гость может всегда рассчитывать на ночлег и еду. Это было до нас, соблюдалось нами, наверное, будет и после. А иначе просто не выжить в этих природных условиях. Но не только для путников является благом такое положение. Любой визит – это целое событие. Люди стараются побеседовать с гостем, узнать новости, да и просто сменить обстановку. Новый человек – это новая энергетика, а она так нужна, когда ты находишься почти все время в одном коллективе. В замкнутой среде люди ведут себя иначе, чем в больших городах. Случается, у кого-то обостряются психологические проблемы. Порой человек так погружается в себя, замыкаясь на внутреннем пространстве души, что теряет объективное восприятие окружающей действительности. И здесь каждая встреча с чужаком – как лекарство.

Меня всегда радовал приезд егеря, который умел интересно рассказывать о природе. Я мало знала о птицах и растениях, занесенных в Красную книгу. И никогда не видела многих из этих замечательных представителей нашей флоры и фауны. Впервые на Курилах пришлось узнать о таких гигантах как орлан-белохвост. Он считается редким представителем хищных птиц, обитающих в нашей стране. Лесник рассказывал, что в Японии особенно чтут эту птицу. И когда приезжают японские делегации, то по согласованию с местными властями самым желанным подарком считается поездка к месту гнездовья этих благородных птиц. Японцы часами могут стоять и наблюдать за поведением орланов, фотографируют их, восхищаются и бывают очень довольны предоставленной им возможностью понаблюдать за птицами. После чего переговоры с делегациями о культурном обмене проходят в более теплой атмосфере, нежели до созерцания птичьего быта. Однажды егерь приехал на заставу в возбужденном состоянии духа, объяснив нам, что не может остаться на ночлег, потому что получил важное задание. Ему нужно подготовить чучело умершего орлана для подарка японской стороне. Для того чтобы подарить музею на Хоккайдо чучело этой птицы, оформлялось большое количество справок и других документов, доказывающих, что орлан умер своей смертью, а не был убит. Надо ли говорить, что японская сторона осталась довольна подарком, а представители нашей делегации получили ответный тёплый прием, несмотря на то, что между нашими странами до сих пор нет мирного договора. Это наглядно показывает, что люди на бытовом уровне всегда могут договориться, если захотят. И природа сама им в этом помогает. Глядя на то, как японцы относятся к дарам природы, мне становилось горько за нашу родину, щедро одарённую Богом. Как же так получилось, что мы, россияне, частенько не только не ценим богатства, полученные даром, но ещё и вредим природе! Конечно, не в наших традициях устраивать выходной в день цветения сакуры и всей семьёй выезжать в сады, чтобы просто полюбоваться на это чудо. Но ведь и у нас есть, что посмотреть! Мне кажется, в настоящее время назрела необходимость говорить о духовном излечении народа. И начинается оно с примера таких отдалённых мест, как Курильские острова. Именно поэтому хочется рассказать о простых житейских ситуациях, ничего не выдумывая, а так, словно я – сторонний наблюдатель.

КУРИЛЫ. ЭТО ГДЕ?

Курилы. Острова на самом дальнем востоке России. Путь туда можно двумя способами – морским и воздушным. Когда я впервые узнала об их существовании, а это было в школе на уроке географии, то никак не могла себе представить, что проживу там целых семь лет. Да и как можно променять цветущую солнечную Молдавию на какие-то призрачные далёкие острова, если ты не мечтаешь стать капитаном дальнего плавания или наследником Колумба! Но есть такая дама – Судьба. И её не интересует ваше мнение на предмет пребывания на каком-то участке планеты. Она ведёт свой список мест, предназначенных для вашей жизни. Вот и моя линия судьбы плавно прочертила параболу от многолюдного и любимого города Кишинёва, где я собиралась прожить всю жизнь, до неведомых и совсем нежеланных островов в Тихом океане. Если быть кратким, то поворот судьбы гласил следующее: свадьба, самолёт, граница. Наш с мужем путь лежал через всю страну. Шёл 1989 год. Самолёты летали, как и теперь, в соответствии с погодой. Кишинёв – Москва – Южно-Сахалинск – этот длительный перелёт покажется нам быстрым по сравнению с тем, как потом придётся добираться до острова Кунашир, что расположен в нескольких километрах от государственной границы Российской Федерации с Японией. Ох, и намучаемся же мы в пути! Но обо всём по порядку. Я закрываю глаза и четко вижу все, что происходило тридцать лет назад.

* * *

Самолёт приземлился в аэропорту Южно-Сахалинска точно по расписанию. Это меня не беспокоило, конечно. Но взгляды остальных пассажиров: «Наконец-то прибыли вовремя!» – слегка удивили. Я и представить себе не могла, что самолёты нарушают расписание. Как же теперь смешно это вспоминать! Стюардесса пригласила пассажиров к выходу. У нас с мужем была своеобразная ручная кладь – аккордеон и пишущая машинка. И ещё такое количество багажа, что сегодня я с трудом представляю, как это мы его провезли через всю страну? Чемоданов на колёсиках в СССР не было. По крайней мере, у простых жителей, не дипломатов. Зато нам удалось раздобыть две огромные сумки, которые в народе

называли «мечта оккупанта» за их внушительные размеры. В них можно было втиснуть целый гардероб. Но и это не всё. В большом бабушкином чемодане у нас летели любимые книги, а в картонной коробке я везла шикарную чёрную шляпу. При упоминании о ней хохот так и норовит сотрясти мое тело. Забегая вперед, скажу, что по прибытии в посёлок Горячий Пляж (остров Кунашир) мне не один раз предлагали продать мою великолепную шляпу, мотивируя это тем, что там, куда я поеду, она мне никогда не пригодится. Но по своей наивности я считала, что женщины лукавят, лишь бы получить модную вещь, с трудом добытую в эпоху всеобщего дефицита. Ах, как же я ошибалась! Шляпа так и пролежала долгие годы в шкафу, а потом сгорела во время пожара вместе с большинством наших пожитков. Да, у каждой вещи тоже своя судьба: остались же некоторые из них со мной до сих пор, например, подаренная на свадьбу фруктовая ваза чешского стекла пережила пожары, наводнения, многочисленные переезды через всю страну и сегодня стоит на моем столе. Судьба!

* * *

Выйдя из самолета, уже «слегка весёлые» и довольные пассажиры, уверенно направились прямо через лётное поле к забору, отгораживающему здание аэропорта от прилегающей территории. Я остановилась и огляделась. Почему нам не подали автобус? Мой муж лукаво посмотрел на меня и вкрадчивым голосом пригласил пройти за ним. Мол, потом всё объясню. Мы побрели вслед за остальными людьми. А они уже почти дошли до огромной металлической клетки, предназначение которой оставалось для меня загадкой. Мужчины и женщины остановились у клетки и чего-то ждали. Муж объяснил мне, что сюда привезут наш багаж. Не прошло и десяти минут, как вещи пассажиров были свалены буквально в кучу-малу, отгороженную от лётного поля металлическими стенками «багажного отделения под открытым небом». Удивлению моему не было предела, особенно в тот момент, когда люди просто вошли в клетку и стали разбирать свои и чужие вещи, при этом постоянно используя ненормативную лексику. Даже не знаю, что тогда больше потрясло меня – тот беспорядок, что творился вокруг, или язык местных жителей. Не скажу, что я не знала о существовании нецензурной лексики, но чтобы вот так – в полный голос его использовать в общественном месте – такого мне слышать еще не приходилось!

Достав из-под завалов свои сумки и чемодан, мы прошли через металлические ворота и оказались за зданием аэропорта. Слева от нас простиралось большое поле, на котором стояли несколько вертолётов и маленьких «кукурузников». Почему-то я думала, что мы сейчас сядем в один из этих самолётиков и полетим до острова Кунашир. Перед поездкой мой муж много и красиво рассказывал о близости Японии, прекрасных местах, описанных Чеховым, о романтике дальних перелётов, цветущей сакуре и всё в таком духе. Мне мысленно представлялся большой вишнёвый сад, сидящие в тени деревьев самураи, ведущие неспешные беседы о смысле жизни. Это создало у меня ложное представление о «краешке земли», на котором живут сильные и благородные люди, добывающие нефть, красную рыбу и агат. Одним словом, романтики. И что же я увидела в реальности? Может быть, романтика где-то скрывается и просто так не даёт себя обнаружить? Я пристально рассматривала окрестности, пока мы ехали по единственной дороге от аэропорта до гостиницы Южно-Сахалинска. Но нет! Не видно ни самураев, ни сакуры! Да и не цветёт она в конце октября. Зато в изобилии слышатся незнакомые японские словечки, употребляемые местным населением. Например, когда в гостинице сказали, что столовая уже закрыта, но для нас могут заварить куксу, я не возражала, потому что не знала, о чём идёт речь. Оказалось, что это обычная лапша быстрого приготовления. С дороги она показалась вкусной. Через год я узнала о таком количестве разных вариантов куксы, что можно было составить кулинарную книгу из блюд, в состав которых она входит у местного населения.

* * *

Гостиница, в которой мы остановились, была маленькой и очень грязной. Но, видимо, тараканы так не считали. Они облюбовали все комнатки, места общего пользования и даже переползали из одного подъезда в другой стройными колоннами, – такое я тоже увидела впервые. И мне совсем было не до смеха, когда по пути в столовую, находящуюся в другом здании, какой-то мужчина крикнул нам: «Эй, осторожнее, местное население не задавите!» И он со смехом показал на землю, где по дорожке прямо перед нами гуськом продвигалось многочисленное тараканье семейство. Станным было и то, что люди просто обходили эту кавалькаду стороной. До сих пор не понимаю, почему они это делали. Может быть,

тараканы на Сахалине считались священными насекомыми и их чтили, как почитают коров в Индии? Лично я травила их беспощадно, как и муравьёв, которые прятались в моём фотоаппарате, перенося туда свои личинки. Это не только удивляло, но и страшно бесило – ну как так! – мы, люди, и не можем избавиться от назойливых насекомых! Через несколько лет борьбы с этой живностью я нашла верный способ – средство под названием «Дохлокс» кардинально решило проблему. И уже никогда больше я не наблюдала за тараканьей процессией, идущей, как по расписанию, из гостиницы в столовую на завтрак.

* * *

Мы не знали, сколько времени придётся провести в Южно-Сахалинске, потому что перелёт на остров Кунашир мог затянуться из-за погоды. Она пока не позволяла лететь. Никого не волновало, есть ли у нас деньги на гостиницу или здоровье дожидаться рейса. Но такое положение – ещё не самый худший вариант. Я пойму это через несколько лет, добираясь зимой из отпуска в Южно-Сахалинск через Хабаровск, где мы застрянем в гостинице на две недели. Закончится еда, деньги. И чтобы заплатить за гостиницу мы продадим золотые серьги, кольцо, разные вещи, приобретённые в отпуске. У нас будет одна баночка растворимого куриного бульона на троих. И, конечно, она вся уйдёт на кормление маленькой дочки. Голод – это страшная вещь. Раньше это мной как-то не осознавалось, хотя о блокаде Ленинграда все советские школьники знали и очень сочувствовали жителям этого героического города. Но в мирное время чувство голода воспринимается по-иному. Особенно, когда ты проходишь с ребенком мимо витрин магазинов и не можешь объяснить, почему нельзя что-то купить. Хотя и это мы переживём. Трудно будет ждать лётную погоду, уговаривать потом военных лётчиков лететь в сложных метеоусловиях. Но в тот раз нам очень повезёт. Правда, через две мучительные недели. На третью нас, наконец-то, впишут в полётный лист, но покинуть Хабаровск сразу все-таки не получится. Ещё пару деньков погода не позволит самолёту взлететь.

И вот оно – долгожданное «погодное окно», когда в тепле скерцо люди осуществляют посадку в транспортный самолёт и рассаживаются по длинным металлическим лавкам. Никто тебе не говорит привычное: «Пристегните ремни!» Их нет и в машине! Даже держаться практически не за что. Но

пассажиры рады, ведь ждать больше нет ни сил, ни средств. И вот мы летим. Трясёт неимоверно, я еле удерживаю равновесие и дочку, а мужу вообще несладко, – стоит и держится за какой-то ремень, свисающий с потолка. Среди пассажиров только военнослужащие и члены их семей – люди, привыкшие к таким приключениям. Поначалу всем хорошо – наконец-то полетели! Но через час настроение меняется. Прогноз погоды очень скверный – над Сахалином снежный буран. Как будем садиться – один Бог ведает. Военные летчики – люди бывалые и опытные, но и они не скрывают, что рискуем жизнями. Здесь вообще не принято как паниковать, так и скрывать опасность. Мы приготовились к любому исходу. Мысленно попрощались со всеми. И когда затрясло, как в лихорадке, старались только молиться и молчать. Пронесло! Самолет коснулся бетонки, вздрогнул и через несколько минут затих. Внутри него люди оживлённо поздравляли друг друга с благополучным приземлением и благодарили вышедших из кабины лётчиков. Те без ложной скромности принимали поздравления и очень просто говорили в ответ: «Нам могло не хватить 15 сантиметров. Обошлось. Благодарите Бога!» И люди выдохнули в едином порыве: «Слава тебе, Господи!» А потом уже вернулись к земным делам, вытаскивая вещи и помогая друг другу покинуть самолёт. А сделать это было непросто. Мы приземлились в пургу на военном аэродроме, практически в поле. И вот тут я должна отметить самое ценное качество, которое открывают острова, – взаимовыручку людей. Только на Сахалине и Курилах я видела это качество в его лучшем проявлении. Когда тебя подвозят на любом виде транспорта, не взяв ни копейки денег, нарушая свой маршрут ради пассажира. Когда тебе отдают последнее, чтобы помочь. Когда ради тебя бросают дела. А потом просто прощаются, как будто завтра вы снова встретитесь. Когда сажают за стол чужих людей и потчуют их всем, что есть в доме, как близких родственников. Да, и это тоже острова. Такие же разные, как и все люди на земле.

* * *

В свой первый приезд на Сахалин я провела там десять дней. С этого большого острова мы летели на меньший – Кунашир. Это один из тех островов, на которые претендуют японцы. Приземлились в аэропорту Менделеево. Пожалуй, слово «аэропорт» вообще не подходит для этого места. Представьте себе просторный деревянный барак, в котором разме-

щалась администрация, и куда входили для регистрации на рейс пассажиры. Из барака они отправлялись прямо по полю к самолёту. Именно там проводился пограничный контроль. Не забудем, что мы находимся в пограничной зоне, куда в советское время без особого пропуска просто невозможно было попасть. Ни при каких обстоятельствах и знакомствах. Это точно! Так что случайных людей на Курилах не было. Все жители всегда видны как на ладони, их жизнь абсолютно не секрет ни для кого. Здесь не принято запираеть двери домов, а иномарки, действительно, – не роскошь, а средство передвижения. Домишки с виду выглядят неказистыми. Но внутри нашигованы современным оборудованием. От минипечкарни, о которой в европейской части нашей страны еще долго не услышат, до видеомагнитофона. Но эти вещи не говорят о роскоши, царящей в домах, скорее, являются обычными предметами домашнего обихода. Из-за близости Японии оттуда проще и дешевле привезти не только вещи, но и продукты. Никто не воображает себя Рокфеллером и не гордится наличием японской техники. Её просто используют, как мы используем чайник или мясорубку. На Курилах у людей иные жизненные ценности, в корне отличающиеся от того, что является важным для жителей материка.

Впервые ступив на землю Кунашира, я ощутила под ногами странную поверхность – металлическое покрытие с круглыми дырками. Местные жители называли это «рулёжкой». Она была необходима для взлётной полосы, в быту ее также использовали вместо асфальта. С этой «рулёжкой» у меня связаны плохие воспоминания. Когда дочери было три годика, мы уже жили на заставе вблизи пограничной комендатуры. И ежедневно выходили с ребёнком на прогулки, шагая строго вокруг комендатуры по выстеленной «рулёжкой» дороге, потому что вокруг земля была влажной после дождливого сезона. Стояло туманное утро 28 мая – Дня пограничника. Муж находился на службе, в нескольких километрах от дома. Вокруг – никого. Немногочисленное население разбрелось по своим делам. Праздник – не повод пропускать службу. И только в сотне метров на импровизированном футбольном поле играли четыре мальчика. Я держала дочку за руку. Но вдруг она увидела бабочку, вырвала ручонку и сошла с дорожки на мокрую траву, пытаясь поймать яркое насекомое. Дальше всё помню, как в замедленной киносъёмке. Вот маленькие ножки спотыкаются о кочку, и ребенок падает головой прямо на две

соединённые между собой части «рулёжки», на её металлический стык. Я ничего не успеваю сделать! Остаётся только поднять доченьку и осмотреть рану. Она глубокая, большая. Ребёнок в шоке. Я вижу и разорванную в клочья кожу головы, виднеется кость черепа. И в данной ситуации мне помогла железобетонная психика, быстрота реакции и навыки, полученные на военной кафедре в кишинёвском университете. Никогда не думала, что слова военного хирурга, у которого я проходила практику, сбудутся в буквальном смысле. Он сказал нам, легкомысленным студенткам: «Учитесь, девушки, вы даже не представляете, в какой момент вашей жизни могут пригодиться эти навыки. Вот так нужно обрабатывать раны и стягивать их края, когда нет возможности их сшить!» Как же я благодарна этому суровому человеку, чьё имя затерялось где-то в закоулках моей памяти! Полученные под его руководством знания позволили мне хладнокровно и быстро оказать помощь собственному ребёнку. Никто не помог мне в эти минуты, кроме мальчика, играющего в футбол. Он увидел, как я бегу к дому с окровавленным ребёнком на руках, подхватил ключи и открыл дверь, побежал за помощью в комендатуру. Помощь пришла уже тогда, когда я всё сделала сама. Прибывший через несколько часов врач, а раньше никак не добравшись из посёлка на комендатуру, только констатировал правильность моих действий и восхитился результатом. А у дочери на память о Курилах остался небольшой шрам на лбу, который со временем побледнел и даже не нуждается в косметической хирургии. Вот такую метку оставили нам на память Курилы.

КУРИЛЬСКИЕ ЗАГАДКИ

Когда мы с мужем прилетели в 1989 году в аэропорт «Менделеево» на острове Кунашир и прошли пограничный контроль, нужно было ещё добраться до пограничного отряда, чтобы отрапортовать о прибытии офицера из отпуска. Там же нас должны были записать в полётный лист. Ведь с Кунашира предстояло лететь на вертолёте до Малой Курильской гряды, где находилась наша застава. Мы поехали по единственной дороге, что шла в направлении посёлка Горячий Пляж. Там располагался пограничный отряд и гостиница, в кото-

рой будем ждать лётной погоды. Между собой курильчане называли её «приежка». Все пассажиры, которым нужно было ехать до Горячего Пляжа, погрузились с вещами в высокую машину с огромной кабиной. Колёса автомобиля были высотой с мой рост. Первый раз довелось увидеть такую машину. То и дело поворачивая голову в разные стороны, наблюдая за быстро сменявшимися за окнами пейзажами, я не сразу обратила внимание на то, что люди, сидящие позади меня, начали часто чихать. Оказывается, это пыль поднималась и всасывалась в кабину так, словно она была большим пылесосом. Мы с мужем сидели впереди, поэтому пыль до нас дошла не сразу. Но уже через пару минут я почувствовала, как в носу «свербит» и приложила к лицу смоченный в воде платок. Как хорошо, что мой предусмотрительный супруг взял с собой бутылку воды! Наше мученье длилось минут тридцать. Потом машина сбавила ход и въехала в посёлок, ограниченный шлагбаумом и стоящим рядом военным нарядом. Выйдя на улицу, я увидела вокруг старенькие домишки, дорогу, покрытую той же рулёжкой и высоченные деревья. А вокруг них парами гуляли большие птицы – курильские вороны. Они были не просто больше обычных воронов, пожалуй, даже собачка породы мопс или болонка могла бы потеряться среди этих птиц. Их клюв представлял собой мощный инструмент, которым они могли долбить даже толстую деревянную бочку. Но не это было их главной особенностью. Эти птицы обладали таким же свойством, как заморские попугаи – умели подражать голосам. И при этом их никто не учил повторять слова или интонации. Удивительный дар! За семь лет пребывания на Курилах я слышала, как птицы плакали, подражая ребёнку, проходящему мимо них и ревущему по причине поломки игрушки. А как мастерски вороны дразнили собак! Они расхаживали вокруг какой-нибудь из них, важно вытягивая шею, и произносили невероятное: «Мяу! Мяу!» Собаки крутили головами, виляли хвостами, бегали вокруг воронов, но никак не могли найти предполагаемых кошек. Потом одна из птиц начинала хохотать, да так, словно это делает сумасшедший человек. И вся стая принималась охать, ахать, гоготать и всячески показывать, какие глупые собаки. После этого вороны с шумом поднимались вверх. И уже с высоты доносился настоящий собачий лай. Это приводило оставшихся на земле собак в полное бешенство. Они прыгали и рычали, но ничего не могли поделать с улетевшими воронами. Я сама наблюдала

эту картину и смеялась над тем, как птицы дурили собак. А однажды увидела, как хитрые вороны разыграли настоящий грабёж среди бела дня. Одна птица остановилась возле женщины, в руках у которой была булочка. Другая, зайдя ей за спину, начала звать: «Мама! Мама!» И пока женщина, оборачивалась, встревоженная детским голоском, – а именно так он слышался! – другой ворон выхватил булку у женщины и полетел прочь. Случай совершенно невероятный! Ведь птицы должны были сообразить, как повернуть эту операцию, распределив между собой соответствующие роли. Да, в природе еще много загадок. И недаром мудрость человека сравнивают с аналогичным качеством птиц – совы и ворона. Я воочию убедилась, что «Курильский соловей», как окрестили местные жители эту птицу, обладает неисчерпаемым запасом хитростей и уловок, чтобы не остаться голодным. Но вот зачем дразнить собак? Неужели у воронов есть потребность показать своё превосходство? Да, тут есть, над чем подумать орнитологам.

* * *

В первый приезд на Горячий Пляж мы расположились в «приежке», за которой находился лечебно-профилактический комплекс с горячими ванночками. Эта достопримечательность помогает местным жителям как-то мириться с некоторыми бытовыми неудобствами. И правда, очень приятно погрузиться после рабочего дня в горячую природную воду, а потом окунуться в прохладный бассейн. Вокруг – тишина. По периметру высятся деревья, всё дышит спокойствием. И кажется, что цивилизации вообще не существует. Только этот уголок первозданной природы. А как красиво бывает зимой, когда сверху сыпется крупный снег, а ты сидишь в воде, от которой вверх поднимается пар. Красота! По японскому каналу я видела, как в таких же ванночках на островах, принадлежащих стране восходящего солнца, греются даже местные обезьяны. Природа очень щедра к человеку. Только он не всегда отвечает ей уважительным отношением. Когда мы впервые прибыли на Кунашир, то застали ещё и теплицы, в них выращивали овощи и цветы. Помещения обогревались местными горячими источниками. Проблема коммуналки могла быть решена за счёт использования природных ресурсов очень легко и изящно. Без лишних затрат. Но нужен был рачительный хозяин. А вот его-то, видимо, не нашлось. Уже к

середине девяностых годов прошлого века все теплицы развалились. Большие коровники, что обеспечивали парным молоком целый посёлок, также пришли в негодность. Гостиница с ванночками ещё как-то держалась за счёт приезжих и командировочных, готовых платить за природные удовольствия. Но местное население не очень-то стремилось обустроить быт, и уж тем более, как-то реконструировать гостиничный комплекс. В то время всем хотелось быстрых денег. Когда мы покидали Курилы в 1996 году, всё уже находилось в таком упадке, что невозможно было даже и сравнить с 1989 годом. Не знаю, как теперь, но последнее впечатление от Курил у меня осталось очень грустное.

* * *

Наш путь с приездом на Кунашир ещё не был окончен. Предстоял перелёт на вертолёте на Хабомаи. Конечная остановка была на острове Полонского. Конечно, он был назван не в честь поэта. И ничего поэтического там не было. Когда мы летели над океанским побережьем, остров показался просто малюсенькой пуговичкой на костюме бескрайнего Тихого океана. Представьте себе картину: из военного вертолёта прямо на песок выходит дамочка в сапогах на шпильке, широкополой шляпе и модном пальто. А вокруг – одна ржавая техника, брошенная строителями до лучших времен, которые, как известно, никогда не наступают, – экскаватор, трактор и грузовик. И вот мы тащимся мимо них с нашим многочисленным scarбом ещё с километр. А потом оказываемся перед огороженным высоким забором домом офицерского состава и пограничной заставой. Почему всё это было огорожено на безлюдном острове? Да потому что ветра тут такие, что сдувает прямо под этот самый забор. Даже если ты выходишь прогуляться до берега океана, важно поставить в известность часового, потому что могут возникнуть непредвиденные ситуации. Например, по острову ходит бык. Он почти дикий. И всё время норовит кого-нибудь поддеть своими рогами. Мне приходилось пару раз прятаться от него за брошенной техникой. И подолгу стоять там, ожидая помощи. И только моего мужа этот бык почему-то опасался. Уж не знаю, что этому предшествовало, но завидев Виктора, бык ревел во весь голос и галопом уносился прочь. Загадка разрешилась довольно скоро. Оказалось, что в первый раз противостояние быка и моего мужа было таким: они стояли друг напротив друга и долго «играли в гляделки», то есть

смотрели прямо в глаза друг другу. Бык, который в то время ещё был молоденьким, сдался первым, он громко заревел и убежал прочь, признавая первенство человека. Видимо, бык думает, что мы – это его стадо, а мой муж – его вожак, и в его отсутствие остальных людей он, бык, вправе гонять. Возможно, что логика животного совершенно иная. Но фактически так и было на практике. И это очередная курильская загадка, которую я не разгадала.

* * *

Когда мы расположились в квартире построенного недавно дома для офицеров и членов их семей, выяснилось, что из восьми квартир заселены всего три. Причём, женщины на острове, кроме меня, большую часть года отсутствовали. Какое-то время у нас была соседка с маленьким ребёнком, но через пару месяцев они уехали. И мне не оставалось ничего другого, как развлекаться печатанием на машинке, игрой на аккордеоне и в хорошую погоду прогулками по берегу океана. Когда мы летели на остров, кто-то из пассажиров вертолёта рассказывал, что на острове вода часто выбрасывает природные подарки – агат и сердолик. Но солдаты на заставе рассказали мне о более ценных, с их точки зрения, дарах океана. После очередного шторма на берег выбрасывало столько интересных и полезных вещей и даже продуктов, что узкую полосу берега прозвали «отливторг». После отлива немногочисленные обитатели острова приходили на берег и собирали всё полезное, что приносили волны. Сейчас трудно сдержать улыбку, вспоминая об этом. Но в то время мы так жаждали увидеть среди банок кофе, пива, бутылок рома и бренди, пачек дрожжей и фотопленки в водонепроницаемых упаковках хоть одну пачку жевательной резинки! Глупо, да? Но солдатам-срочникам было по двадцать лет, мне – 22 года. А наше желание было сродни детскому ожиданию нового года. К тому же, психика человека, живущего на острове круглый год, совершенно меняется и сильно отличается от психики людей, живущих на большой земле. Так, перед отпуском ты мечтаешь о трёх вещах: выпить газировки, проехать на троллейбусе и пройтись по асфальту. Это, конечно, небольшое преувеличение, но оно выражает суть желаний островитянина, которому предстоит на короткий срок снова влиться в цивилизацию.

А про «отливторг» хочется добавить ещё несколько слов. Однажды океан преподнёс нам три

подарка – холодильник, два ящика копчёной колбасы и три бочки растительного масла. Поверьте, этого было вполне достаточно, чтобы осчастливить людей на какой-то период времени. Колбаса была съедена, холодильник осмотрен – в нём не оказалось морозильной камеры. А вот масло ещё долго служило всей заставе, так как завоз продуктов осуществлялся раз в год. Поэтому мы были очень рады неожиданному дару. Сколько баночек японского кофе принёс нам Тихий океан! Он словно знал, что у японцев не убудет, а нам это принесёт маленькое бытовое счастье. Почти у всех на острове была своя коллекция красивых и необычных бутылок. Они служили украшением в нашем скудном интерьере. Да и среди развлечений сходить на «отливторг» – самое приятное и желанное. С помощью найденного желатина, который не испортился в воде благодаря герметичной упаковке, мы готовили разные десерты. Собирали на малюсеньком островке, что располагался рядом с нашим, яйца чаек – большие и очень вкусные. Потом из белка приготавливали бёзе, пекли тортики, пирожные. Первый раз, попав на этот маленький кусочек суши, я совсем забыла об отливе и приливе. Насобирала целую корзину яиц и полюбовалась морем. Но когда захотела пройти по дну океана к берегу, наступил прилив. Пришлось плыть, проталкивая корзину с яйцами перед собой. Конечно, вода была холодная, но это неожиданное купание никак не сказалось на моем самочувствии – молодость и азарт сыграли свою роль. Ну не сидеть же на островке до утра в ожидании очередного отлива!

Ещё одним занятием, которому мы посвящали часть ночи, была охота с острогой на крабов. Подобно первобытным людям мы соорудили инструмент для ловли крабов и рыбы – палку с заостренным концом. При свете фонарей, привлекающих морских обитателей, приходилось охотиться на эту живность, потому что не хватало пищевого разнообразия. Свежие овощи, привезённые с материка, быстро заканчивались. В рационе большую часть года преобладали сушеные картошка и лук. Имелся яичный порошок и смесь для приготовления молока, чей противный вкус я никогда не забуду. В многочисленных жестяных банках стояли консервы – щи-борщи и тушёнка, от которых уже просто тошнило. Единственным утешением было сгущённое молоко, которого мой муж накопил несколько коробок, ведь ему к офицерскому пайку полагался дополнительный – «афганский». Сам Виктор сгущёнку не ел. Крас-

ную икру на острове Полонского не добывали, так как там не было рек. Поэтому за первые два года пребывания на Курилах я попробовала икру только один раз, когда знакомые нам передали литровую банку этого деликатеса. Позже, переехав на Кунашир, я сама научилась готовить её. А пока приходилось довольствоваться крабами, добываемыми собственноручно.

* * *

А еще на острове росли красивые белые цветы, чем-то напоминающие обычные каллы. Прогуливаясь перед отъездом в отпуск по острову, мы с мужем нарвали большой букет этих цветов. У них был приторный запах, но это нас не смутило. Букет поставили в спальне. Утром вертолётом предстояло добираться до Кунашира и далее – через Сахалин до Москвы. Мысли были заняты предстоящим путешествием. Мы и не заметили, как через некоторое время у каждого из нас разболелась голова, да так, что трудно было встать с кровати. Усилием воли мужу удалось подняться, когда в дверь постучал начальник заставы. Он пришёл что-то передать в дорогу и застал нас уже на стадии, когда организм был отравлен коварными цветами. Да, обманчивая курильская красота оказалась очередной приманкой для неопытных людей. Вот как важно быть осведомлённым о тех местах, куда ты отправляешься жить. Даже маленькие мушки на Курилах могут навредить большому человеку. Например, есть такое насекомое – «белоножка», которое откладывает под кожей ног человека свои личинки. Те выедают плоть до тех пор, пока врач не вырежет их вместе с нею. На всю жизнь остаётся шрам. В курильских лесах растёт неприметное растение, в народе именуемое «ипритка». Его прикосновение подобно ожогу, который надолго отваживает человека от прогулки по лесу. Поэтому одеваться там следует так, чтобы защитить всё тело. Вот такие загадки готовят Курилы неопытным людям. На островах характер человека подвергается такой проверке, пройдя которую ты уже по-другому смотришь на многие бытовые вещи. И качества, которые теперь ты будешь ставить на первое место, кардинально отличаются от тех, что ценят на большой земле. В первую очередь, приходит понимание, что жизнь человека может закончиться так быстро и нелепо, что лучше бы ценить каждое её мгновение. Ведь оно может оказаться последним в самый неожиданный момент.

БУДУЩЕЕ БИОЛОГИИ — В НАДЕЖНЫХ РУКАХ!

Чтобы немного поправить своё финансовое положение, некий студент, назовём его Сергеем, решил съездить на край страны за красной икрой. А заодно сделать гербарий из местных растений, который нужен был ему в университете для зачёта по практике. Дело было в период, когда старая страна уже умерла, а новая хоть и родилась, но ещё не вполне повзрослела. Расстояния от одного края государства до другого – огромные, а значит, и инерционные процессы слишком сильны. То, что в Москве состоялось как закон, до Курил пока не дошло. Но всё же пограничный режим по-прежнему сохранялся. И вот, получив документы, дающие право на въезд в пограничную зону, студент вместе с родственниками, проживающими в то время на острове Кунашир, отправился в длинное путешествие. Предстоял восьмичасовой перелёт из Москвы до Южно-Сахалинска, затем – малой авиацией до Кунашира. Под крылом самолёта осталось, как в песне поётся, «море тайги», Охотское море и Тихий океан. А какие звучные названия были у проливов, вулканов, мысов и прочих географических объектов, связанных с островом: проливы Екатерины и Измены, вулканы Менделеева, Головнина, Тятя (отец-гора), Руруй, мыс Столбчатый, хребет Докучаева, озёра Кипящее и Горячее. Просто песня, а не названия! Читая в атласе эти слова, студент Сергей предвкушал встречу с новым для него миром, который в его мыслях напоминал загадочную землю Санникова или фантастическую страну из романа академика Обручева. Воображение рисовало не только картины первозданной природы, но и несметные богатства, среди которых на августовском солнышке переливалась чешуёй, словно миллионами желанных золотых и серебряных монеток, рыба кета. Она двигалась на нерест узкими дорожками маленьких островных речушек. Эта рыбка должна была принести студенту желанную прибавку к стипендии. Конечно, процесс добычи рыбы и, уж тем более, засолки икры – это пока из области неизученных загадок. Но ведь родственники знают рецепт, а этого, как считал наш герой, вполне достаточно. Беспечность всегда идёт об руку с двадцатилетием. Поэтому Сергей посчитал, что лучше уж внимательнее присмотреться к местному ландшафту и растительности, чем ломать голову несвоевременными задачами.

А посмотреть на острове Кунашир есть на что. Вот, к примеру, простой лопух. Растение, ничем не примечательное в европейской части страны. А здесь оно похоже на уши гигантского слона. Под одним таким лопушком можно спрятать овчарку вместе с пограничником. Или вот взять бамбук. Все привыкли, что удочки для рыбалки сделаны из бамбуковых палок. Известно, растёт это растение высоким и крепким. Но будущий биолог Сергей и не представлял себе, как молодые побеги бамбука становятся пищей. Местный народ, оказывается, научился их мариновать и подавать к шашлычку. Но самым поразительным открытием стал папоротник. Сергей никогда бы не подумал, что он съедобен! Дома папоротник растёт в цветочном горшке, даже не цветёт никогда. И мысли приготовить блюдо из комнатного растения не возникало. А вот на острове удалось попробовать маринованный папоротник. Да, в любой местности есть свои собственные рецепты необычных для другого региона блюд. То, что растёт в Европе, не растёт на Курилах. И наоборот. Сейчас, в августе, конечно, поздно готовить папоротник. Его заготавливают в конце мая, пока зелёные листья не начали раскрываться в полную ширину. В общем, с точки зрения биологии на острове настоящий простор для новых личных открытий, а значит, гербарий должен получиться отменный.

С этими мыслями наш студент и прибыл к месту проживания. Ему предстояло прожить целый месяц на пограничной заставе, расположенной далеко от населённых пунктов. Не будем раскрывать тайну, сколько человек находилось в это время на службе, скажем лишь, что их было достаточно для выполнения задач, поставленных командирами, а также иных нужд. В распоряжении заставы было большое подсобное хозяйство. Наряду с табуном лошадей и стадом коров, солдаты ухаживали за свинками. А они были особенной масти – покрыты узором из чёрно-розовых пятен, напоминающим военный камуфляж. Поэтому их попросту называли «камуфлированными свиньями». Студенту-биологу такие представители семейства нежвачных парнокопытных доселе не были известны. Он с азартом бегал за свиньями, пытаясь сфотографироваться на их фоне. Но местные Хавронии никак не хотели позировать, постоянно портя кадр за кадром. В то время не было ни сотовых телефонов, ни даже фотоаппаратов мгновенной съёмки типа полароид. Поэтому каждый кадр, сделанный впустую на советский фотоаппарат «Зенит»,

сопровождался выразительным вздохом и неприличными словами в адрес бестолковых свиней. Зато какими шикарными получились фотографии студента, позирующего на коне! Вот умные животные, лошади, с первого кадра показали своё превосходство над «приземлённым свинством», как выразился начальник заставы. Для Сергея, который ещё не служил в армии, эта сторона жизни заставы открывалась неожиданно и красиво: оказывается, здесь замечательно служить, потому что ты можешь не только нести службу, но и общаться с природой, с животными. К тому же, всё как в поговорке: подальше от начальства, поближе к кухне. И питание прекрасное. Ежедневно из подсобного хозяйства несут в пищеблок молоко, из него можно сепарировать сливки, приготовить кефир, творог. С мясом тоже нет проблем. Если повезёт, в выходной на отливе соберёшь не только морскую капусту, но и мидий с ракушками. Рыбаки, промысляющие в разрешённых местах, всегда угощают заставских чилимами – так называют здесь креветки. А ещё есть настоящая русская баня, прямо на берегу моря-океана. В общем, в представлении студента, солдаты попали в настоящий армейский рай, где с августа могли лакомиться красной рыбой и икрой.

Удивительное дело: приехав скромным студентом, через неделю-другую Сергей так разохотился ездить на лошадях, ходить за местной флорой и париться в баньке, что начал воспринимать себя в качестве пусть маленького, но начальника. И не мудрено! Ведь солдаты по первому же требованию старались угодить родственнику начальника заставы – кто из уважения, а кто из лести. Всё подчинение относилось, разумеется, к личности начальника, незримо стоящего за спиной временного гостя заставы. Но по наивности юноша воспринимал это как должное. И уже к началу сезона засолки икры чувствовал себя по отношению к личному составу как старослужащий или даже прапорщик, отдавая командным голосом разные распоряжения. Поначалу все слегка посмеивались над этой манерой поведения, но со временем поняли, что студент воспринимает всё всерьёз. И тогда у кого-то возникла идея его проучить. Для этого подвернулся подходящий повод: нужно было отправляться на другую заставу, где по реке шла на нерест красная рыба. Студент воспринял с восторгом известие о поездке, предвкушая приключение. И оно не заставило себя долго ждать. Но совершенно не было похоже на ожидаемое.

Группа в составе пяти человек с рыбацкими

принадлежностями, утварью для засолки икры и рыбы, продуктами, приготовленными на несколько дней автономной жизни вдали от заставы, отправилась на гусеничной машине в дорогу. Надо сказать, что машина была очень старая и имела одну проблему – часто выходил из строя специальный ремень, без которого невозможно было дальше двигаться. Водитель, парень опытный, срок службы которого подходил к концу, всегда имел несколько запасных деталей, в том числе и ремень. Но перед поездкой получил чёткую инструкцию «заглохнуть в нужном месте». Все участники экспедиции, кроме Сергея, разумеется, были в курсе дела. Поэтому весело ждали развлечения, которых на заставе всегда мало. Проехав несколько километров быстрым ходом по отливу, машина пересекла несколько впадавших в океан речушек. Какой же восторг вызвало у студента пересечение на гусеничной плавучей машине этих водных препятствий! Действительно, со стороны человека, привыкшего пересекать речку на лодке или корабле, сделать это на машине – из рода фантастики. К тому же, все разделяли его восторг, впрочем, каждый предвкушал будущее разочарование. И вот вдали уже показалась более широкая речушка, посередине которой машина как раз и заглохла. Время клонилось к обеду, когда из транспорта все попрыгали прямо в прохладную воду. По неопытности студент не взял с собой сменной пары одежды. И потому после того, как все дружно вытолкали машину на берег, вымокнув и устав, и начав переодеваться, Сергей в растерянности смотрел на свой вещмешок и лихорадочно соображал, что же ему теперь делать. Товарищи по несчастью посоветовали раздеться до нижнего белья и собирать по берегу деревянные и ветки для костра. Между собой «заговорщики» посмеивались, но и виду не подавали, что взяли для студента запасное бельё. Мол, пусть немного позакаляется, спесь-то быстро сойдёт. А сами быстренько переоделись и стали разводить в удобном месте костерок. Как оказалось, продукты немного промокли, нетронутыми водой оставались только тушёнка и сгущёнка. Когда взрослые увидели, что Сергей слегка продрог, «вспомнили» о запасной паре одежды. Потом дружно ели разогретую на костре тушёнку и пили чай со сгущёнкой. На свежем воздухе это было очень аппетитно, тем более, что от костра шёл такой приятный аромат – в него положили хвойных веточек. Тщательно загасив костёр, убрав за собой, маленький отряд двинулся дальше. Как-то незаметно время по-

дошло к закату, до пункта прибытия оставались считанные минуты. Наш студент снова повеселел, хотя и не был таким бодрым, как утром. Прибыв на место, рыбаки устроили небольшой лагерь. Сергей думал, что сейчас все отправятся на ночлег, но не тут-то было: впереди предстояла ночная рыбалка. Снова повеселевшие старшие товарищи подбадривали Сергея словами: «Не спи, студент, замёрзнешь! Ночная рыбалка – самое интересное время суток!» Возле машины оставили только водителя. Остальным нужно было идти до ближайшей речки пешком несколько километров. Дорога шла через лес. В темноте светили себе фонариками, от которых по сторонам вместе с людьми двигались огромные тени, похожие на уродливых страшилищ. Поначалу все смеялись, шутили и балагурили. Но уже через час настроение сменилось более спокойным состоянием. Сергею хотелось всё сильнее и сильнее спать. Время-то было за полночь, а смена часовых поясов ещё давала о себе знать. И вдруг где-то впереди, совсем рядом, раздался пронзительный вой. Группа рыбаков остановилась. Студент прошептал: «Это что, волк?» Старшина с заставы спокойно ответил: «Да нет, не волк». – «А кто же тогда», – тревожно спросил студент. «Волки!» – резко ответил старшина и едва сдержался, чтобы не засмеяться. Другие рыбаки молчали. В этот момент за деревьями снова прозвучал громкий вой. Студент предложил всем вернуться к машине и переждать там, пока эта волчья стая уйдёт подальше. И тут всех прорвало от смеха. Он прозвучал посреди ночи, словно залп из нескольких пушек – внезапно и громко. Ошарашенный студент ничего не понимал: «Да тише вы, у нас же нет ружья!» Но мужчины начали смеяться ещё сильнее и уже просто сотрясались от смеха, когда Сергей предложил что-нибудь поджечь, ведь волки боятся огня. А после того, как он добавил для солидности: «Это я вам как будущий биолог говорю!» – начальник заставы сквозь слёзы, выступившие из-за сильного хохота, крикнул в темноту: «Ну всё, водила, выходи! Наигрались уже». Из-за деревьев показалась фигура водителя машины, который окольными тропами вышел вперёд группы и пытался имитировать вой волка. В этом-то и состоял розыгрыш, приготовленный для студента. Может быть, со стороны это покажется глупым, но, как ни странно, Сергей не только не обиделся, но и сделал выводы.

И лишь ещё один раз он позволил себе командный тон – перед отплытием с Кунашира. Набрал в

две большие сумки типа «мечта оккупанта» солёной рыбы и икры, Сергей, забыв про огромный гербарий, собранный из местных растений, никак не справлялся со своей ношей. Но не бросать же добро! И тогда, включив по старой привычке командный голос, студент быстро нашёл себе помощников не только среди солдат, но и одного офицера. Введённый в заблуждение словами «о небольшом одолжении не в службу, а в дружбу», офицер, отбывающий в отпуск и пребывавший по этому случаю в приподнятом настроении, никак не ожидал, что у порога дома стоят неподъёмные сумки. Ещё долго потом вся застава обсуждала, как по пирсу, прямо до плашкоута, несколько солдат и офицер тащили огромные сумки. А позади них вальжной походкой шёл студент – будущий биолог. Рассказывая эту историю, заставские ребята частенько что-нибудь новенькое прибавляли к сюжету, но заканчивали её всегда одной фразой: «Мы теперь уверены, будущее биологии – в надёжных руках!»

КУНАШИРСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Наверное, нет в нашей стране человека, который бы не слышал о проблеме Курильских островов. Для россиян они – южные Курилы. А для японской стороны – так называемые «северные территории». Конечно, проблемам принадлежности части суши тому или иному государству всегда есть место в истории взаимоотношения стран. Они находятся в разделе «Спорные территории». Особенно, когда эти вопросы – наследие войн. Как известно из исторических документов, после окончания Второй мировой войны все острова Малой Курильской гряды отошли Советскому Союзу. Но принадлежность островов Кунашир, Итуруп, Шикотан и группы мелких островков под общим названием Хабомаи оспаривается Японией и по сей день. Россия, правопреемница СССР, не признает даже существования спорных территорий, тем самым утверждая принадлежность Южных Курил именно ей. Если быть исторически точными и опираться на факты, то следует вспомнить, что после объявления Советским Союзом войны Японии 8 августа 1945 года, войска Красной Армии в августе-сентябре в ходе Курильской десантной операции заняли Южные Курилы. Это и было капитуляцией японских во-

йск, в ходе которой гарнизонами Красной Армии были заняты Шикотан и другие острова. Задолго до этого факта в Каирской декларации от 27 ноября 1943 года указывалось, что цель союзных держав (США, Великобритании и Китая) заключается в том, чтобы лишить Японию всех островов в Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала Первой мировой войны. Позже это положение было подтверждено 26 июля 1945 года на Потсдамской конференции. Об этом было сказано, что условия Каирской декларации будут выполнены, а японский суверенитет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и более мелкими, которые укажут Японии союзники. Там не было никакого упоминания об островах Южной Курильской гряды. Таким образом, исторически сложилось нынешнее положение, которое не устраивает японскую сторону, фактически не признающую итоги Второй мировой войны.

Из-за разногласий по Курильскому вопросу между Российской Федерацией и Японией до сих пор нет мирного договора. Как это ни странно, на торговлю между странами и обменом туристами это не сильно влияет. Начиная с 1992 года между Россией и Японией на основании межправительственной договоренности для улучшения взаимопонимания народов обеих стран, а также продвижения в вопросе заключения мирного договора, был введён безвизовый режим посещения туристами и бизнесменами обеих сторон. Как раз в период начала таких поездок я проходила службу в пограничных войсках на острове Кунашир. И по роду деятельности присутствовала на мероприятиях, когда осуществлялся обмен безвизовыми делегациями между нашими странами. Не буду вдаваться в подробности политического характера – это не дело простого человека, расскажу, как всё это выглядело на бытовом уровне. Делегация с российской стороны состояла, в основном, из жителей Южно-Курильска. В её состав входили как рядовые граждане, так и сотрудники музеев, экологи, медицинские работники и другие категории населения. Больше половины делегации составляли женщины. Многие из них впервые выезжали за пределы своей страны и, конечно, они постарались показать себя перед японской стороной в лучшем свете. Так, как это они сами понимали. То есть дамы отправлялись в путь на корабль в лучших своих нарядах. А до судна их должен был доставить специальный плашкоут – ржавое плоское судёнышко, оставшееся в порту Южно-Ку-

рильска «чуть ли с царских времён». Картинка была еще та! Яркие платья местных модниц на фоне рыжих бортов судна, которое выводили в море качающиеся не только от морской качки матросы. Они сыпали шутками, прибаутками, подтрунивали над женщинами, пытающимися удержать свои юбки на суровом морском ветру. Вокруг – россыпь клетчатых сумок, знакомых каждому жителю нашей страны, как признак «челноков». И самое главное – отсутствие лестницы, по которой наши разодетые туристки должны были гордо подняться на борт ожидавшего их океанского лайнера. Вы спросите: «А куда же делась эта лестница?» Этот сакраментальный вопрос пассажирки и сами задавали много раз каждому матросу на судне. Ответ всегда был один: «Твою дивизию! Опять Михалыч забыл «струмент» на берегу! Ну что, бабоньки, будем делать с ним – за борт или поплывём назад?» И бедные женщины, во весь голос матеря непросыхающего со вчерашнего дня Михалыча, просили найти выход из положения, потому что дорог был каждый час. И тогда хитрый боцман, нарочито нахмутив брови, но улыбаясь в усы, для порядка ругал Михалыча на чём свет стоит, а сам тащил широкую доску и пытался прикрепить её с бортику плашкоута. На «Белом коралле» спокойно наблюдали эту картину уже в который раз, заранее зная, что наши женщины пройдут в туфлях на каблуках и по доске. Это когда они будут возвращаться назад, придётся примерно от середины доски – в зависимости от уровня качки – двум матросам ловить тех, кто будет спускаться с судна. Но об этом думать преждевременно. А пока женщины преодолевают трудности, которые возникли стараниями Михалыча. И у всех только одна мысль – быстрее успеть с оформлением документов.

Чтобы вы представили себе всю полноту картины, стоит упомянуть, что делегация туристов всегда отправляется морским путем. Крупные суда во время отлива не могут войти в гавань и ожидают пассажиров на рейде – в нескольких километрах от пирса. В то время пирс Южно-Курильска представлял собой жалкое зрелище. Потому что в девяностые годы прошлого века никто особенно не занимался его ремонтом, а в 1994 году произошло страшное событие – землетрясение с последующим цунами.

Перенесёмся мысленно ненадолго в 1994 год, когда в ночь с 4 на 5 октября произошло сильнейшее землетрясение амплитудой колебания около 9 баллов по шкале Рихтера на Шикотане, 8–9 бал-

лов на Кунашире. Его эпицентр находился в 120 км к юго-востоку от Шикотана. Для жителей островов это было страшным явлением, потому что никуда невозможно убежать, да и не успеешь этого сделать. Геологи давно предупреждали, что тектонические плиты, на стыке которых находятся острова, постоянно пребывают в движении. А это несёт угрозу их сдвига с последующим землетрясением. Но никто после развала Советского Союза всерьёз не занимался этой проблемой, любые прогнозы воспринимались просто как сказка. Люди были заняты добычей рыбы, икры, обустройством быта. Кто-то мечтал по дешёвке прикупить японскую технику, машину, перевезти её на материк. Да и не было научных кадров, лабораторий и станций сейсмического наблюдения со специалистами. Все это ушло вместе с СССР в историческое прошлое. Формально сейсмическая станция, конечно, существовала. Но кто же её воспринимал всерьёз? Жители ориентировались больше на запах, исходящий из жерла вулканов Тятя и Менделеево. Дорога от Южно-Курильска до посёлка Головинно была только одна. Если начинало вонять тухлыми яйцами, народ знал, что опасность реальна. И вы думаете, что хоть как-то кто-либо действовал? Нет, дальше бытовых разговоров дело не шло. Поэтому неудивительно, что к неприятному сюрпризу природной стихии люди оказались не готовы. У каждого этот момент наступил по-разному. У меня встреча с природным явлением отдавала мистикой, словно судьба в очередной раз играла в игру «верю-не верю». Накануне землетрясения приснился сон: приходит ко мне моя покойная бабушка и говорит, мол, скоро случится «трясение», но ты не пострадаешь, если не отпустишь своего мужа на заставу. Она так и сказала, как говорила в жизни – «трясение», потому что в Кишинёве мы не раз переживали землетрясения. Однажды, когда амплитуда дошла до 8 баллов, бабушка упала с кровати – такой был подземный толчок. Помнится, она потом встала и долго не могла поверить, что это не мы, её внуки, раскачивали кровать, решив подшутить над ней. С тех пор мы пережили не одно землетрясение, а на седьмом этаже амплитуда колебаний всегда большая, но ни разу никто из нашей семьи не паниковал. Так что к 1994 году я уже пережила несколько крупных землетрясений и знала, что следует бежать «под косяк», то есть встать в дверной проём. Иначе может завалиться, если будут рушиться стены. И вот, припомнив свой сон, я попросила мужа, который в это время должен был идти пеш-

ком на заставу, не делать этого. Слава Богу, у него был выбор – либо пойти утром, либо вечером. Он остался дома до утра. А ночью – кааак шарахнуло! Вернее, сначала громко мычали все коровы в округе, затем крысы и кошки стали выбегать из домов. Удивительно, что собаки вообще никак не реагировали. Наверное, они не обладают сверхчувствительностью по отношению к землетрясению. Потом загудела земля. Гул был такой, словно взлетала эскадрилья самолётов. Мы с мужем еще не спали, обсуждая текущие дела. И это во многом нам помогло. Имея кишинёвский опыт с землетрясениями, я сразу вскочила, как только услышала гул. Муж успел вбежать в комнату дочери и взять сонного ребенка на руки, они встали в ближайший дверной проём. Я встала в другом проёме, потому что выйти на улицу уже было невозможно: так быстро всё начало трястись и перекашиваться. С грохотом упали металлические батареи, их просто сорвало с места. За шумом мы не услышали, как рухнули стены у соседей. У нас, правда, после пожара разбиваться было нечему. Но и это не радовало. Трясло в несколько приёмов и довольно долго. Позже мы узнали, что на соседнем острове Шикотан погибло 14 человек, был разрушен жилой фонд, госпиталь и многие постройки. Дома просто вырывало с фундамента, поднимало порывом ураганного ветра вверх и снова опускало на землю. Даже на Кунашире, который пострадал гораздо меньше от стихии, был дом, рухнувший далеко от места своего первоначального пребывания. Он стоял там какое-то время и после землетрясения, получив название «летающий домик Элли». Я помню, что благодаря усилиям мэра Южно-Курильского района Николая Покидина, удалось оповестить население о приближающемся цунами даже при отключении телефонной связи. Помогли в этом, конечно, наши пограничники. Удалось избежать паники. Люди помогали друг другу, как могли. В зоне бедствия оказалось примерно 22 тысячи человек. Потом об этом сочинили песню и сняли документальный фильм. Но тогда события для нас развивались так: после длинных толчков наступила пауза, мы смогли выбраться из дома. Муж так сильно упирался в стенку, чтобы не уронить ребенка, что обе ноги были в крови. Вот такими сильными оказались содрогания земли в момент землетрясения. Как человек военный, мой муж должен был оставить семью и отправиться в комендатуру, что он и сделал. В критической ситуации алгоритм действий был давно известен, на островах об этом все знали.

И каждый делал то, что ему было предписано в этом случае. Конечно, были и исключения. Так, один молодой мужчина напугался, что погибнет. И не нашел другого способа избавиться от страха, как напиться до бессознательного состояния, бросив беременную супругу на произвол судьбы. А сам сутки провалялся в каком-то сарае. Но, насколько мне известно, это был единственный случай трусости.

Как в любой жизненной ситуации, трагические и смешные события могут происходить параллельно. Так, накануне землетрясения в посёлке Головнино гуляли свадьбу. Народ повеселился от души. Кто-то из гостей заснул на свежем воздухе неподалёку от дома. Проснувшись утром, этот мужичок решил опохмелиться и пошёл по дороге к сватьям. И тут он увидел, что дом, возле которого он прикорнул на ночь, стоит полуразвалившийся. Со страху, что это мог сделать он, мужик побежал домой. А по дороге увидел, что все печки у соседей рухнули. И тогда он испугался не на шутку, потому что слыл буяном и силачом. Он решил, что в хмельном угаре опять что-то не поделил с шурином, как это бывало уже не раз, и, выражаясь его же языком, «посносил бошки печкам». Придя домой и узнав истинную причину разрушений, мужик вздохнув свободно – наверное, в тот день это был единственный случай, когда человек не жалел о стихии. Просто так ему было проще себя оправдать.

Мне же было не до смеха. Сначала нас с дочкой посадили в машину и вместе с другими женщинами и детьми повезли подальше от района предполагаемого цунами. По дороге пограничники получили информацию, что большой волны на Кунашире не будет, и нас повезли обратно. Мы с деткой сидели в коридоре дома, а небеса будто разверзлись, как в дни великого потопа. Дождь стоял стеной. И заливало буквально всё. Стул, на котором мы сидели, упираясь ногами в стену, грозил превратиться в поплавок. Вода была холодная и противная, но неизвестность – гораздо хуже. Я понятия не имела, где мой муж и что с нами теперь будет. Через какое-то время дождь прекратился. У нас появилась возможность выйти на улицу. Люди старались подбодрить друг друга и помочь вещами, едой, тёплыми одеялами. Быстро собирались тревожные сумки – с документами, лекарствами и продуктами. Многие люди боялись возвращаться в свои полуразрушенные жилища. В нашем доме потолок превратился в решето, но над кроватью не текло, поэтому я решила, что не мешает не-

много поспать. Засыпала с мыслью, что от судьбы не уйдешь, поэтому провалилась в сон сразу же. Дочка уснула ещё раньше. Она вообще не совсем поняла, что происходило. В итоге, через несколько дней люди привыкли к чуткому сну, неудобства уже не казались таковыми. Жизнь потихоньку налаживалась. Желających покинуть остров на самолете-амфибии включили в полётный лист на ближайшие дни. Жёны военнослужащих тоже могли воспользоваться этой возможностью и уехать домой. Но я осталась с мужем. В этом тоже был знак судьбы. Потому что самолёт с эвакуированными гражданами разбился. Трагедия унесла больше жизней, чем само землетрясение. Хотя вряд ли на большой земле о ней знали подробности. И уж точно ничего не сообщалось в центральной прессе. Жизнь очень странная! В разбившемся самолёте находились почти все члены одной многодетной семьи, только старый дед остался на острове. Именно он и выжил. Все погибли. Да, как говорила моя бабушка, судьбу не обьедешь, не объедешь. Как оказалось, от неё никуда не улетишь. И если кому-то суждено остаться в живых, значит, так тому и быть. И это ещё один жизненный урок от Курил.

«ИПРИТКА», «КЛОПОВКА» И ДРУГИЕ

Когда ты привыкаешь к новой среде обитания, появляется интерес к тому, что тебя окружает изо дня в день. С удивлением обнаруживаешь, что вокруг произрастает, бегаёт, плавает и летает великое множество таких курильских «достопримечательностей», что только успевай спрашивать о них местное население. С каждым днем я открывала для себя какой-то новый вид растений или животных, птиц или морских обитателей. Вспоминается мой первый выезд за пределы посёлка Горячий Пляж. По единственной не заасфальтированной, но очень хорошо утрамбованной дороге мы выехали на военном УАЗике в сторону посёлка Южно-Курильск. Это была примерно часовая поездка с одной остановкой. С обеих сторон дороги стеной стоял смешанный лес. Я обратила внимание на то, что прямо на деревьях росло нечто мохнатое, похожее на густую паутину. Разглядеть подробнее в тот раз не удалось. Зато позже, побывав на острове Шикотан, я не только увидела это чудо природы, но и потрогала его руками. Оказа-

лось, что это такой вид мха. Он свисает с деревьев и создает иллюзию сказочного царства. На самом же деле именно этот мох может поведать человеку о том, что в местах его произрастания экология находится в отличном состоянии, ведь стоит только ей ухудшиться, как мох сразу реагирует. Он попросту умирает, как человек, попавший на облучённую территорию: опасности не видит и не чувствует ничего, а организм умирает.

Когда мы остановились на привал, бывалые курильчане меня сразу предупредили не уходить далеко в лес. Я поинтересовалась, разве здесь днем ходят медведи? Мне терпеливо объяснили, что медведи, конечно, есть, но не в них сейчас дело. Есть другая, гораздо более реальная опасность. Я удивилась – не о ядовитых ли змеях речь? И снова получила отрицательный ответ. Нет, ядовитых змей здесь трудно найти, ходит легенда, что когда-то аборигены островов высадили ядовитое растение, сок которого отравил всех опасных змей. Может быть, этого и не было, но настоящая угроза для человека исходит именно от этого растения. Японцы его называют сумах дальневосточный, а местное население прозвало «иприткой». В период цветения оно выделяет яд, действующий так же, как газ иприт – вызывает на коже сильные ожоги. После знакомства с «иприткой» я постаралась как можно больше узнать о флоре и фауне острова, хотя бы для того, чтобы не попасть впросак. Ведь жизнь на отдалённых территориях учит человека нести большую личную ответственность, чем в большом городе, где помощь можно получить быстрее и надёжнее. Жителям Курил приходится самим заботиться о том, чтобы не попасть в неприятную ситуацию и максимально избегать опасности, которая таится в дикой природе. Именно здесь, на Кунашире, я увидела растения, которые раньше были для меня лишь картинками в учебнике биологии. Однажды мы с мужем отправились в лес за ягодами. Но собирали не знакомую каждому ребёнку землянику или ежевику, а местную актинидию. Она представляет собой лиану, обвивающую деревья. Плоды у нее зеленовато-серого цвета, в зависимости от степени их зрелости. Внутри они зелёные. Пахнут так, словно ты ешь клубнику и банан одновременно.

Очистив от тонкой кожицы ягоды, нужно их смешать миксером с сахаром. И получается на вид довольно непривлекательная, похожая на болотную тину, масса. Но, поверьте, стоит вам ее попробовать, и, как говорится, вас за уши не оторвать от

этого лакомства. Помнится, когда на заставу приезжали гости, мы их угощали этим блюдом, и всегда оно заканчивалось быстрее, чем кто-то успевал выпить чашку чая. А японцы употребляют в пищу даже листья актинидии, смешав их с соевым соусом. Из стеблей этого растения можно сварить клей, а в подходящих условиях даже изготовить бумагу-кальку. Если измельчить кору актинидии и смешать ее с древесной золой, получится масса, напоминающая стержень для карандаша. Я слышала, что так делали до промышленного изготовления карандашей. В самой же ягоде так много витамина С, что в медицине оно считается одним из успешных средств борьбы с цингой. Много позже, на материке, я увидела в магазине плод фейхоа. Продавцы утверждали, что это спелая актинидия. Но разница между курильской ягодой и купленной в магазине была такой, как между выращенным на своем огороде помидором и голландским, купленным в супермаркете. Нигде мне больше не удалось отведать лакомство из актинидии, хотя бы отдаленно похожее на то, что я приготавливала на Кунашире. Между прочим, распространенный у нас теперь плод киви, по своему происхождению также является разновидностью актинидии.

Другой интересный вид растений, произрастающий на Кунашире, это лимонник. И тоже дальневосточный или китайский. Увидев его издали, я посчитала, что это такой особенный виноград. Подойдя ближе, поняла, что листья вообще не похожи на виноградные. Но ярко-красные грозди напоминают кишмиш. Они пахнут, действительно, кисло-сладко, может, потому и назвали растение лимонником. Растут на кустарниках, образующих настоящие заросли, просто курильские джунгли, сквозь которые не пробраться. С одного такого ягодного местечка можно набрать ведро лимонника в течение получаса. И тут встает вопрос: а что мне с этим всем богатством делать? Конечно, я понятия не имела о свойствах растения и уж тем более о рецептах его приготовления. В связи с этим вспоминается забавная история, которая произошла в 1993 году. Один офицер, прослуживший целый год на Кунашире, и, как это часто бывает, считавший себя уже знатоком местных растений, посоветовал приготовить вино из лимонника. Но то ли забыл, то ли не до конца проработал этот рецепт, но опустил важную деталь – кипячение сока. Лимонника мы собрали несколько ведер, так что сока получилось много. Смешали с сахаром и разлили по бутылкам. Поскольку бу-

тылки были собраны на «отливторге», (так мы называли морское побережье, куда выбрасывало смытые в Японии вещи, в том числе и очень красивые, фигурные бутылки) то разлитое в них молодое вино из лимонника представляло собой приятное для глаз зрелище. Полюбовавшись на свою работу, мы с мужем переставили бутылки в закрытый ящик, чтобы в темном месте вино дошло до готовности. День закончился с хорошим настроением в предвкушении скорых плодов своего труда. Но ночью мы вскочили из-за громких выстрелов, казалось, рядом стреляют из маленькой пушки. Причем, выстрелы шли один за другим. Лихорадочно одевшись, мы пошли на звук. Дойдя до кухни, обнаружили большую красную лужу, а из ящика раздался грохот последнего взрыва. Так мы потеряли весь запас сока из лимонника, обещавшего стать вином. А на деле получилась адская смесь, которая могла бы причинить кому-то вред, не будь ящик сколочен из широких натуральных деревяшек и плотно закрыт. Так мы поняли, что виноделов из нас не получится, а с местными растениями нужно быть очень аккуратными. И лучше бы избегать всяких экспериментов. Хорошо, что никто не пострадал.

Прожив пару лет на Кунашире, мы всё-таки научились изготавливать из лимонника вкусный напиток, который обязательно кипятили перед тем, как разлить в бутылки. Употребляли его исключительно в медицинских целях, потому что лимонник – прекрасное средство, поддерживающее иммунитет человека. Им также лечат гипотонию, цингу, различные нервные заболевания. На Сахалине я видела в аптеке спиртовую настойку лимонника, которую рекомендуют для укрепления мышц. На Курилах местные жители верят, что после приема сухих ягод лимонника в определенных пропорциях может сильно обостриться слух и зрение. Поэтому, отправляясь на охоту, некоторые наши знакомые обязательно употребляли эти ягоды. Не берусь судить, помогают ли они на самом деле, но люди в это верят.

Среди всех известных мне растений Кунашира больше всего запомнилась «клоповка». На самом деле оно называется красника. Расскажу о своем знакомстве с этой ягодой. Както у нас с мужем не совпал отпуск, я поехала к родителям, а он остался на острове. Как раз пришло время сбора ягод. И вот, зная, что у моей родственницы повышенное давление, муж прислал посылку с каким-то «чудотворным» вареньем из «клоповки». На вид ягодки были как ягодки – ничего особен-

---

ного. Но стоило только открыть банку, как кухня моментально наполнилась ни с чем не сравнимым противным запахом то ли помойки, то ли дихлофоса. Мы моментально прикрыли баночку и надолго забыли про целебную силу «клоповки». Мне, конечно, не знаком запах раздавленных клопов, но пожилые курильчане говорят, что аромат красники точно имитирует запах клопов. И всё же я попробовала варенье и сироп из «клоповки» чисто из экспериментальных побуждений. На вкус этот продукт довольно приятен, напоминает мягкую красную смородину, смешанную с малиной. Но запах, я вам скажу, – просто отвратный! Кстати, при регулярном его употреблении кровяное давление точно стабилизируется.

Самым полезным и совершенно не имеющим плохого запаха растением Курил я склонна считать аралию. Её корень мы подсушивали на печке, потом измельчали и добавляли в напиток. Его можно пить как настойку при простуде или просто в качестве общеукрепляющего средства. На материке настойка аралии продаётся как китайский женьшень. Не берусь судить об их идентичности, но курильская аралия цветет белыми мелкими цветками и даёт ярко-красные круглые ягодки, похожие на соцветие. Знатоки-травники выкапывают корни растения и используют их в лечебных целях. Собирают корни осенью, но не каждый корешок годится для медицинских манипуляций. Следует выкапывать корни только после пятого года жизни растения. И ещё почему-то считается, что корни нельзя мыть водой, а хранить их нужно также не более пяти лет. Иначе они теряют целебные свойства. Живя на Курилах, я узнала о тайной жизни экзотических растений гораздо больше, чем на уроках биологии в школе. И это мне пригодилось.

«БЕЛЫЙ КОРАЛЛ»

Он качался на волнах, словно корыто в местной обмелевшей речке, в котором малыши пытались прокатить свои игрушки. Но корыто было тяжёлым, и всё время норовило пойти ко дну. Ребятишки с визгом бегали по воде вокруг него и выталкивали с разных сторон тяжеленную посудину, чтобы она хоть немного ещё продержалась на плаву. Но их усилия были тщетны. И через мгновение корыто тонуло, унося в небольшой водоворот мишек, собачек и кукол. А малышня

только этого и ждала: подняв ещё больший шум, мальчишки и девчонки ныряли за своими игрушками, представляя, что они осуществляют спасательную операцию. Им было весело! Вытащив на берег спасённых из мелкой речушки зайчиков и прочую игрушечную братию, ребятня устремлялась спасать корыто. В конце концов, оно было выволочено на берег, а довольная небольшим приключением детвора улеглась рядом, переводя дыхание и подставляя мокрые тела под скудные солнечные лучи. Это была любимая курильская детская забава.

Впрочем, вернёмся к нашему «корыту». Именно так называли матросы с местного плашкоута небольшое японское судно с поэтическим названием «Белый коралл». На названии вся поэзия-то и заканчивалась, уступая узкий трап прозе жизни. Последняя, со свойственной прожившей долгий век даме беспристрастностью, констатировала людям, собравшимся на берегу, факт приближающейся швартовки малого морского судна с японскими туристами. Они прибыли в рамках соглашения о безвизовом режиме между администрацией Южно-Курильска и соседнего острова Хоккайдо.

И всё бы ничего, да только абсолютно белый, видимо, недавно выкрашенный кораблик с неизбежностью утреннего подъёма солнца на востоке, через пару минут должен будет удариться своим нарядным бортом о стенку причала, где кранцы, представляющие собой шины от легковушек, оторвало ещё на прошлой неделе. И унесло в море! А новые пока никто не озаботился прикрепить на пустое место. То ли времени не было у портовых работников, то ли, как это у нас обычно бывает, гром ещё не грянул.

На берегу потихоньку собирался народ. Пока там прохаживались только заинтересованные лица – пограничники, таможенники, представители санитарной и иных служб, начальник портовой смены, два служащих из местной администрации, встречающих своих японских коллег, да пара матросов с местного ржавого, но вполне дееспособного плашкоута. Последние находились в своём естественном состоянии, именуемом «подшофе», что, как ни странно, ничуть не влияло на их профессионализм. Градус настроения матросов находился на отметке повышенной самооценки и желания совершить подвиг.

Вот они-то пристальной других и наблюдали за приближением белого судна, перебрасываясь язвительными репликами:

– Ишь, вырядился!

– Покрасили, так уж покрасили! Дурачьё!

– Ничего, щааас кааак громыхнётся о наш причал, сразу примет товарный вид.

– Да нет, мужики, у япошек краска крутая – держится годами, они там на своих островах химичить насобачились.

– Вот и посмотрим, что круче – японская краска или суровый курильский причал! – этой фразой высокий рыжий мужик в камуфлированном старом бушлате решительно поставил жирную точку в дискуссии, как бы призывая всех замолчать и приготовиться к финалу «представления». А посмотреть было на что, ведь иностранные суда пришвартовывались к причалу ЮК (так местные жители кратко называют посёлок Южно-Курильск) пока довольно редко. В основном они проходили проверку на рейде. А тут ещё и туристы-иностранцы подогревали воображение местных жителей, не избалованных визитами с «большой земли». Первое прибытие «Белого коралла» на Кунашир, по местным меркам, – важное событие, что подтверждалось количеством людей, успевших в последние перед швартовкой минуты примчаться к пирсу на своих иномарках. За очень короткое время на дороге, ведущей к пирсу, образовалась длинная колонна из машин. Это любопытные жители посёлка, побросав повседневные дела, ехали на встречу с белым красавцем, сами не понимая, чего они ожидают от его прибытия. Некоторые восхищённо шептались, мол, надо же, как выглядит «японец»! И могут ведь быть суда не только ржавыми или грязно-синими с облупившейся местами краской, а такими белоснежными, что аж глаза слепит от их красоты!

Но уже через несколько минут толпа начала жить по своим законам: то есть она поддалась общему настроению. А оно требовало поскорее выяснить – сотрётся белая краска с борта японского судна при швартовке или нет. Особо азартные граждане тут же заключали пари. Начались яростные споры между курильчанами, разделившимися на две партии. Словом, зрители уже были готовы к предстоящему зрелищу. Между тем, до момента выяснения истины оставались считанные секунды. И понимающая это публика мгновенно притихла, словно кто-то невидимый дал команду замолчать. Все ждали развязки.

«Белый коралл» почти плавно приближался к пирсу. И тут, как это часто случается на море, в дело вмешалась стихия: очередная высокая волна так понесла судно, что оно со всего хода устремилось прямо на толпу. Конечно, не выскочило

бы на берег, но впечатление было такое, что именно это и произойдёт. Толпа в едином порыве сказала: «Аааахх!» И в этот самый момент «Белый коралл» шарахнулся о твердыню пирса. Раз, другой, третий! Волны, словно сорвавшиеся с цепи местные собаки, рвали чужое судёнышко в разные стороны. По палубе забегали японцы, пытаясь что-то сделать. Но что они могли? Кранцев-то не было! И вдруг, как фокусник достаёт из шляпы белого кролика, наши доблестные спорщики с плашкоута откуда-то вытащили несколько шин от «КАМА-За». Перекрикивая рёв волн, они проорали японцам какие-то свои морские словечки, сопровождая их жестикуляцией и непереводимым русским жаргоном, известным у всех племён и народов, и в короткий срок сумели протиснуть шины между пирсом и корабликом. Не представляю, как им удалось закрепить эту конструкцию, но через некоторое время «Белый коралл» перестал биться в швартовых судорогах и, покачиваясь на волнах, ждал, когда матросы перекинут на берег трап. Всё произошло так быстро, что выстроившиеся на палубе, как на парад, японские туристы, громко зааплодировали русским матросам. А те, нисколько не смущаясь, осмотрели борт судна, и рыжий мужик, повернувшись к толпе встречающих и просто глазающих сограждан, громко крикнул: «Ну что, все видели? Против лома нет приёма! Вот вам хвалёная японская краска. Наш-то пирс круче будет!» И он указал обеими руками на изуродованный борт японского судна.

Да, теперь белым оставалось только его название. В одну минуту разрушился миф о всемогущих японских химиках. И одновременно пошатнулась вера русского человека в то, что заграничные вещи – это непременно нечто лучшее, нежели отечественное. В знак одобрения собравшаяся на пирсе толпа громко захлопала в ладоши. Получилось так, словно местные жители тоже приветствуют туристов из Японии. Но рыжий мужик правильно понял – аплодисменты следует принять на свой счёт. И он слегка поклонился в сторону пирса. Все участники этой сцены остались довольны. Каждый по-своему! Впрочем, было ещё продолжение истории с «Белым кораллом». Позже, когда уже составили постоянное расписание для иностранных судов, и «Белый коралл» заходил в порт Южно-

Курильска регулярно, произошёл курьёзный случай. Как и положено, перед высадкой туристов на российский берег, судно проходило разные виды контроля – от пограничного до ветеринарного. Обычно рабочая группа всегда ждала на берегу

подходящий к пирсу корабль. Но в тот день была получена информация о приближавшемся шторме. Естественно, каждая минута была на особом счету. «Белый коралл» благополучно пришвартовался, но волны так его подбрасывали, что японские матросы не решались перебросить трап. С берега им кричали, торопили, даже материли. Ничего не помогало. Видно было, что японцы боялись спорить со стихией. Скорее всего, они просто считали неразумным это делать. А между тем, погода ухудшалась на глазах: пошёл мелкий колючий дождик, ветер затанул протяжную песню-ревунью, чайки пикировали в морские буруны, словно японские камикадзе, оглашая пронзительным криком порт. Люди на берегу начали нервничать ещё сильнее. И вдруг группа проверяющих решительно подступила к краю пирса. Капитан-пограничник, идущий первым, окликнул японцев и жестами показал, что нужно отойти подальше. Через секунду, не дав иностранцам времени «на подумать», мужчины и одна женщина вслед за капитаном перепрыгнули друг за другом на корабль, показывая отличную физическую подготовку, немного бравады и бесстрашия пополам с безрассудством.

Именно так бы это выглядело в глазах человека «с большой земли». Но для тех, кто пожил на Курилах какое-то время, подобные поступки не являлись ни геройством, ни бравадой. Это стало так же естественно, как задерживать дыхание, проезжая мимо действующего вулкана Тятя в посёлке Менделеево, источающего противный запах тухлых яиц. Японцы такого стиля никак не одобряли, хоть и восхищались им. Стоит отметить, что в упомянутый день оформление судна прошло очень быстро, а раззадоренные поступком российских пограничников японцы всё же сумели справиться со стихией. И наши служивые, окончив процедуру оформления корабля, спускались на пирс уже по широкому белому трапу.

А между тем, жизнь на Курилах продолжала каждый день испытывать людей на прочность. Этим она была хороша. Здесь человек узнавал меру своей души. Он должен был показывать собственную натуру такой, какой она была на самом деле – без прикрас. И он не мог прятаться за маской, которую каждый курильчанин откладывал до очередного отпуска и поездки на «большую землю». Такова была действительность на Курилах в девяностые годы двадцатого века. И, конечно, каждый видел её под собственным углом зрения. Передо мной она предстала именно в описываемом выше виде.

ЭЛЕКТРИЧКА ДО САХАЛИНА И ДЕСИНИЗАЦИЯ ВСЕЙ ЗАСТАВЫ

Иной раз в нашей жизни происходят события, придающие размеренной унылости бытия оттенок чёрного юмора. И ты, даже находясь в условиях почти средневекового быта, сначала удивляешься, потом немного смеёшься. А после – хочется плакать от человеческой глупости и малой образованности. Вот и этот случай из разряда «удивимся–посмеёмся–поплачем».

Он относится ко времени, когда мы жили на одной из застав на острове Кунашир. Поскольку она давно сгорела, я не выдам никакой государственной тайны её местонахождения. Уж если говорить об этой пресловутой тайне, вспоминается карта из разряда «недоступных для широкой публики», которая висела в кабинете начальника заставы за импровизированными шторками из старой ткани. Это для меня стало символом секрета Полишинеля.

Как известно, в любом закрытом воинском подразделении предусматриваются две жилые зоны: для проживания личного и офицерского состава. Наш старенький деревянный домик времен правления не то Хрущева, не то Булганина располагался напротив заставы. Если выйти на крыльцо, откроется вид на Тихий океан. С него и начинается каждый наш день. Мы наблюдаем за волнами и небом, пытаюсь прогнозировать погоду на ближайшее время. И, между прочим, ошибки бывают не чаще, чем у Гидрометцентра в Москве. На Курилах каждый человек быстро приспосабливается к суровым условиям природы и мироустройства. В таком, почти замкнутом на себя мирке, очень важны практические знания. Без них не просто понять, какое растение тебе друг, где может выйти на дорогу мишка или зайчик, и что такое цунами. Конечно, бытовые навыки со временем приобретаются. Но когда ты только начинаешь обживать новое место, у тебя есть исключительно книжные познания, полученные в школе. У солдат-срочников именно они и были базовыми на первом году службы. Как правило, в пограничные войска набирали юношей умных и перспективных с точки зрения дальнейшего заключения контракта. Ведь считалось, что они идут защищать родину в лучшие войска страны. И это было действительно так. Но в «лихие» девяно-

стые ситуация изменилась не только в стране, но и во всех областях нашей жизни, включая набор срочников. К сожалению, вместе с хорошими кадрами на заставы прибывали молодые люди, которым место в лучшем случае в стройбате. Их ум и мироощущение заканчивались на уровне потребностей типа «еда, сон и немного развлекухи». С таким контингентом офицеры добросовестно пытались работать в плане укрепления их боевого духа и необходимой военной подготовки. Но чаще всего это было затруднительно в силу их низких умственных и нравственных качеств. Именно эти солдаты, прослужив первый год, пытались устраивать дедовщину, заставляя первогодков мастерить им так называемое «дерево для дембеля». Были и любители поставить «бражку» из сухофруктов. Вот с неё-то и началась одна история, закончившаяся ассенизацией всей заставы. Когда ты живешь в маленьком мирке, обостряются все чувства, в том числе и интуиция. Офицерам на отдалённой заставе всегда проще увидеть какие-то негативные процессы и вовремя их остановить. Конечно, многое зависит от личности начальника. Именно она определяет микроклимат коллектива и заставляет всех шагать в ногу. Так и произошло в нашем случае.

Как-то утром, обходя привычным маршрутом вверенную ему территорию, один молодой капитан решил свернуть с проторенной тропы. Он углубился в сторону заброшенной сторожки. Интуиция подсказывала, что там может обнаружиться нечто интересное. И действительно, среди сваленного на пол тряпья располагался маленький склад сахара, дрожжей и сухофруктов. Поодаль, на солнечной стороне, стояли баночки, бутылочки и фляжки с неким содержимым. По запаху офицер сразу понял, что это самопальная самогонка на стадии бражки. Через некоторое время капитан дал команду «в ружьё». Бойцы построились на плацу и в томительном ожидании обсуждали, по какому поводу внеочередное построение. Прошло полчаса. Солдаты стояли на открытой площадке, продуваемой всеми курильскими ветрами. Никто к ним не выходил. И вот сержант, стоящий впереди строя, заметил повозку, которая возила молоко из подсобного хозяйства в столовую. Когда она подъехала ближе, все увидели то, что так тщательно хранилось в заброшенной сторожке от посторонних глаз. Конечно, было проведено расследование, наказаны проштрафившиеся солдаты. Но суть не только в этом. Главное, что теперь любые попытки поставить бражку пресекались

ещё до начала процесса брожения. Не подумайте, что где-то стояли видеокамеры – в то время это было невозможно. Просто у капитана оказалась потрясающая интуиция. Сначала солдаты думали, что кто-то ему «стучит». Потом выяснилось, что это не так. И тогда «особо одарённые» служивые решили провести опыт: они специально делали «закладки» в разных местах, и уже с раннего утра вся застава с интересом наблюдала за действиями капитана, делая ставки – найдёт-не найдёт. Это было своеобразное развлечение в замкнутом коллективе. Но через неделю офицеру надоело играть в следопыта. И он придумал кардинальный метод. Как уже было сказано, возле заставы находилось подсобное хозяйство. Солдаты по очереди направлялись туда выполнять работу скотника или дояра. Кроме табуна лошадей и стада коров в подсобном хозяйстве разводили свиней. Животные, что вполне естественно, производят продукт, который ежедневно нужно убирать. Для этих целей были отведены специальные выгребные ямы. А вот в роли ассенизаторов выступали особо проштрафившиеся солдаты. Если кого-то направляли к свинкам, то после трудового дня от «подхозника» ещё долго шло своеобразное амбре, заставляющее других его сторониться. Конечно, рядом с заставой стояла банька, где были все условия для помывки. Но – и в этом заключался коварный план капитана! – в качестве наказания за систематическое нарушение дисциплины штрафники отправлялись ассенизаторами на три дня без права посещения бани. Жестоко? На первый взгляд – да. Но другим методом можно было так до самого дембеля воспитывать нарушителей, тогда как после первых дней профилактических трудовых работ без посещения бани проблема как-то отпадала сама собой. Видимо, поняв непреклонность офицера, солдаты решили больше не испытывать его интуицию. Вопрос о бражке не стоял до самой демобилизации. И даже после неё старослужащие передавали новобранцам страшные рассказы о находчивом капитане. Через год-другой эта байка обросла новыми подробностями. Проделав круговорот от нашей заставы через все комендатуры, она вернулась с новоприбывшими молодыми солдатиками в ином формате. Это была уже сказка о капитане-ясновидящем, сильнейшем курильском экстрасенсе, который, по слухам, умел не только бражку находить, но и мысли читал на расстоянии. Так что ему даже не приходилось проверять часовых, ибо знал он наперед, что они думают и куда собираются после наряда. Так совпало, что

именно в это время по стране началось торжественное шествие экстрасенсов всех мастей, поэтому не удивительно, что байка о капитане-экстрасенсе имела большой успех. И не только у солдат.

Как-то на заставу приехал комендант ближайшей комендатуры. Это был человек воспитанный, умный, москвич, между прочим. Никто и никогда не слышал, чтобы он матерился. А для армии это достижение из разряда «этого не может быть!» Комендант прибыл не с плановой проверкой. Он прослышал легенду о капитане и его действенных методах. Как истинный эстет, воспитанный на Третьяковке и музее имени Пушкина, он не мог себе даже представить, что кто-то применяет методы ассенизации в пограничных войсках! Сильно возмущаясь и негодуя, впрочем, в рамках цензурной речи, комендант устроил разнос начальнику заставы и его подчинённым. Но не бывает ничего вечного. Утих и гнев начальства. Построив личный состав на плацу, офицер для порядка сделал несколько замечаний и рассказал о воинской чести и совести. Через час, с чувством исполненного долга, он укатил обратно на комендатуру. На этом бы всё и закончилось. Но эпизод имел неожиданное продолжение!

Прошло полгода. Из Москвы нагрянула комиссия. Время наступило как раз подходящее. Даже примета была: как горбуша пойдет на нерест, жди проверку из Москвы. По подразделениям, разумеется, никто не захотел проехаться – далеко от цивилизации. Прибывшие инспекторы осели на комендатуре. А туда как раз привезли с дальних застав будущих дембелей. Пока навигация не закончилась, их нужно было отправить на большую землю. И вот на радостях, предчувствуя скорое возвращение в родные пенаты, солдаты устроили под вечер пир с употреблением любимого напитка, настоящего на корне женьшеня. В тот день уже известный нам капитан отправлялся с семейством в законный отпуск. Примерно во второй половине дня ожидался борт на Сахалин. Настроение у капитана было чемоданное, и это понятно. Отпуск длинный – два месяца, но вот проблема – никак не устанавливалась лётная погода. Уже прошла неделя от положенного отпуска. И, наконец-то, дали «добро» лететь. Перед посадкой штурман проверяет полётный лист. В момент, когда он должен был назвать фамилию офицера, неожиданно она прозвучала из уст прибежавшего из штаба дежурного. Сердце у капитана, я думаю, неприятно ёкнуло. А знаменитая

интуиция ничего хорошего не сулила. Так оно и оказалось. Всю семью сняли с рейса. Причина проста: срочно требовалось известным капитану методом ассенизации привести в чувство дембелей, грозящих своим видом вот-вот опозорить перед московской комиссией высокое звание российского пограничника. Думаю, не надо описывать, с каким чувством исполнил свой долг товарищ капитан. Наверное, характерный запах чувствовала вся комендатура. И не один день! Но на этом история не завершилась. Когда комендант понял ответственность мероприятий, проведённых подчиненным, он тут же взял это на вооружение. И по прибытии из отпуска офицер узнал, что теперь вся комендатура вместе с дальними заставами содрогается от угрозы применения «метода капитана Ш.» В этой ситуации не знаешь, гордиться или негодовать. Но, как из песни не выкинешь слова, так из этой истории нельзя удалить её автора, который был живым свидетелем описанных происшествий. Прошло более двадцати лет. И вот на одном Интернет-форуме мне попала запись одного из тех солдат-срочников, испытавших на себе метод капитана Ш. Самое удивительное, этот человек хвалил офицера за находчивость и писал, мол, так с нами, салагами, и надо было поступать. Наверное, поумнел и набрался опыта. А метод капитана Ш. ещё долго применялся на разных заставах Кунашира.

Вспоминается другой случай из нашей жизни на отдалённой заставе. Именно он даёт характеристику тех негативных тенденций, что начались в стране в девяностые годы прошлого века. Они отразились на нашей молодёжи самым печальным образом. Бедные, брошенные государством дети! Они и в школе-то географию так учили, что даже понятие «остров» не усвоили. И вот что из этого вышло в практической жизни.

Одним утром на заставе недосчитались солдатика. Вроде бы вот он только что тут был, а теперь растаял, как ёжик из мультика, в тумане. Поискали вокруг заставы. Покричали, побегали, позвонили соседям. Нигде не появлялся. Подумали даже проверить берег, следов не обнаружили. В баню заглянули. Пусто. Кочегарку проверили. Пошарили везде, где можно было. Снова – ничего! И тогда уж объявили тревожную группу «в ружьё». Пришлось доложить в комендатуру. Начали искать. Долго искали. Сутки. Всякое можно было предположить. Но никто не ожидал того, что узнали днём позже.

Из посёлка Южно-Курильск ехала на заставу машина с посылками, письмами и прочим. На обо-

чине дороги, где по обеим сторонам росли высокие сосны, из-за которых в любой момент мог выйти косолапый местный житель, стоял пропавший солдатик. Машина остановилась. Вышедший из неё прапорщик задал естественный в данной ситуации вопрос: «Чего стоим, кого ждём?» То, что он услышал в ответ, заставило усомниться во вменяемости служивого: «Да так, жду электричку до Сахалина». Прапорщик, понимая, что человек, стоящий перед ним, даже не улыбается, то есть о шутке речь не идёт в принципе, не понимая, в чём подвох, продолжал диалог: «Давно ты здесь ждёшь?» И услышал спокойный ответ: «Да не очень, со вчерашнего дня». Прапорщика это ещё больше заинтересовало, и он спросил: «А как считаешь, скоро прибудет электричка?» Солдат невозмутимо выдал противоречивый ответ, заставив собеседника с трудом сдерживать улыбку: «Должно быть, скоро, уж больно долго жду». Прапорщик, понимая, что перед ним либо хороший актёр, либо больной человек, сделал ему предложение подвезти до следующей остановки электрички, ведь ноги-то устали, наверное. Солдат подумал-подумал и согласился, посоветовав на то, что не знает точного расписания. И тут прапорщика прорвало! Не скрывая смеха, он задал сакраментальный вопрос: «Чудила, а ты в курсе, что это остров?» Ответ был так же невозмутим, как сосны, взиравшие сверху вниз на всю эту картинку: «Ну и что? А Сахалин – полуостров».

Так и не поняв логики, просто вне себя от смеха прапорщик вышел по радию на комендатуру и, узнав, что речь идёт о беглеце, подвёз того до ближайшей заставы. Выходя из машины, неожиданный попутчик снова поинтересовался: «А это точно следующая остановка электрички до Сахалина?» Бедный прапорщик, не в силах противиться охватившему его хохоту, выпрыгнул из машины и чуть не катался по траве от приступа смеха. Подошедшие к нему офицеры с недоумением взирали на эту непривычную картину. Не каждый день увидишь прапорщика, да ещё в годах, катающегося по траве в припадке хохота. Но когда водитель пересказал им случившееся, уже и они не сдерживали эмоций. Да, весёлый выдался денёк! А что же с тем солдатом? Выяснилось, что он просто соскучился по дому и решил навестить родных. Но главное, парень действительно верил в то, что на Кунашире ходит электричка до Сахалина. О таком понятии, как остров, до этой поры парень и не слышал, ведь в его деревне географию преподавал учитель физкультуры. Кстати, о последствиях. Не знаю,

по каким причинам, наверное, из-за всеобщей неразберихи в стране, солдатика «простили» и просто вывезли на дальнюю заставу, где он и прослужил до самого дембеля. Говорят, он ещё пытался написать рапорт на сверхсрочную службу, но наш помудревший комендант-москвич, к тому времени выучивший минимум ненормативной русской лексики, на понятном солдату языке объяснил, почему он отказывается принять его рапорт и куда именно должен теперь отправиться этот товарищ после дембеля. Надеюсь, дорогу он нашёл.

БРЕВНО И «ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ МЁРТВЫХ»

Когда люди живут отдаленно от «большой земли», со временем в их сообществе образуется своеобразная «цивилизация». В ней имеется не только собственная иерархия и система ценностей, но и способы достижения простых бытовых радостей. В канун нового года, точно не вспомню какого, где-то между 1992 и 1995, мы находились на отдалённой заставе. Когда я говорю «мы», то имею в виду не только себя, мужа и маленькую дочь, но и немногих обитателей дома в лице двух офицеров и одного прапорщика. Конечно, на заставе служили и солдаты, но у них была собственная жизнь, а потому к нашей истории они имеют отношение только в одной части – подготовке праздничного стола для военнослужащих-срочников. По традиции, не знаю кем и когда установленной, но свято чтимой всеми пограничниками, перед наступающим новым годом заставские повара и их помощники дружно лепили ровно такое количество пельменей, сколько цифр было в наступающем году. Эта художественная лепка придавала столовой оттенок домашней кухни, объединяла всех на уровне инстинкта. Солдаты радовались каждому десятку вылепленных пельменей, как будто получили письмо от мамки. С самого утра обстановка на заставе и в окрестностях была полна чудесного превращения людей в подобие ангелов: все улыбались по поводу и без него, были предельно вежливы, каждый предвкушал прекрасный вечер. Именно в такие моменты начинаешь понимать, что не столько праздник нужен людям, сколько подготовка к нему. Она делает нас добрее и вселяет надежду на лучшее будущее. Особенно это заметно в отдалённых от цивилизации местах. Уж я-то знаю по себе, прожив на Курилах семь лет, потом – в Москве и других

населённых пунктах нашей большой страны. Вот это чувство надежды, чего-то чудесного и мимолетного буквально пропитывает тебя и делает скучное пребывание вдали от благ цивилизации исполненным особого шика и даже смысла. Возможно, на какой-то момент ты понимаешь старцев, удалившихся в горы или пещеры для молитвенного служения. Но ты не думаешь об этом всерьёз, как о подвиге, просто в голове проносятся разные образы, делающие и твоё земное воплощение небеснополезным. По крайней мере, в собственных глазах. Некоторых людей такое состояние вдохновляет писать стихи или картины. Большинство же тянет на подвиги иного плана. И об одном из таких случаев пойдёт дальнейшая речь. По известной русской традиции, не скоро сказка сказывается, а предшествует ей присказка.

Итак, российская душа – не только непостижима для иностранцев, но и представляет большую загадку для нас самих. Вот возьмите хотя бы интуицию: и откуда нам знать, что принесёт новый год – повышение цен или понижение, но вся страна в декабре начинает закупаться продуктами, вещами и алкоголем в таких количествах, словно наступает последний день Помпеи. Правда, после январского похмелья многие не могут понять, зачем им пять пар новых резиновых сапог или три кастрюли-скороварки. Ну, с горячительными напитками всё понятно – это своего рода национальная валюта. Особенно там, где в силу природных ограничений невозможна своевременная доставка – нет навигации, а самолеты в плохую погоду не летают. Всё случается, как обычно, перед самым новым годом! И как всегда – совершенно неожиданно и некстати! Но выход есть! Его изобрели давно и без нашего вмешательства. Некто сообразительный понял, – если настаивать на местных курительских травах и ягодах ключевую воду, добавив пшено и кое-какие секретные ингредиенты, к празднику получишь «напиток богов». Ясное дело, такую тайну не утаить в маленьком изолированном обществе людей, которые клянутся «никогда и никому не разглашать секрет производства божественного эликсира» при условии, что будут участвовать в его дегустации. Конечно же, производитель напитка всем верит. Потому он щедро потчует им всех поклявшихся последними подмётками на сапогах или несуществующей шубой жены соседа. Со словами «чтоб мне водяного повстречать у Чёртова пальца, если разболтаю», очередной дегустатор с шумом осушает две стопки, ибо между первой и второй, как говорится, промежуток небольшой. А Бог любит троицу, поэтому надо бы выпить и тре-

тью рюмашку. А где три, там и четыре – чтоб уж наверняка понять, хорош ли получился напиток.

И к тому времени, когда на небе появляется первая звезда, друзья-товарищи уже твердо знают, что их напиток тянет на все пять звезд. В этом уверены, как минимум, три человека, иначе кворума не будет, привыкли ведь за долгие годы советской власти, что только партийная тройка может принять решение по вселенским проблемам. После того, как первый восторг от качества произведенного напитка плавно перетекает в уверенность в собственной одарённости, разговор непременно приобретает философский смысл. И постепенно мужчины переходят на обсуждение серьёзных вещей – есть ли жизнь на Марсе, а если да, то почему там ещё не цветут яблони, ведь обещали же нам это давным-давно. Так кто же виноват в том, что не довели до красной планеты саженцы антоновских яблонь? И что же нам, курильчанам, в связи с этим безобразием делать под новый год?

Как-то само собой выясняется, что без всемирного империализма дело не обошлось. А на Курилах империалисты прямо через пару-тройку километров сидят себе за столиками и суши едят, да sake запивают. И на наши острова посматривают с завистью. Но мы, мужики, не дадим родину в обиду. Вот сейчас созрел тост за то, чтобы наши острова как были непроходимой тайгой покрыты, так и оставались – ни к чему тут строить хорошие дороги – нечего самураям шастать по ним, а мы уж сами-то как-нибудь по дорогам-направлениям этим проедем! Под столь патриотичные слова вновь сдвигаются рюмки, и окрестные чайки слышат громкое троекратное «ура!» После чего патриоты выходят на крыльцо, дабы освежиться и лучше рассмотреть «вражеское» логово – слегка виднеющийся на фоне океана остров Хоккайдо. Кто-то, впечатлившись дискуссией, даже машет кулаком в ту сторону. Но уже через пару минут разговор меняет свое направление. И не случайно. На горизонте возникает неминуемая опасность в лице жены кого-то из компании. Мужчина делает безуспешную попытку ретироваться в дом, но, увы, зоркий глаз опытной женщины уже давно заметил цель и, словно винтовка Мосина, пулей-взглядом пронзил благоверного, пригвоздив его к месту. Наступила фаза, именуемая в народе «столбняк». Мужчина, словно прирос к ступенькам крыльца, мысль о том, что он покинет тёплую компанию в самый разгар политической беседы, а основное решение по противостоянию империалистам примут без него под

аккомпанемент булькания очередной порции напитка, просто лишила его сил. Но ничего не поделать, от разъярённой жены ещё никому не удавалось уйти в границах острова. Пришлось распрощаться с товарищами и отправиться чистить картошку для праздничного стола. Мужчины пытались заступиться за приятеля, но женщина очень выразительно одарила их предновогодними пожеланиями, которые сводились к короткой и ёмкой фразе типа «шли бы вы, дорогие мужики, лесом». Мужики спорить не стали. И пошли. За очередной порцией «успокоительного». Ведь нервная система уже расшатана и требует поправки здоровья. А после того, как оно было подлечено, наступила фаза героев. Тут-то по-настоящему и начинается наше повествование. Выпив весь приготовленный на праздник самогон, наши герои вдруг осознали, что до нового года осталось несколько часов, а «принять на грудь» уже нечего. Как же они будут встречать Деда Мороза?

Да, ровно в полночь по домам курильчан в посёлке Дубовое, что звался в народе Дубы, начинал ходить мужик в шапке-ушанке и тулупе, с ватной бородой, которого все знали. Везде его встречали традиционными оливье, селёдкой под шубой и рюмочкой-другой самогонки. Дедушка отличался крепостью тела и духа, что позволяло ему осчастливить своим визитом большую часть посёлка. Была даже местная примета: у кого тот дедушка свалится в доме и заночует, быть в новом году либо с новым званием, либо с новой женой. Объяснялось это просто: «дедушка Мороз» обладал невероятным обаянием, перед которым ещё никто не устоял, а в качестве компенсации он мог поспособствовать дальнейшему продвижению по служебной лестнице особо, как бы сейчас выразились, толерантным товарищам. И вот, наши мужички, осушив последнюю ёмкость, обнаружили пустую тару. За этим последовало короткое совещание на предмет добычи «горючего». Один из мужчин вспомнил, что у его знакомых на заставе есть стратегический запас. Если хорошо попросить, этим запасом с ними обязательно поделится. Но тут возник другой вопрос: на чём добраться до дальней заставы, ведь дороги-направления замело, а предстоит ехать через речку, по отливу, мимо разного рода препятствий. Но и этот вопрос счастливо разрешился. У соседа во дворе стоял старый мотоцикл с коляской марки «Урал». Собравшихся посетить заставу было как раз трое. Быстро одевшись, не забывая себе голову планированием маршрута и встречей с пограничными постами, мужики завели мотоцикл и отпра-

вились в дорогу. Хорошо ещё, что в начале пути они повстречали знакомого радиста, попросив того просигнализировать начальнику заставы о гостях-соседах. Им повезло: радист как раз шёл на службу, а подобные просьбы были обычным делом. Про то, как мужики на мотоцикле ехали до заставы, история умалчивает. Но через какое-то время, практически за три часа до боя курантов, мотор мотоцикла огласил рёвом территорию заставы. Местная овчарка Чилим выбежала встречать гостей. Конечно, им все были рады, потому что нечасто под новый год кто-то навещает этот уединённый уголок острова. По закону гостеприимства, прибывших гостей усадили за накрытый с утра стол. Все дружно проводили старый год, заранее встретили новый, подняли бокалы за родину и пограничные войска, потом за Курилы, а после за родителей всех присутствующих, которых также вспомнили поимённо и выпили за их здоровье. Где-то за полтора часа до часа икс гости вспомнили о долге перед Дедом Морозом и отправились восвояси. На этом первая часть истории благополучно заканчивается. Но не спешите с выводами. Самое интересное ещё впереди!

Через сутки, тоже по курильской традиции, пограничники собрались нанести ответный визит вежливости. Прихватив с собой предпоследние литры стратегического запаса, они разместились на гмп (гусеничной машине пехоты) и поехали в Дубы. Пока дорога шла по отливу, всё было, как обычно. Но вдруг перед самой речкой, впадавшей в океан, водитель остановился. Взгляды пассажиров устремились на разрушенный мост. Вместо него через речку было перекинута одно бревно. По нему явно не проехать. Но на то и существует гмп, чтобы преодолевать подобные препятствия по воде. Преодолели! Подъехали к посёлку. По дороге повстречали знакомых, которые огорошили новостью: а у нас труп. И к тому же «воскресший»! Ничего себе новогоднее известие! Из сумбурного разговора с не вполне протрезвевшими, но уже «поправившими здоровье» по случаю благополучного возвращения товарища «с того света» мужиками, погранцы мало что поняли и поехали дальше. Градус настроения у них как-то слегка понизился. Молча поднялись в квартиру к знакомым. На пороге их встретила хозяйка дома и с улыбкой пригласила за стол. Казалось бы, всё выглядело как обычно. Это и настораживало. Как выяснилось, не напрасно! Буквально через несколько минут хозяева с хохотом, перебивая друг друга в особо интересных местах, рассказали продолжение вчерашней истории.

Оказывается, пока тёплая компания доехала до моста через речку, кто-то его успел разрушить. Как и кому это понадобилось, выяснить не удалось. Но на мотоцикле на другой берег не переплыть. Назад возвращаться было как-то неудобно, желание встретить новый год дома активировало сообразительность. Изобретательность подпитывалась изнутри высокими градусами, которые разбивали вдребезги все скептические доводы, ограничивающие пределы фантазии. Решение было найдено в кратчайшие сроки: мужики притащили с отлива бревно и водрузили его через узкую речку в качестве мостика. Потом они выпили взятого на заставе «топлива» для «смазки дела», дружно сели на мотоцикл и, отъехав на приличное расстояние, чтобы достичь максимальной скорости разгона, со свистом пересекли по бревнышку на двух колесах водное препятствие. Пару мгновений при этом мотоциклетная коляска висела в воздухе! В цирке этот номер имел бы колоссальный успех. Но в жизни его нужно было выполнить так, чтобы уж наверняка не свалиться в воду. И это было возможно только один раз, исключительно при благосклонной поддержке Бахуса.

Преодолев препятствие, компания напрямик направилась по домам, каждый был доволен собой и товарищами и предвкушал «брудершафт» с Дедом Морозом. Но не всем повезло его встретить. И не потому, что тот не пришёл. Просто один из мужичков решил поддержать традицию, о которой советский народ узнал из фильма Эльдара Рязанова. Но баня оказалась занятой другими людьми. Поэтому мужику ничего не оставалось, как набрать дома ванну.

О дальнейших событиях рассказывала уже его жена. Из её уст это звучало примерно так: «Прихожу я, значит, домой после службы. Думаю, надо успеть нарезать салат и послать мужа за картошкой в погреб. Зову его, зову, а он не откликается. Слышу, вода шумит в ванной. Я в дверь стучу, а она изнутри заперта. И в ответ тишина. Долго не думая, кинулась к соседям, благо, дома они были. Сосед дверь выломал, а там мужик мой лежит в тулупе и валенках, как есть, весь в воде. В руке крепко держит бутылку, а сам без сознания. Мы воду спустили, его начали приводить в чувство, а сосед, он фельдшер, и говорит, мол, так и так, соседка, не жилец твой благоверный. Преставился он. Я как заору, мол, как это он мог за полчаса до нового года преставиться? Не тот он человек, чтобы так предательски от жены уйти в праздник. Вызывай, говорю, бригаду, и пусть откачивают мужа. Тут, не то от крика моего, не то

сам по себе, муж мой очнулся. Посмотрел на нас и тихо, но выразительно прошептал: «Выпить есть?» Ну, тут уж я и сама выпила. Вот так оно всё и было. Да, ещё одно: через сарафанное радио весь поселок быстро узнал, что мужик-то мой воскрес из мёртвых. И на радостях утвердили новую новогоднюю традицию – поднимать бокал за второй шанс в жизни. Так давайте и мы не будем отделяться от народа, проходим, товарищи, к столу и наливаем!» И присутствующие дружно сдвинули бокалы и громко прокричали: «С новым годом, курильчане!»

ЗАГАДОЧНАЯ КОРОБКА

В 1989 году жизнь предоставила мне шикарный подарок, оценить который я смогла только спустя много лет. Поначалу же мне казалось, что судьбы жён декабристов – просто рай по сравнению с моим положением. Посудите сами: после окончания университета у меня было к двадцати одному году два диплома с отличием. По советским меркам это, действительно, являлось престижным, потому что доставалось собственным трудом. При распределении я получила направление в аспирантуру Ленинграда, но, выйдя замуж, добровольно отказалась от дальнейшей учёбы и поехала в неизвестные дали. Точнее, на Дальний Восток. И вот после долгой дороги через всю страну я оказалась на острове Полонского. Для нас это Южные Курилы. А японцы называют их «северными территориями» и жаждут получить в собственное распоряжение, потому что вокруг этих маленьких островков водная стихия кишит рыбными и иными богатствами. А ещё наши соседи озабочены тем, что там остались могилы их предков, которые родственники могут посещать раз в год по специальному разрешению властей. Ведь острова находятся в пограничной зоне. Через полгода после моего прибытия на остров Полонского как раз и наступило время посещения японцами могил предков. За несколько дней до их визита начальник заставы проинструктировал не только личный состав на предмет возможных провокаций, но и провёл со мной, как с единственной женщиной-островитянкой, душевную беседу. Я в то время была довольно легкомысленна и с недоверием относилась к возможности возникновения провокаций. В моём понимании наша страна должна была укреплять дружественные отношения со всеми государства-

ми, неся идеалы социализма в массы. Поэтому, как выпускница исторического факультета со знанием английского языка, я горела желанием провести среди японских товарищей разьяснительную работу и таким образом показать им, что в нашей стране с уважением относятся и к могилам предков, и к ныне живущим по соседству народам. Но начальник заставы посмотрел на меня, как на больного ребёнка, только что лоб на предмет температуры не проверил, и вкрадчивым, но твёрдым голосом сказал: «Во-первых, они никакие нам не товарищи, а господа, во-вторых, капиталисты, ну и, в-третьих, никуда ты не пойдешь, посидишь дома на время их посещения». Я было открыла рот, чтобы пламенно возразить, но тут же услышала грозное: «Это приказ!» Оставив меня переваривать информацию, товарищ капитан твёрдой походкой бывалого работника идеологического фронта, который провёл удачную беседу с новобранцем, отправился по делам. А я крепко задумалась. Трудно представить себе, чтобы кто-то посмел нарушить приказ, находясь на маленьком острове. Бежать-то точно некуда, если что. Но вот женское любопытство – коварная штука. Недаром Пандора была женщиной. Мой мозг начал прокручивать возможные ситуации и их последствия. Почему-то последствия всегда оказывались плачевными. Например, я представляла, как пробираюсь к могилам японских предков под покровом ночи. А утром-то с пограничной вышки меня обнаруживают на месте «преступления». И с позором доставляют обратно на заставу. Спрятаться на острове некуда, ведь он представляет собой абсолютную плоскость, где даже нет деревьев! Кустики какие-то растут, шиповник там или ещё какие-то растения. Цветочки есть. В общем, игра в прятки здесь невозможна. И я смирилась. Целый день просидела взаперти дома, пока японская делегация навещала усопших родственников. Зато вечером меня ждала интересная история, рассказанная тем же начальником заставы.

* * *

С утра солдаты выстроились у берега в ожидании гостей. Поскольку причала на острове не было, прибывшие суда всегда оставались на рейде, а гостей погружали в лодки и так доставляли на остров. Начальник заставы в бинокль наблюдал за японцами с вышки. Он констатировал, что гости привезли с собой какую-то большую коробку, похожую на упаковку для телевизора. Обсудив увиденное с другим офицером, решили, что

благодарные капиталисты привезли островитянам какую-то японскую чудо-технику. Теперь нужно было решить, как поступить с этим подарком. Если его принять – будет ли это расценено как взятка? А если отказать, не будет ли выглядеть недружественным жестом по отношению к принимаемой стороне? Вот она – предполагаемая причина будущей провокации со стороны капиталистов!

Между тем, японцы потащили коробку к месту захоронения предков, часто останавливаясь по пути, из чего был сделан вывод, что коробочка-то тяжеленькая! Не иначе, как телевизор там внутри. С вышки заметили, что через двадцать минут пешего хода «самурай» вдруг оставили коробку посреди дороги, а сами резко разбегались в две стороны – женщины в одну, мужчины – в другую. Причем, расстояние между ними было примерно метров десять. На вышке началась лёгкая паника. Что происходит? А может быть в коробке не телевизор, а бомба? Мы же все знаем про японских камикадзе. Вдруг гости хотят взорвать себя на наших глазах, чтобы потом в средствах массовой информации сказали, – это дело рук советских пограничников. История на острове Даманском была известна каждому военному. Капитан уже хотел было спускаться с вышки, как один из бойцов, аж присвистнув от неожиданности, вскрикнул: «Товарищ капитан! Да они совсем бесстыдники, эти капиталисты! Смотрите, что творят!» И он указал в сторону японцев. А те, выстроившись в два ряда – мужчины и женщины спиной друг к другу на расстоянии примерно в десять метров, просто устроили там общественный туалет. Знали ли они, что за ними наблюдают с вышки? Безусловно! Почему так поступили? В тот момент объяснений не было. Бесстыдники, да и только!

Позже я узнала, что в японской культуре естественные потребности тела не считаются постыдными. Главное, не осквернять святые места, коими и являются могилы предков. Поэтому туалет устроили подальше от их могил. Японцы живут на небольшом пространстве, каждый уголок которого они осваивают, при этом оставаясь внутри собственного тела, как в защищённом месте. Их культура предполагает, что человек должен быть сдержан в своих эмоциях и внешних проявлениях. А на такие мелочи, как потребности тела, не стоит обращать большого внимания. Поэтому понятие стыда, так естественное в данном вопросе для европейцев, у них является совершенно иным. Для них стыдно не выполнить обещание, данное предкам, нарушить некий кодекс чести. А сходить, извините, «до ве-

тру» на глазах у изумленной публики – это всего лишь проза жизни. Сделав своё дело, японцы снова подхватили привезённую коробку и продолжили путь к могилам. Исполнив национальные обряды, помянув предков, гости отправились в обратный путь к берегу, где ожидала лодка. Через некоторое время она отчалила от острова, увозя их с собой, но оставив при этом дилемму для наших пограничников в виде большой коробки, стоящей прямо у могил. Что с ней делать?

После совещания о том, как поступить с неожиданным сюрпризом, было принято решение открыть коробку с предосторожностями. Переодевшись в специальные костюмы, надев на лицо защитные маски, капитан и его сослуживцы открыли загадочную коробку. И через минуту все они так хохотали, что солдат, наблюдавший с вышки в бинокль, терялся в догадках и недоумевал: что же такого смешного произошло, а он и не увидел?

Вдоволь повеселившись, военнослужащие подхватили «подарочек» и понесли на заставу. Когда капитан продемонстрировал там её содержимое, наступила минута тишины, впитавшая в себя всеобщее разочарование и удивление. В коробке оказался обыкновенный мусор, который чистоплотные японцы после процедуры поминовения предков аккуратно сложили внутрь. Лежала там и одноразовая посуда, которой у нас тогда даже не видели, и многочисленные свечи, курительные палочки, остатки еды, бутылки из-под саке. В общем, выбросили пограничники коробку в мусорный контейнер. И потом еще долго пересказывали эту историю, давая друг другу хороший повод посмеяться.

«Я НЕ КОТУЖЕННЫЙ!»

Есть среди Малой Курильской гряды небольшие островки, на которых никто постоянно не живёт. Одним словом – Хабомаи, «плоские острова» по-японски. Там по всей линии российско-японской границы располагаются пограничные заставы. А некоторые из этих малых частей расколотого когда-то большого куска суши и вовсе торчат из недр океана, словно единичные зубы, оставшиеся во рту старого человека. Их безжизненная скалистая поверхность ещё помнит времена своей молодости, когда и травка зеленела, и животные бегали

в поисках пищи, а голоса людей, уничтоживших последнюю чернобурку, коренную жительницу этих мест, не тревожили их побережья. Теперь только названия части островков и скал говорят об их некогда цветущем виде – Лисьи, Шишки, Пещерная, Чайка, Рифовый, Зелёный, Осколки. Да, они и есть маленькие осколки прошлого. И не только во вселенском масштабе. И моего прошлого тоже. Мне довелось прожить на острове Полонского два года. Рядом с ним располагалась скала Чайка, поросшая мхом и мелкой травкой. Мы её называли «остров чаячий», потому что на самой вершине там гнездились многоголосое племя морских чаек – жутко наглых. Они могли выхватить из рук человека мелкую рыбку или кусок хлеба. И ничуть не смущались, когда им в след неслись угрозы. Но для нас, пограничников, на скале была своеобразная «куриная» ферма. У чаек крупные зеленоватые в мелкую крапинку яйца, желток которых красновато-оранжевого цвета. Зажаришь одно такое яйцо – и завтрак готов. А какие торты из них выпекал наш заставской повар Саша Неганов! Пальчики оближешь! Я многому научилась у поварёнка. Мы вместе ходили за птичьими яйцами, чтобы потом взбить из них крем для торта, безе или даже своеобразный «зефир». На ходу придумывали рецепты. Умудрялись к празднику приготовить торт «птичье молоко», хотя на заставе был только сухой яичный порошок. Но скала Чайка постоянно подпитывала нас свежими яйцами. А вообще продовольственный вопрос на острове решался один раз в году. Кардинально. А потом уже по ходу дела изредка кто-нибудь привозил ящики с консервами или трёхлитровыми банками, в которых были помидоры-огурцы, сок, мочёные арбузы или кабачки. Тут уж, что повезло купить в военторге на острове Кунашир и передать своим знакомым или выполнить поручение какого-нибудь лейтенанта, соскучившегося по зелени и свежим овощам. В их отсутствии рады были и консервированным.

И всё же хочется вспомнить о том единственном разе в году, когда продукты завозились кораблём. По каким-то традициям или иным соображениям завоз проходил в ночное время суток. С судна сгружались на берег многочисленные мешки с крупами, мукой, сахаром, солью. На берег штабелями складывались небольшие тубусы с яичным порошком и сухим молоком, сушёным луком, сухофруктами, сушёным картофелем, сетки с морковью, свёклой, некоторым количеством свежего картофеля, который, впрочем, быстро заканчивался, частично

превращаясь в подгнивший и непригодный в пищу продукт. Были там и ящики с жестяными банками, в которых находилась томатная паста, тушёнка и сгущённое молоко. В самых больших банках находился комбиджир, а в маленьких – сливочное масло. Выкатывались бочки с подсолнечным маслом. Среди всего этого продуктового пиршества располагались бумажные мешки с сухофруктами и другая снедь. Считалось, что одного завоза должно хватить всей заставе на целый год. А тот факт, что часть свежих овощей уже через пару месяцев можно просто списать за непригодностью, никого особенно и не волновал. И хотя овощи постоянно перебирали, старались хранить правильно, но влажный морской климат имел своё разрушающее воздействие на всё. Никогда не забуду, как мне приходилось пересматривать свою одежду и временами просто выбрасывать съеденную плесенью ткань. А раз в неделю требовалось вытирать тряпочкой зелено-голубую плесень, с упорством, достойным любого настырного существа, появляющаяся на стенах жилища.

Но, впрочем, вернёмся на берег, куда с корабля сгружаются очередные партии продуктов. Нашей заставой в 1989 году руководил очень интересный человек. Он прошёл афганскую войну и любил повторять одно выражение: «Я был в Афганистане. А оттуда приходят либо контуженные, либо дураки. Так вот я – не контуженный!» Эти слова стали притчей во языцех для всего отряда, не говоря уже о нашей заставе. Начальник наш, назовём его Виталием Ивановичем, умудрялся говорить правду-матку всем и каждому, даже вышестоящему начальству, прикрываясь этими словами. Удивительное дело, но всё ему сходило с рук. Он мог «выбить» у командования практически всё – от отпуска в нужное время и до каких-то дефицитных запчастей для заставы. Окружающие вполголоса говорили, мол, что с него взять, он же не контуженный, подразумевая всем давно известное высказывание. Вы думаете, как это касается снабжения заставы продуктами? Да напрямую. Когда подошло очередное время завоза продуктов, солнце клонилось к закату, а у берега острова замаячило судно, Виталий Иванович вышел на связь с командиром корабля. Он предложил отложить разгрузку до утра, поскольку ночью трудно будет правильно посчитать количество продуктов. Но, видимо, на то и был расчёт, чтобы под шумок утром недосчитались пары мешков сахара, а вместо гречки позже обнаружилась бы соль. Все эти нюансы наш начальник осознавал

и потому очень спокойно повторил свою просьбу, подкрепив её уже известной нам фразой. Командир корабля, естественно, гнул свою линию. И тогда находчивый Виталий Иванович позвонил в отряд и доложил о резком ухудшении погодных условий у острова Полонский, не позволяющих начать разгрузку. Начальство находилось на острове Кунашир. Оно было в курсе того, что в океане могут неожиданно возникнуть форс-мажорные погодные условия. Проверить информацию в ночное время не представлялось возможным, а оснований не доверять начальнику пограничной заставы просто не было. Командир корабля, конечно же, был в ярости от такого поворота. Но ему ничего не оставалось, как ждать утра и потом в светлое время суток разгрузить точно такое количество товара, какое было указано в накладных. Так, Виталий Иванович не только сохранял в целости весь продуктовый набор, давал поспать ночью бойцам, но и повышал собственный авторитет в глазах подчинённых. Нужно отметить, что все его уважали и до сих пор мы с мужем вспоминаем с большой теплотой этого весёлого и находчивого человека, заставившего уважать себя таким простым способом. Кстати говоря, тот же алгоритм действий применялся, когда нужно было сохранить территорию заставы неприкосновенной от назойливых проверок, которые в конце восьмидесятых годов прошлого столетия как-то резко участились. И тогда погода над островом Полонского резко, по мановению волшебной руки Виталия Ивановича, менялась в худшую сторону. Ненадолго. Ровно на такое количество времени, чтобы у начальства пропало желание посещать наш далёкий уголок.

Вечерами все обитатели дома офицерского состава шли в квартиру к начальнику, где собирались у единственного телевизора, показывавшего только японские каналы. Нам повезло, потому что почти в каждом фильме была бегущая строка на английском языке. И мне выпадала роль переводчика-синхрониста. Впрочем, Япония ежедневно транслировала бесконечный сериал «Семь самураев», где практически и переводчик-то не требовался. Само действие на экране давало полное понимание о происходящем. Через много лет на материке мне довелось где-то увидеть очередную серию этой «мыльной оперы», так надоевшей в своё время. И вдруг, неожиданно для меня, что-то кольнуло в груди, глаза заволкло туманной дымкой. Ностальгия, наверное. Хотя на острове Полонского к концу года я уже ненавидела этих самураев с их

мечами и бесконечными сражениями во исполнение кодекса чести.

А что до Виталия Ивановича, то он благополучно дослужил до военной пенсии и уехал на Украину. Мы и теперь изредка общаемся в «одноклассниках» и вспоминаем о том, что «он – не контуженный». Умнейший человек!

ЯПОНСКАЯ МИЛЛИОНЕРША

Шёл противный мелкий дождик. Его короткие струйки били наотмашь по моему лицу. Но уйти под навес было нельзя. Категорически! Ведь я заступила в наряд по охране судна, которое в силу отлива не могло отчалить от пристани в ближайшие несколько часов. В данный момент шло его пограничное и таможенное оформление. Оно продолжалось уже битых шесть с половиной часов. Такое небольшое японское судёнышко, а бумаг-то оформлять на него пришлось немало. Затем нужно было проверить – где и какой груз располагается. В общем, до начала прилива никак не успевали закончить оформление. Теперь вот и покинуть-то пост невозможно. И я стою и несу свою вахту под мерзким дождевым душем. В такие минуты спасают только стихи, которые повторяются про себя. Вспоминая давно выученные строки и читая их на разные лады, пытаюсь добиться наиболее выразительной интонации. Если бы кто-то прочел мои мысли в этот момент, страшно удивился бы! Вокруг – пустой пирс, сверху капает, а внутри меня идёт непрерывный спор о том, как наилучшим образом прочитать публике стихи. Какой публике? Воображаемой, конечно! Иногда строчки вырываются наружу, и я невольно оглядываюсь по сторонам – не услышал ли меня кто-то? Не услышал. Вокруг никого. Я-то стою на берегу, а наша погранично-таможенная группа – внутри судна греется. И по протоколу они не имеют право ни заговорить со мной, ни чайку горяченького вынести, ни даже рядом постоять. Служба. Никому не важно, что ты женщина, устала стоять, что не от самой хорошей жизни пошла на эту работу. Стоп! Стихи мои закончились – вот беда. Что теперь делать, чем занять себя до наступления прилива? Вдруг как-то сама собой начала вспоминаться недавняя история. Я мысленно спорила, прикидывала, как собрать воедино

мелкие детали рассказа. И вот он постепенно сложился в единую композицию.

* * *

В свой выходной, пришедшийся на середину рабочей недели, я пошла в сельский магазин за свечками, так как в посёлке часто были перебои со светом. Мне повезло. В магазине оставалась последняя коробка свечей, которую я и приобрела. Обрато идти нужно было через весь посёлок Головнино или, как мы его называли в обиходе, Головёшку. Дорога представляла собой обычное для глубинки направление, проложенное по местной почве многократно проехавшей туда-сюда тяжелой техникой. На ногах у меня были резиновые сапоги – круглогодичная курильская обувь для ходьбы в любую погоду. В описываемое время в материковой части нашей страны в обиходе были чёрные или тёмно-синие резиновые сапоги, а вот на Курилах они отличались яркими красками. Такие модели привозили с Хоккайдо моряки. Местные торговые точки пестрили этим необходимым товаром, совершенно не заляживавшимся на прилавках. На мне были красные сапожки с каким-то рисунком из японских мультиков про девочку по имени Сейлормун. Если бы сегодня меня попросили надеть это чудо каучуковой промышленности, я бы отшатнулась от них, как от чумы. Но курильские реалии накладывали отпечаток не только на логику жизни, но и на внешний вид человека. И вот иду я себе по «Головёшкинскому» тракту, радуюсь, что успела прикупить последние свечки. И так углубилась в свои мысли, что даже не заметила, как позади меня затормозила машина. Надо отметить, что я вышагивала посередине колеи, потому что там была самая протоптанная дорожка. Машина, ехавшая позади, не могла меня объехать. Но почему-то водитель не посигналил. Я остановилась. Оглянулась. И хотела как можно быстрее перейти на грязную обочину. В этот момент дверца автомобиля открылась, наружу выглянула женщина неопределённого возраста в просторном плаще-дождевике и ярко-жёлтых резиновых сапогах с изображением собачек. На ломаном русском языке она сказала: «Здлоствайте вам! Я есть Киоко-сан. Позялуте моя масина. Ви есть нася помась». И женщина сделала приглашающий жест.

Надо отметить, что в то время на Курилах только налаживался режим безвизовых поездок между островами и Японией. У всех это вызывало интерес. Разный. У местных жителей он был бытовым.

А вот у соответствующих служб – профессиональным. Я не принадлежала к коренному населению. Зато по службе приходилось выслушивать немало инструкций на тему возможных провокаций со стороны японских правых сил, выступающих за присоединение, как они говорили «северных территорий». Сразу перед мысленным взором быстрой вереницей плачущих мамы, папы и прочих родственников промелькнули возможные варианты – от провокации до несчастного случая. Мой советский идеализм и сочувствие спрашивали: «А вдруг кому-то нужна медицинская помощь? Неужели ты, комсомольский вожак, откажешь в милосердии, пусть даже и капиталистам?» Несколько секунд в душе вели борьбу идеология и человечность, подозрительность и вера. Неизвестно, что бы одержало верх, не открылся в машине вторая дверь. Из-за неё выглянул пожилой мужчина. Водитель. Вполне себе наш человек. На русском языке он прояснил обстановку несколькими предложениями. Оказалось, что мадам японка из числа последней делегации с острова Хоккайдо. По приказу местных властей водитель подвозил её к могилам предков, расположенным далеко от поселка. Могилы не нашлись. И тогда дама, приверженка богини Аматерасу, захотела провести какой-то поминальный обряд, но для него нужны были цветы и свечи. Цветы с горем пополам нашлись, а вот свечи в магазинах отсутствовали. И тогда, как объяснил мне водитель, женщина обратилась к своей богине с молитвой послать ей помощь. И та не заставила себя долго ждать! Через пару минут на пустой дороге появилась я. Теперь мне стали понятны слова японки, что «ви есть нася помась». Да, много ролей мне приходилось примерять за свою жизнь, но вот «помасью» быть не доводилось.

Мысленно посмеявшись над наивной женщиной, я спросила водителя, как же помочь-то я могу? В этот момент мадам снова подала голос: «Помася, помася нузен! Свет!» И тут я всё поняла. В моей сумке лежала коробочка со свечами. Под удивлённый возглас водителя, который явно считал, что японка не в себе, но в силу того, что он представлял официальное лицо, отвечающее за доставку мадам в местную мэрию, не мог себе позволить проявить чувства, я достала коробку и торжественно вручила её женщине. Та, несколько не удивившись, вытащила свечу и сказала водителю: «Помося!» Неожиданно для всех, наверное, и для себя тоже, мужчина перекрестился и пробормотал: «Велики дела твои, Господи!» Я тоже

подумала, что случайностью это никак не может быть. Но развить тему не дала японка. Она пригласила меня в машину, водитель попросил сопроводить их до мэрии, потому что дама непременно хотела меня поблагодарить при членах своей делегации. Времени у меня было достаточно. И мы отправились в дорогу. Ехали молча. Через десять минут оказались у мэрии. Там находился переводчик с японского языка. Через него женщина выразила мне признательность и подарила полотенце с японским орнаментом. И вся делегация отправилась поминать предков, взяв цветы и подаренные мною свечи. Водитель подвёз меня до дома. Уже прощаясь, он спросил, а вы видели когда-нибудь миллионеров? Естественно, я ответила, что никогда их не видела. Мужчина засмеялся и добавил: «Теперь можете считать, что видели. Эта мадам была японской миллионершей, владелицей многих отелей. Вот её визитная карточка, приглашает вас к себе, если будет такая возможность». И он протянул мне визитку.

До сих пор не понимаю, откуда японка узнала про свечи, ведь они не были на виду. Остаётся добавить, что предложением погостить на Хоккайдо я так никогда и не воспользовалась.

ЧЕРТИ В ЛЕДИНСКОЙ КОМНАТЕ И ПОСУДА В ТЕПЛИЦЕ

Как-то раз перед отпуском мы задумались о том, кого же попросить присматривать за нашей квартирой. Выбор, конечно, был небольшой: на дальней курильской заставе проживало в то время ограниченное количество человек. Не считая солдат-срочников, всего одна женщина – это я, два офицера, включая моего мужа, и один прапорщик. Выбор был между молодым офицером, назовём его Александром, и прапорщиком, только что получившим очередное звание, пусть он будет Сергеем. Конечно, хозяйственные вопросы по сути ближе второму, но всё же, мы подумали, что офицер, да еще потомственный пограничник в третьем поколении – это ответственность, помноженная на честь. Так и решили: ключи от квартиры оставили офицеру. В доме, представляющем из себя старенькое деревянное строение, размещались четыре убогие квартирки,

словно наспех сколоченные из подвернувшегося кому-то под руку материала. Естественно, ни о каких удобствах там и речи не было. Низенькие оконца глядели своими старыми глазницами на заставу – их одногодку. Две смежные комнатухи не давали возможности широко развернуть бурную деятельность даже маленькому ребенку, ограничивая пространство возможностью ходить и сидеть так, словно ты большая лесная птица, пойманная ловкими охотниками и посаженная в маленькую клетку, выставленную на потеху публике. Крохотная кухонька вмещала лишь плитку, столик, два стула и детскую ванночку. Однажды, купая ребёнка, я повернулась к плите, чтобы зачерпнуть ковшик теплой воды, и вдруг услышала, как за моей спиной раздался странный звук. Я быстро обернулась и увидела, что дочь сидит на полу, накрытая сверху ванночкой, а вокруг растекается маленький водоём. По-видимому, детка решила посмотреть, что находится под ванночкой и, свесившись через край, перевернулась вместе с ней. Но пространство кухни не позволило упасть дальше подстеленного под стул коврика, что и смягчило удар. Так что в маленькой кухне тоже нашлось своё преимущество. А вообще-то мы никогда не жаловались на бытовые условия, ведь во многих регионах страны люди жили не лучше, а местами ещё и похуже. Старые бараки, построенные в качестве временного жилья, и сегодня иногда показывают по телевизору. А на Курилах таких домишек в девяностые годы прошлого века было предостаточно. У них была своя особенность: внешний вид резко отличался от внутреннего содержания. Заходя в такое жильё, можно было увидеть у каждого островитянина настоящее «капиталистическое богатство»: японский телевизор, микроволновую печь, мини пекарню, разные кухонные комбайны, кофеварку и рисоварку. А перед самым бараком нередко стояли одна-две иномарки – праворульные японские машины. О такой роскоши на материке могли только мечтать. А здесь, на Кунашире, это было просто нормой жизни. И никто никому не завидовал. Если ты пытался доехать из какого-то посёлка в Южно-Курильск, то мог спокойно голосовать на единственной дороге. И тебя совершенно бесплатно подбросят, куда надо, когда на джипе, а когда и на тракторе. Кому как повезёт. Нас по дороге в аэропорт, конечно, повезли на заставском «газике». И вот мы уже машем из иллюминатора наряду, спускающемуся по трапу после проведения пограничного контроля пассажиров самолёта. Примерно через полтора-два часа приземляемся в аэропорту Южно-Сахалинска, что-

бы потом отправиться далее – до Москвы. Отпуск начинается. Но так получилось, что из-за нестыковки рейсов на самолёт до столицы мы опоздали. Ничего не оставалось, как поменять билеты и поехать на ночлег в гостиницу. Расположившись в номере, мы от скуки начали смотреть телевизор. И вдруг прервались все передачи, на экране появился экстренный выпуск новостей. Главным известием было крушение самолёта, на который мы опоздали! Ещё не существовало в нашей стране в свободном доступе сотовых телефонов, а до ближайшего почтового отделения, откуда можно было бы сообщить родителям, что мы живы, нужно ехать много километров. И пока муж сумел добраться до телефона, мой папа обзвонил уже все дежурные службы Москвы и Владивостока, поднял, как по тревоге, всех родственников. Момент, когда опубликовали списки погибших, в которых нас не было, стал истинным счастьем для всей родни. Что испытали наши бедные родители в минуты тягостного ожидания, трудно себе представить! Ведь не опоздай мы тогда на рейс, лежали бы уже на дне океана. Судьба! И это не единичный случай. В другой год, также добираясь в отпуск, мы испытали немало неприятных эмоций, когда огромный двухэтажный самолёт вынужден был из-за возгорания двигателя совершить посадку в Абакане вместо Красноярска. Интересно, что всех пассажиров согнали на дальний край лётного поля, не давая возможности ни войти в самолёт, ни выйти в здание аэропорта. Масла в огонь подливали спасатели, по стечению обстоятельств летевшие в том же самолёте после операции по подъёму ранее разбившегося и утонувшего самолёта. Эти мужчины паниковали больше пассажиров. А перед самой экстренной посадкой потребовали у стюардессы принести несколько бутылок коньяка, а потом, изрядно выпив, громко рассказывали, как извлекали обломки самолёта из морских глубин. Разумеется, никому это не добавляло положительных эмоций. После нескольких часов ремонта всех пассажиров, прогуливающихся в ожидании хоть каких-то объявлений по ограниченному охраной периметру лётного поля, снова пригласили в лайнер, который успешно долетел до Москвы.

* * *

Прошло два месяца. Отдохнувшие, мы возвращались на заставу с подарками и новостями с материка. Встретивший нас водитель рассказал, что из отпуска также прибыл ещё один офицер, который будет служить на нашей заставе. Таким

образом, там будет уже два офицера, констатировал бодрым голосом водитель. Мы удивленно переглянулись. А почему не три? Водитель как-то вяло отреагировал на вопрос и быстро перевел разговор на другую тему. Поскольку дорога предстояла неровная, с ухабами и ямами, наше внимание переключилось на то, чтобы удерживать в равновесии дочь и многочисленные сумки. Приехав на место, мы увидели, что нас встречают новый офицер и прапорщик Сергей. Муж поинтересовался об Александре, у которого мы оставляли ключ от квартиры, но в ответ услышал, что нас приглашают на обед к офицеру Георгию. Оставив вещи у входа в дом, на заставе это было обычным делом, никто ничего не возьмет, мы отправились обедать. Было такое чувство, что от нас что-то скрывают. И это оказалось действительно так. Во время обеда Георгий несколько раз отшучивался от наших попыток узнать, где же Александр и что вообще происходит. Потом в квартиру вошел Сергей и попросил у моего мужа разрешения доложить обстановку, которая сложилась за время нашего отсутствия.

Перед тем, как излагать суть происходящего, прапорщик некоторое время прокашливался, потом мял в руках головной убор и вот, наконец, приступил к докладу. Оказывается, буквально через два часа после нашего отъезда Александр решил отметить это дело. Но, будучи единственным офицером, он оставался дежурить на заставе и расположился в Ленинской комнате. Если кто не знает, то на каждой заставе было такое помещение, где на стенах висели агитационные плакаты, цитаты из работ Владимира Ильича Ленина, красное знамя и бюст вождя революции. Периодически в этой комнате солдатам читались лекции на тему патриотизма и любви к социалистическому отечеству, проверяли так называемые ленинские тетради, куда военнослужащие должны были конспектировать краткое содержание работ классиков марксизма-ленинизма. Но чаще всего солдаты приходили в эту комнату, чтобы доделать свой дембельский альбом, почитать книгу, написать домой письмо. Но в тот день Александр приказал перенести его кровать в Ленинскую комнату. Он сделал её своим жилищем на время нашего отъезда, полагая, что так будет проще контролировать состояние дел на заставе. Кроме того, он перенёс из своей квартиры весь запас спиртного, а это, как позже можно было судить по батарее пустых бутылок, почти два ящика водки. Отметив отъезд начальника, молодой офицер сходил в нашу теплицу за поми-

дорами-огурцами, после чего продолжил возлияния. На заставе время идёт в своём ритме, подчиняясь служебному распорядку. Александр сутками находился на облюбованном им «командном пункте», в Ленинской комнате, раздавая оттуда приказы, предполагающие сделать жизнь заставы, как ему казалось, более деятельной. На улицу он выходил по нужде или навестить нашу квартиру и теплицу. После чего непременно уходил в очередной запой. Однажды прапорщик попытался образумить своего старшего товарища, но закончилось это традиционными словами «ты меня уважаешь?» Неопытный в застольных делах молодой человек еле дошел до кровати, а наутро решил избегать встреч с Александром один на один. Но это было очень сложно!

* * *

Одним памятным вечером, уже после отбоя, прапорщик Сергей пытался тихонько пройти мимо Ленинской комнаты по своим делам, и вдруг отчетливо услышал, как Александр кому-то говорит: «Уйдите, ну пожалуйста, уйдите! Я вас не звал, мне и одному хорошо!» Сергей остановился и прислушался. Голос сначала стих, а потом вдруг раздался душераздирающий крик: «Я вам приказываю убираться в ад! Пошли вон отсюда!» И вслед за этим послышался звук разбитого стекла. Сергей пулей влетел в комнату и увидел, как лежащий на полу Александр снова целится пустой бутылкой в только что разбитое им окно. Испуганный прапорщик спросил: «Что случилось? С кем вы разговариваете?» Александр медленно повернул голову в сторону двери, потом кивнул на окно и проговорил: «Ты что, слепой? Не видишь, как эти твари сидят на подоконнике и корчат мне свои мерзкие рожи! Но я им сейчас покажу!» И с этими словами он метнул бутылку в окно, разбив и вторую половинку стекла. Сергей бросился поднимать начальника, но тот вырывался и кричал, что эти черти у него получат «дюндюлей» и научатся уважать советского офицера, который грудью защищает морскую границу страны. С большим трудом прапорщику удалось вместе с дневальным дотащить Александра до его квартиры, уложить на кровать и привязать к ней ремнями. Потом был вызван фельдшер из ближайшего посёлка. Он сумел путем разных манипуляций привести офицера в чувство. Несколько дней его продержали под домашним арестом, прибегнув к помощи тех офицеров с соседней заставы, которые бы не стали никому ничего докладывать. Из запоя

Александр вышел. И черти к нему больше не приходили. Порядок в Ленинской комнате навели, стекла вставили. А вот про посуду, которую лейтенант выносил из нашей квартиры, периодически забывая её в теплице, никто тогда не знал. Позже мы обнаруживали свои вещи в самых неожиданных местах. Не говоря уже о том, что теплица была уничтожена, а в курятнике топталась одинокая курица. Её сородичи, якобы, пали жертвой какой-то лисы, которая повадилась есть наших кур. Не иначе двуногая была плутовка! И оставляла на земляном полу следы от обуви сорок второго размера.

* * *

Но история на этом не закончилась. У неё было продолжение. Чтобы его узнать, вернёмся в то время, когда мы ещё были в отпуске. Уже незадолго до нашего приезда мимо заставы проезжали егеря. По закону гостеприимства их встретили, накормили и в баньке напарили. В благодарность они оставили Александру трёхлитровую банку чистого спирта. Как будто для медицинских целей. И тут началась вторая серия фильма «про чёртиков в Ленинской комнате». Наверное, именно в то время наши куры и пали жертвой хитрого лиса. Но это еще полбеды. Главное, что именно в этот день была нарушена граница рыболовецким судном из Японии, которое преследовал у наших берегов пограничный катер. Дело происходило вечером. Связист доложил обстановку дежурному офицеру, которым, естественно, оказался Александр. Как известно, на определенной стадии алкогольного опьянения человека тянет на подвиги. И это был как раз тот самый случай. Не крепко держащийся на ногах молодой человек наскоро нацепил портупею, взял из сейфа пачку патронов, а из оружейной комнаты автомат. И направился к берегу. А там довольно близко, как ему показалось, хорошо просматривалось какое-то судно. Решив, что это и есть нарушитель, лейтенант произвёл по нему длинную автоматную очередь. В это время выбежавший на берег личный состав услышал крики с судна и даже, говорят, различил непере译имый русский жаргон. Из чего следовало, что это уж точно не японский нарушитель. Но Александру показалось подозрительным, что японцы еще и ругаются, как наши. Он посчитал это провокацией и для верности шмальнул еще разок из автомата по «наглецам». Судно резко начало уходить от береговой линии, а довольный своими действиями офицер, расценил это как победу русского ору-

жия. Он вскинул в боевом кличе руку с «калашом» и закричал: «Получили, черти!» И только хитростью прапорщику удалось заманить лейтенанта в помещение, предложив ему «отметить победу».

Если бы это не были «лихие девяностые», трудно даже представить себе последствия этого происшествия! Но в каждый период истории человечество сходит с ума по-своему. И все же действия офицера не остались без внимания. Следующим утром на заставу прибыла комиссия из отряда, возглавляемая высшим руководством. Но, как и предполагали некоторые знакомые с ситуацией люди, в дело вмешался отец Александра, занимавший высокую должность в Москве. И уже к нашему приезду из отпуска лейтенант был успешно переведён на другое место службы. Поговаривали, что видели его где-то в Шереметьево. Одно хорошо, уж там-то чёртики точно не водятся.

ПОЖАР

В ту ночь ей исполнилось ровно тридцать лет. Для пограничной заставы она была уже старушкой. Здание обветшало, некоторые помещения пришли в негодность. В кочегарке что ни день, выходило из строя оборудование, и солдат-кочегар люто материл эту «бесполезную железяку». Уж он-то знал, как весь год находиться в напряжении в ожидании возгорания от малейшей искры, которая так и норовит проникнуть из топки наружу. Несколько случаев всё же удавалось вовремя предотвратить. Но от изматывающей борьбы со старым оборудованием устанет даже самый выносливый человек. Смены кочегару пока не прислали, хотя и обещали не первый месяц. Правда, согревало душу знание о неотвратимом дембеле. Но до него ещё нужно дожить без происшествий. «Хоть бы ты сгорела, зараза!» – часто в сердцах говорил кочегар, имея в виду старую заставу.

На подходе (так сокращённо все называли подсобное хозяйство) тоже не всё было гладко: покосились стареющие сараюшки, подклети и другие помещения для животных. Резкий курильский ветер шнырял по помещениям в поисках объектов, которые можно было бы одним порывом унести в море и играть с ними, как играет шаловливый котёнок с привязанной к

ниточке бумажкой. Только металлические бидоны, сделанные в СССР на совесть, гарантировали своим знаком качества ещё очень долгую и исправную службу. На их фоне всё остальное напоминало фильм-катастрофу. Ещё бы! Застава пережила не одно десятилетие и подвергалась постоянным налётам сильнейших ветров, перепадам температур и высокой влажности. Ходили упорные слухи, что на её реконструкцию давно выделили деньги, которые уплыли с Сахалина в сторону Курил, но так и не добрались до места назначения, пополнив число капиталов, пропавших без вести на просторах нашей маленькой страны. Поэтому все солдаты, трудившиеся посменно на подходе, время от времени ругали это место и желали ему поскорее развалиться. Все ждали весны. А точнее, весенней демобилизации. Давно были украшены фотографиями и рисунками дембельские альбомы, выглажены и подготовлены комплекты одежды, гордо сверкающие знаками «Отличник пограничных войск», «Старший пограничного наряда» и «Готов к труду и обороне» разной степени. Но на дворе пока стоял февраль. Это время отличается на Курилах штормовыми ветрами. Хотя острова и находятся примерно на тех же широтах, что Кишинёв, Париж и Волгоград, но здесь всегда жутко влажно из-за близости Тихого океана и холодного Охотского моря. Зимой на улице не столько холодно, сколько промозгло. В таких условиях раздолье для жизнедеятельности плесени, которую приходится счищать каждую неделю с внутренних стен здания. Одежду необходимо постоянно проветривать, иначе в ней заведётся плесень и тогда останется только вынести вещи на помойку. В обязанности солдат на заставе входило постоянное проветривание обмундирования, белья, мытьё стен и прочие меры санитарно-профилактического характера, от которых тоже все уже порядком устали. И потому нередко из разных уголков заставы слышались то тихие и безнадёжные, то громкие и злые ругательства, сводившиеся, в конечном счёте, к одной фразе: «А, чтоб тебя, гори уже синим пламенем!» В общем, даже самый сдержанный человек на заставе не раз мысленно или вслух пожелал ей поскорее сгореть. Но никто не думал, что эти коллективные пожелания вскоре сбудутся. Поскольку застава была дальней, начальство не спешило со сменой её состава, справедливо полагая, что до весны рукой подать, а маленький коллектив всё выдержит, помня, что на горизонте маячит желанный отъезд домой.

Наступил день, когда старушке-заставе стук-

нул тридцатник. Это для человека – самый расцвет сил, а для пограничной заставы – время подумать о кардинальной реконструкции. Никто об этом и не мечтал, несмотря на многочисленные рапорты начальника заставы о ненадлежащем состоянии здания и прочего казённого имущества. И это притом, что в документах указывалось на периодические возгорания, небольшие пожары в бане, кочегарке и дизельной, происходящие не по вине людей, а в силу старости объектов. Но шёл 1993 год – последствия от развала страны набирали силу, служебная чехарда добралась и до островов. Начальство пеклось теперь не о мощи державы, а о наиболее выгодном варианте выхода на дембель или переводе к лучшему месту службы. Поэтому все бумаги благополучно оседали где-то в глубине стола высокого командования. Видимо, оно надеялось на русский «авось», ждало очередного повышения и перевода на большую землю. К чему думать о какой-то заставе, к тому же дальнейшей? Вот если бы она была икорной или хотя бы рыбной, тогда начальство посещало бы её часто. А так...

Накануне вечером усилился ветер. Несколько раз искры из топки в кочегарке так и норовили лизнуть какую-нибудь ветошь или валявшуюся на полу тряпку. Но бдительный кочегар вовремя успевал погасить набиравшее силу пламя. Устав от борьбы со старой печкой, он в изнеможении вышел на крыльцо, вдохнуть свежего воздуха. И снова ветер унёс с собой его грубые слова: «Да чтоб ты сгорела, проклятая!»

* * *

И ночью она сгорела!

Ближе к утру, когда внимание притупляется даже у бывалых пограничников, искрам из неблагоприятной топки удалась вылазка к ближайшему месту, где можно было пожить чем-то горючим. Уставший кочегар, у которого так и не было подмены, вышел на несколько минут по нужде. А когда вернулся, огонь уже всю хозяйничал не только в кочегарке, но и продвинулся в сторону других помещений. Заставу подняли «в ружьё». Через несколько метров от её здания находился дом офицерского состава, такой же ветхий, как и она. Дело усугублялось тем, что между этими зданиями росли высокие деревья, а порывы ветра могли привести к верховому пожару, остановить который не представлялось возможным. В доме проживало всего несколько человек – семья начальника заставы с полуторагодовалым ребёнком и семья прапорщика, супруга

которого была как раз беременна. Между тем, ветер активно помогал пламени разгораться. Оно, как фашисты в 1941 году, стремительно захватывало одно помещение за другим. И уже приближалось к оружейной комнате. Главное в этом деле было, как ни странно, не только спасение личного состава, но и так называемой «секретки». Начальник заставы прекрасно помнил недавний случай гибели офицера на пожаре, случившемся на Итурупе. Тот спасал именно «секретку», в результате чего сам погиб, семью оставив без кормильца. Не хотелось бы повторить эту трагедию. К счастью, удалось без потерь вынести все документы. А когда стало понятно, что стихию не победить столь малыми силами, которые были на заставе, оставалось только одно: не допустить распространения огня на жилое помещение.

Конечно, и начальнику заставы, прошедшему через войну в Афганистане, было страшно. Не за себя. Недалеко от места пожара находились женщины – его жена с маленькой дочкой и супруга прапорщика. Связи с комендатурой и отрядом уже не было. Как сообщить о случившемся? Хорошо, что удалось избежать верхового пожара, сохранить, хоть и без электричества, дом офицерского состава. Как быть дальше? Помимо решения боевых задач по отношению к государству нужно что-то делать с бытовыми проблемами. Зима, холодно, у солдат сгорели личные вещи, слава Богу, что хоть склад не пострадал, есть продукты и тёплое обмундирование. Но отсутствие электричества, а значит, и воды, ведь насосы работают на электроэнергии, при наличии беременной женщины и маленького ребёнка создают большие проблемы. Их нужно решать именно ему, начальнику. И желательно в самое ближайшее время. Но главное – удалось избежать человеческих жертв и паники. Все действовали слаженно и дружно, никто не проявил трусости и малодушия. А в этом, хочется думать, есть и его, начальника, заслуга. Жаль, что начальство не оценит, как героически пытались потушить пожар, как спасали государственное имущество, как не жалели себя. Но кому это надо – ценить человеческие поступки на фоне уже сгоревшей заставы? У вышестоящего руководства «на носу» перевод в «хлебное» место. К тому же в кулуарах шепчутся, что на деньги, предназначенные для строительства нового заставского комплекса, высокий чин уже построил себе дачу на Сахалине. Конечно, это только слухи. Но денег-то нет реально! И теперь нужно создавать комиссию для разбирательств, чтобы ответить на главный русский вопрос: «Кто виноват?» А вопрос

этот автоматически предполагает наказание виновных. Поэтому важно быстрее выяснить, кого наказывать. А если виновата стихия и старость заставы? Так ведь стихию не призовёшь к ответу, как и сгоревшее здание. Остаётся один стрелочник – начальник заставы. Писал рапорты о проблемах? А где эти рапорты? Копии есть? Нет? А как теперь докажешь, что они вообще были?

* * *

Утром, на фундаменте сгоревшего здания лежал густой пепел. Ветер утих, вполне довольный тем, что он, словно сельский гуляка после хорошей попойки, повеселился на пожарище. Вокруг установилась такая тишина, словно природа скорбела по почившей старушке-заставе. Стоявшие в сторонке чумазые от гари солдаты-срочники тихо обсуждали происшествие, удивляясь тому, как это застава сгорела именно в ночь своего тридцатилетия. Мистика? Однако когда в стране с экранов телевизоров постоянно показывают сеансы Кашпировского и Чумака, невольно поверишь в происки тёмных сил. В этот момент послышался далёкий шум двигателя. Солдаты посмотрели в ту сторону, откуда доносился звук. Через пару минут они увидели приближающийся к ним военный транспорт – неподалёку базировалась армейская часть. Ночью столб пожара был виден не только со стоявшего на рейде пограничного корабля, с которого и пришло в отряд сообщение о постигшей заставу беде, но и в армейской части. Несколько знакомых армейцев решили прийти на помощь пограничникам, причём сделали это без согласия на то командования – слишком долго проходило бы согласование по всем инстанциям, а людям требовалась срочная помощь. Как выяснилось позже, инициатива, даже с самыми благими намерениями, по-прежнему в нашей стране наказуема: за действия, несогласованные с командованием, армейцы получили по выговору. Но это было не так важно по сравнению с тем, какую своевременную помощь они оказали, эвакуировав с места пожара в ближайший посёлок женщин и маленького ребёнка. Забегая вперёд, скажу, что через две недели по неведомой никому причине сгорел и дом офицерского состава вместе со всем имуществом. Сообщение

о втором пожаре застало меня на комендатуре. Позвонивший туда майор был изрядно навеселе. Без предисловий и слов сочувствия он выпалил буквально следующее: «Твой муж опять сгорел!» И, видимо, чтобы заполнить повисшую в воздухе паузу,

быстро добавил: «Ну, не совсем сгорел, конечно, люди успели выбежать. А вот дом не успел». После чего раздался смех. Майор остался доволен своей «шуткой».

* * *

Когда на месте пожара работала комиссия по выяснению причин случившегося, комендант, подсчитывая убытки, предложил пустить «под нож» всю живность на подходе. А было там немало животных: стадо коров, табун лошадей и поголовье свиней. И тогда начальник сгоревшей заставы, измученный и физически, и морально, но непреклонный в желании защитить животных, встал в дверях и не допустил этого. В своё время он не раз отпаивал молоком и раствором воды, водки и сахара больных и слабых животных. Они всегда благополучно выживали. Выжили и в этот раз благодаря его стараниям. Так подсобное хозяйство осталось на балансе отстроенной заново заставы. А офицеры вместе с солдатами с благодарностью вспоминали бывшего начальника заставы, не лишившего их возможности ежедневно получать к столу свежие продукты.

* * *

Через несколько месяцев после двух пожаров, случившихся с разницей в две недели, комиссия, изучавшая их причины, так и не пришла ни к какому конкретному выводу. Уголовное дело против начальника заставы то открывали, то закрывали за неимением состава преступления. Это обстоятельство немало потрепало нам нервы. В то же время никто не озаботился тем, где будут жить семьи, пострадавшие во время первого пожара и вывезенные на комендатуру. Нас с дочерью, например, временно приютили знакомые. Сослуживцы, кинув клич, собрали какое-то количество вещей для погорельцев, так и не дождавшихся ни сочувствия, ни материальной помощи от вышестоящего командования. Более того, последствия пожара вновь напомнили о себе через несколько лет, когда бывший начальник сгоревшей заставы был зачислен в военную академию. Перед самым отъездом начальство угрозами и негромкими, но настойчивыми угрозами, больше похожими на шантаж, предложило добровольно возместить некий ущерб. В противном случае, как недвусмысленно намекалось сверху, об академии можно забыть. На семейном совете решили: мы живы – это главное, а деньги ещё зарабатываются, лишь бы скорее уехать на материк. Ведь в военной академии в Москве никто не будет ждать.

И хотя официально с начальника заставы давно сняли все обвинения, положение, когда ты ежедневно идёшь на очередную «душеспасительную» беседу в отряд, причём пешком, как ходоки к Ленину, угнетало не на шутку. Шёл 1996 год – разгар «лихих девяностых», когда человеческая жизнь обесценилась до своего нижнего предела, а рэкет проник во все сферы общества. И потому самым лучшим было согласиться на все условия и покинуть Курилы.

* * *

Семь лет было отдано островам. Пережиты пожары и землетрясения. Трудности девяностых ждали впереди. Но всё это был неотвратимый опыт, проживаемый людьми вместе со своей страной. И пусть сегодня не очень хочется вспоминать неприятные моменты, но это нужно. Хотя бы потому, чтобы дети знали: родители не ели из серебряных ложек, как отпрыски олигархов. Тех самых, что в девяностых, в основном обманным путём, захватили народную собственность и богатства. А позже под громким именем «спонсорская или гуманитарная помощь» периодически бросали народу, как обглоданную и уже бесполезную кость, какие-то мелкие подачки из наворованных средств. Но не об этом наш рассказ. Напоследок мне хочется вспомнить, как ещё до пожара на заставе две женщины, обе – Ирины, сидя после бани на крыльце, выходящем к исключительной красоты природному курильскому уголку, рассуждали о своих заветных мечтах после окончания службы. Первая Ирина – жена прапорщика Константина Сичкаренко, того самого, что первым пришёл на помощь погорельцам с заставы и получил за это выговор от начальства, грезила о собственном доме. Другая – жена капитана, а впоследствии полковника Виктора Шейбака, «изобретателя» воспитательного метода на заставе, фантазировала о книгах, что когда-нибудь напишет. И одна из них непременно будет о жизни на Курилах – далёких островах, пусть и не её мечты.

С Божьей помощью сбылось всё!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

156

Каждый период в жизни человека должен научить его чему-то важному. Семилетнее пребывание на Курильских островах укрепило меня в мысли о том, что никакие внешние богатства,

красота, блага цивилизации не могут стоять на первом месте в шкале приоритетов человеческих ценностей. Бог даёт и отбирает в один момент. Это я наблюдала во время землетрясения и других бедствий, постигших население островов. Мне пришлось видеть разное поведение людей в экстремальной ситуации, испытать и себя. Слава Богу за всё! Пережили и укрепились в вере. И это ещё один урок от Курил. Он дал мне понимание того, что вера в Бога, порой, остаётся единственным прибежищем и помощницей, когда люди бессильны, а обстоятельства страшат. И поэтому так важно верить. Наша страна – многоконфессиональна, здесь вполне применимо выражение: «Бог един, а пути к нему – разные». Каждый придёт в назначенный пункт в своё время. Спорить об этом бесполезно и опасно. Это как если бы мы утверждали, что быть первоклассником – зло, а числиться в выпускном классе – благо. К тому же в начальной школе никто не сдаёт экзамены на аттестат зрелости. Так и в нашем пути к вере. Жизненные обстоятельства, испытания, радости и горести у каждого свои, но есть у них общая цель: они непременно приведут человека к главному смыслу его жизни – познанию Бога. А одним из способов этого является познание себя в разных обстоятельствах. Россия в этом плане – настоящий полигон для испытаний. Причём, во все времена. Недаром же существует шутка о том, что из нашей страны можно попасть напрямиком в рай, потому что чистилище у нас проходят на земле.

* * *

Сегодня, находясь в 2019 году, оглядываясь назад, я могу сравнивать. И поэтому отчётливо вижу, что во времена расцвета СССР, который пришёлся, как мне кажется, на 70-е годы двадцатого века, наш народ в своём большинстве не был испорчен пропагандой вседозволенности и эгоизма. Моя жизнь на Курилах, изолированных от «большой земли», куда не скоро дошли негативные последствия развала страны, это ясно показывает. Я видела, как чисты были люди, проявляя в повседневной жизни взаимовыручку и братство, без тени национализма. Да, на бытовом уровне по стране гуляли анекдоты про все нации и национальности. Но рассказывались они с юмором, а не со злостью. Я наблюдала за тем, как велика любовь наших людей к природе. Курильчане понимали свою ответственность перед окружающей их средой. Сегодня я твёрдо стою на том, что ни в коем случае нельзя отдавать эти острова никому,

они наши, российские. Только немного обиженные вниманием центральных властей, впрочем, как большинство мест в российской глубинке, особенно деревенской. Конечно, я описала всего лишь эпизоды, ведь за семь лет впечатлений накопилось много, но они еще требуют осмысления. А пока пусть читатель знакомится с далёкими краями через простые человеческие истории. И очень хочется, чтобы каждый из нас, жителей огромной и богатой страны, понимал: в какой её части мы бы ни проживали, нужно верить, что именно люди – наше главное богатство! Только от их поведения и молитв зависит наше будущее. И я тоже молюсь, как умею. Иногда в стихах.

МОЛИТВА

Чего мы ищем в этом мире?
Везде развал в сердцах, умах.
Мечтают массы о кумире,
В их душах поселился страх.

Нам всем важны вершины, цели,
И в жизни нужен поводырь:
Ведь повзрослеть мы не успели,
Чтоб сказку переделать в быль.

Но, Боже мой, вокруг раздоры,
А души захватил разврат!
Не можем мы подняться в горы,
Нам проще опуститься в ад.

Куда несёт нас провиденье?
Корабль плывёт, не видя цель!
Команда, капитан в сомненьях.
А впереди – маячит мель.

О, Господи! Пошли мессию,
Чудес так хочется душе...
Творец, прошу, спаси Россию
На предпоследнем вираже!

СОДЕРЖАНИЕ

Читателю	5
Три кота. Рассказ в трёх частях	7
Из серии «Кишинёвские рассказы»	29
Городок	29
Загадочный спаситель	32
Квартира через костыли	34
Бульвар Советской Армии	36
Последняя скамейка	46
«Чемодан, вокзал, Россия!»	49
Из серии «Курилы – острова не моей мечты»	86
Вместо вступления	86
Курилы. А это где?	89
Курильские загадки	95
5 Будущее биологии – в надёжных руках!	102
Кунаширская трагедия	107
«Ипритка», «клоповка» и другие	113
«Белый коралл»	117
Электричка до Сахалина и ассенизация всей заставы	122
Бревно и «воскрешение из мёртвых»	128
Загадочная коробка	134
«Я не контуженный!»	137
Японская миллионерша	141
Черти в Ленинской комнате и посуда в теплице	144
Пожар	150
Вместо послесловия	156
Молитва	158

Шейбак-Богаткина
Ирина Владимировна

**«ЧЕМОДАН, ВОКЗАЛ, РОССИЯ!»
И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ**

Дизайн и компьютерная верстка
А.В. Трефилов

Редактор
К.А. Большакова

Корректор
Е.В. Гурчева

Издательство «Золотая аллея»

Подписано в печать 04.12.2019. Формат 84x100/32.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Объем 5 ф.п.л. Заказ

«Золотая аллея», 248000, г.Калуга, почтамт, а/я 23,
book_za@mail.ru, тел. 8-484-257-6742

Отпечатано в АО «Первая образцовая типография»,
Филиал «Чеховский печатный двор»
142300, Московская область, г.Чехов, ул. Полиграфистов, 1
Сайт: www.chpd.ru / E-mail: sales@chpd.ru